

РАШИНСАЙНС

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№7 2019

Казань - 2019

УДК 08
ББК 72
К4 94

К4 94 Казанская наука. №7 2019г. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2019. – 124.

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 – 75730).

Журнал размещен в открытом бесплатном доступе на сайте www.kazanscience.ru.

Журнал включен ВАК РФ в перечень научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» № E11209.

Главный редактор А.Р. Шагимуллин

Редакционная коллегия

*Р.Ф. Бекметов – к.филол.н., доцент; В.В. Кондратьев – д.пед.н., профессор;
Н.С. Найденова – д.филол.н., доцент; А.М. Саяпова – д.филол.н., профессор;
Р.Р. Хуснуллина – д.филол.н., профессор.*

В журнале отражены материалы по теории и практике направлений науки, наиболее интенсивно развивающихся в настоящее время. Представлены труды ученых и специалистов вузов, институтов РАН, организаций, учреждений и предприятий, представителей органов власти.

Материалы журнала будут полезны преподавателям, научным работникам, специалистам научных предприятий, организаций и учреждений, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

УДК 08
ББК 72

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

© Рашин Сайнс, 2019 г.

СОДЕРЖАНИЕ

10.01.01– ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

<i>С.Ф. Меркушов</i> СЮРРЕАЛИСТИЧЕСКАЯ ОПТИКА АБСУРДА В РОМАНЕ ВАДИМА КЛИМОВА «СКОРЛУПА»	7
<i>С.Ф. Меркушов</i> ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ КАТЕГОРИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО АБСУРДА	10
<i>Е.А. Обухова</i> ТЕМА ПРОЗАИЗАЦИИ СТИХА В ПОЛЕМИЧЕСКОМ ДИАЛОГЕ	
<i>В.В. НАБОКОВА</i> С КРИТИКАМИ 1920–1930-х гг.	13
<i>К.В. Смирнов</i> ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РАССКАЗА С.Д. ХВОЩИНСКОЙ «НАСЛЕДСТВО ТЕТУШКИ»	16
<i>В.В. Частных</i> «МИХАИЛ БУЛГАКОВ» А.Н. ВАРЛАМОВА: СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПЕРСОНАЖА	19

10.01.10 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Р.Ю. Анисимов</i> ГАЗЕТНЫЙ ЗАГОЛОВОК КАЧЕСТВЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЫ КАК СРЕДСТВО ПРИВЛЕЧЕНИЯ ВНИМАНИЯ	28
<i>В.И. Антонова, Аль-Хатал Бассам Абдуллах Абдулджаббар</i> СОВРЕМЕННЫЙ РЕПОРТАЖ – СИНТЕЗИРОВАННАЯ ФОРМА МЕДИАТЕКСТА	31
<i>А.У. Киньябулатов, С.Г. Аксенов, Р.Н. Зигитбаев, А.Д. Лифанова, Нгуен Тхань Нга, Конг Тхи Хоа, Ф.Х. Усманова, С.А. Батанин, А.Ф. Мухлис</i> ВКЛАД ЧЛЕНА СОЮЗА ЖУРНАЛИСТОВ РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН, ПРОФЕССОРА С.Г. АКСЕНОВА В РАЗВИТИЕ ВОЕННОЙ И МЕДИЦИНСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ (К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)	34
<i>З.З. Рамеев, Л.Ш. Гарипова, Г.Н. Зайнеева, Г.А. Хуснутдинова</i> ЛИТЕРАТУРНОЕ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Г. ГАФУРОВА-ЧЫГТАЯ	37

10.02.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК

<i>О.А. Астафьева, Т.А. Колоскова, А.В. Блохин</i> СЕМАНТИКА ГЛАГОЛА В РЕМАРОЧНОМ ПОВЕСТВОВАНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЬЕСЫ А.П. ЧЕХОВА «ВИШНЕВЫЙ САД»)	40
<i>Г.М. Лисина</i> АРГОТИЗМЫ ЗАИМСТВОВАННОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	43
<i>А.Ф. Сагитова, Г.Г. Фефелова, А.К. Сулейманова, Р.Х. Хайруллина</i> О МЕХАНИЗМАХ КОДИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО СМЫСЛА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЮМОРИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ)	47
<i>Р.Р. Шамсутдинова</i> СТРУКТУРООБРАЗУЮЩИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ВОЗВРАТНОГО МЕСТОИМЕНИЯ СЕБЯ	50
<i>Д.Д. Юсупова</i> КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА ХОЛОД В РОМАНЕ А. БЕЛОГО «ПЕТЕРБУРГ»	54
<i>Н.П. Ячина, Г.И. Яруллина, С.Г. Добротворская, В.С. Минкин</i> РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЧЕЛОВЕКО-ЦЕНТРИРОВАННОМ ОБЩЕСТВЕ	59

10.02.04 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

<i>К.Н. Антонова</i> КОГНИТИВНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ИНТЕРМЕДИАЛЬНОГО ДИСКУРСА АНГЛИЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	62
<i>Н.Е. Бажайкин</i> КОНСТРУИРОВАНИЕ ГЕНДЕРА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ГЕРМАНИИ	65

<i>А.Ю. Воробьева</i> ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ И ЯЗЫКОВЫЕ ФОРМЫ ЕЁ ЭКСПЛИКАЦИИ	68
<i>Н.В. Гревцева, О.А. Донскова, Э.Б. Иванюшина</i> ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БРИТАНСКОГО ЖЕНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	72
<i>Т.С. Рыжкова</i> ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО FREUNDLICH В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ	75
<i>Е.Г. Сулова</i> ФОРМАЛЬНО-ЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРЯМОЙ РЕЧИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ XII И XV ВВ. (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРНОГО И ПРОЗАИЧЕСКОГО РОМАНОВ О ТРИСТАНЕ)	78

10.02.19 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

<i>Р.К. Ахметгареева</i> ВНЕДРЕНИЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС ПРОФЕССИОНАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ УЧЕБНО-РЕЧЕВЫХ СИТУАЦИЙ ПРИ ПОДГОТОВКЕ ЛИНЕЙНЫХ ИНЖЕНЕРОВ	82
<i>Д.Д. Батарило, Я.В. Попова</i> ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ОБРАБОТКА ТАБУИРОВАННОЙ ИНФОРМАЦИИ В ОФИЦИАЛЬНЫХ ТЕКСТАХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ВЕДОМСТВ	85
<i>К.Н. Бурнакова, Т.Н. Боргоякова</i> ЗНАЧЕНИЕ НЕОЧЕВИДНОСТИ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ В ЯЗЫКАХ ЮЖНОЙ СИБИРИ	89
<i>И.В. Варуха, Ю.Х. Шамсутдинова</i> СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭМОТИВОВ СТРАХА ВО ФРАНЦУЗКОМ ЯЗЫКЕ	92
<i>М.К. Васильева, Л.А. Спектор</i> ЯЗЫКОВАЯ ИГРА ВО ФРАНКОЯЗЫЧНЫХ РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНАХ	95
<i>А.В. Кириллова, С.В. Маслечкина, Д.Е. Меренкова, М.В. Шурупова</i> КОНЦЕПТ “PRIVACY” В КОНТЕКСТЕ АНАЛИЗА АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА	98
<i>Е.И. Кривошеева</i> ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ПЕРЕВОДОВ ТРЕХСТИШЕЙ СИ ЧЖО С КОРЕЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК	101
<i>Д.А. Розеватов</i> СКРИПТ «WAR» И ТЕНДЕНЦИИ ЕГО ЭВФЕМИЗАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ США	104
<i>Ф.А. Тугушева, Л.Х. Хараева, А.Г. Хамурзова</i> ОБРАЗОВАНИЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ НАРЕЧИЙ В СТАРОФРАНЦУЗКОМ ЯЗЫКЕ	108
<i>С.А. Шатохина</i> ФАКТОРЫ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ ЖЕСТОВЫХ ЯЗЫКОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ	111

АННОТАЦИИ

115

THE RELEASE MAINTENANCE

10.01.01 – PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LITERATURE

<i>S.F. Merkushev</i> THE SURREAL OPTICS OF THE ABSURD IN THE NOVEL VADIM KLIMOV "SHELL"	7
<i>S.F. Merkushev</i> THEORETICAL RECEPTION OF ARTISTIC CATEGORY OF THE ABSURD	10
<i>E.A. Obuhova</i> THE THEME OF THE PROSAIC POEM IN THE POLEMICAL DIALOGUE OF V.V. NABOKOV WITH CRITICS OF THE 1920s – 1930s	13
<i>K.V. Smirnov</i> ARTISTIC ORIGINALITY OF THE STORY S.D. KHVOSHCHINSKY "INHERITANCE OF THE AUNT»	16
<i>V.V. Tchastnykh</i> "MIKHAIL BULGAKOV" A.N. VARLAMOV: THE SPECIFICITY OF THE REPRESENTATION OF THE CHARACTER	19

10.01.10 – PHILOLOGICAL SCIENCES – JOURNALISM

<i>R.Y. Anisimov</i> THE NEWSPAPER HEADLINE OF QUALITY ENGLISH AND AMERICAN PRESS AS MEANS OF ATTRACTING ATTENTION	28
<i>V.I. Antonova, Al - Khatal Bassam Abdullah Abduljabbar</i> CONTEMPORARY REPORT – SYNTHESIZED FORM OF MEDIA TEXT	31
<i>A.U. Kinyabulatov, S.G. Aksenov, R.N. Zigitbaev, A.D. Lifanova, Nguen Thanh Nga, Kong Thi Hoa, F.H. Usmanova, C.A. Batanin, A.F. Muhlisov</i> CONTRIBUTION OF THE MEMBER OF THE UNION OF JOURNALISTS OF RUSSIA AND THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN, PROFESSOR S.G. AKSENOV IN DEVELOPMENT OF MILITARY AND MEDICAL JOURNALISM (ON 60TH ANNIVERSARY OF BIRTHDAY)	34
<i>Z.Z. Rameev, L.Sh. Garipova, G.N. Zayneeva, G.A. Husnutdinova</i> LITERARY AND JOURNALISTIC HERITAGE OF G. GAFUROV-CHIGTAY	37

10.02.01 - PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LANGUAGE

<i>O.A. Astafeva, T.A. Koloskova, A.V. Blokhin</i> THE SEMANTICS OF THE VERB IN THE REMARKS OF THE NARRATIVE (ON THE PLAY OF A. P. CHEKHOV "THE CHERRY ORCHARD»)	40
<i>G.M. Lisina</i> PERVASION OF BORROWED ARGOTISM IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE	43
<i>A.F. Sagitova, G.G. Fefelova, A.K. Suleymanova, R.H. Khayrullina</i> ABOUT MECHANISMS OF CODING OF CULTURAL MEANING IN THE RUSSIAN LANGUAGE (ON THE MATERIAL OF HUMORISTICS)	47
<i>R.R. Shamsutdinova</i> STRUCTURE FORMING CAPABILITIES OF REFLEXIVE PRONOUN СЕБЯ	50
<i>D.D. Yusupova</i> COGNITIVE ASPECTS OF THE LEXICAL AND SYNTACTIC REPRESENTATION OF THE CONCEPT OF COLD IN THE NOVEL BY A. BELY "PETERSBURG"	54
<i>N.P. Yachina, G.I. Yarullina, S.G. Dobrotvorskaya, V.S. Minkin</i> THE ROLE OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN A HUMAN CENTRATED SOCIETY	59

10.02.04 - PHILOLOGICAL SCIENCES – GERMANIC LANGUAGES

<i>K.N. Antonova</i> COGNITIVE DETERMINANTS OF INTERMEDIA DISCOURSE OF THE ENGLISH MIDDLE AGES	62
--	----

<i>N.E. Bazhaykin</i> CONSTRUCTION OF GENDER IN POLITICAL DISCOURSE OF GERMANY	65
<i>A.Yu. Vorobyeva</i> THE PHILOSOPHICAL BASIS OF AXIOLOGICAL ESTIMATE AND FORMS OF ITS LINGUISTIC EXPLICATION	68
<i>N.V. Grevtseva, O.A. Donskova, E.B. Ivanushina</i> LINGUO-PRAGMATIC PECULIARITIES OF THE BRITISH FEMALE POLITICAL DISCOURSE	72
<i>T.S. Ryzhkova</i> THE MAIN TRENDS OF THE SEMANTIC DEVELOPMENT OF ADJECTIVE “FREUNDLICH” IN THE MODERN GERMAN LANGUAGE	75
<i>E.G. Suslova</i> FORMAL LOGICAL STRUCTURE OF DIRECT SPEECH IN THE LITERARY TEXTS OF THE 12TH AND 15TH CENTURIES (BASED ON THE POETIC AND PROSAIC NOVELS ABOUT TRISTAN)	78
10.02.19 - PHILOLOGICAL SCIENCES – LANGUAGE THEORY	
<i>R.K. Akhmetgareyeva</i> INTRODUCTION IN THE EDUCATIONAL PROCESS PROFESSIONALLY SIGNIFICANT EDUCATIONAL AND SPEECH SITUATIONS IN THE PREPARATION OF LINEAR ENGINEERS	82
<i>D.D. Batarilo, Y.V. Popova</i> TRANSLATION OF THE TABOO INFORMATION IN THE OFFICIAL TEXTS OF THE STATE AGENCIES	85
<i>K.N. Burnakova, T.N. Borgoyakova</i> THE MEANING OF NON-OBVIOUSNESS OF THE VERBAL ACTION IN THE LANGUAGES OF SOUTHERN SIBERIA	89
<i>I.V. Varukha, J.Kh. Shamsutdinova</i> THE SEMANTIC ANALYSIS OF THE EMOTIVE EXPRESSIONS OF FEAR IN THE FRENCH LANGUAGE	92
<i>M.K. Vassilieva, L.A. Spektor</i> LANGUAGE GAME IN FRENCH-SPEAKING ADVERTISING SLOGANS	95
<i>A.V. Kirillova, D.E. Merenkova, M.V. Shurupova</i> “PRIVACY” CONCEPT IN THE ENGLISH LINGUISTIC WORLD-IMAGE ANALYSIS	98
<i>E.I. Krivosheeva</i> ADEQUATE TRANSLATION OF KOREAN SIJO INTO RUSSIAN LANGUAGE	101
<i>D.A. Rozevatov</i> SCRIPT «WAR» AND TRENDS OF ITS EUPHEMIZATION IN US POLITICAL DISCOURSE	104
<i>F.A. Tugusheva, L.Kh. Kharaeva, A.G. Khamurzova</i> FORMATION OF QUANTITATIVE ADVERBS IN THE OLD FRENCH LANGUAGE	108
<i>S.A. Shatokhina</i> TRENDS OF DEVELOPMENT OF SIGN LANGUAGES	111
ABSTRACTS	115

10.01.01– ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

10.01.01

С.Ф. Меркушов канд. филол. наук

Тверской государственный университет,
филологический факультет,
кафедра журналистики, рекламы и связей с общественностью,
Тверь, stas2305@gmail.com

**СЮРРЕАЛИСТИЧЕСКАЯ ОПТИКА АБСУРДА
В РОМАНЕ ВАДИМА КЛИМОВА «СКОРЛУПА»**

В статье исследуется двойная художественная оптика романа В. Климова «Скорлупа», заключающаяся в двух аспектах интерпретации: во-первых, анализа с точки зрения родственности творческих стратегий В. Климова и А. Арто и, во-вторых, рассмотрения с точки зрения тождества субъекта и объекта в указанном тексте. В итоге на уровне метатекста обнаруживается, что в романе весьма заметен сюрреалистический мотивный комплекс, характерный для абсурдистики и выраженный в специфических нарративных приемах (неопределенность границ между сном и явью, телесные и психические деформации, сомнамбулическое поведение героев и т.д.).

Ключевые слова: В. Климов, «Скорлупа», А. Арто, «Опустошитель».

В. Климов (писатель, редактор и постоянный автор издательства «Опустошитель») — глашатай абсурда, сюрреализма, художественных открытий А. Арто и др. европейских и отечественных радикальных деятелей культуры. В первых литературных опытах, относимых, по словам автора, к периоду его обучения в университете, уже демонстрировалась синкретическая стихия. Дебютный рассказ «Родился выродок» (2002) в полной мере несет на себе отпечаток названных литературных направлений. Словно добытые из прозы Д.И. Хармса приемы и ситуации (сон, испуг, умопомешательство, агрессия, насилие, телесные деформации, бесконечное пространство без выхода, отсутствие осознанного общения, лишение текста хронологии и непрерывности, двойничество и т.п.) станут кочевать из произведения в произведение, характерных своей многожанровостью (рассказы, пьесы, миниатюры, романы) и одновременно синкретической внежанровостью. Отчетливость аллюзий ранних текстов (помимо К. Гамсуна, С. Беккета, Ф. Кафки, Д.И. Хармса, А. Арто еще и А.И. Введенский, С. Соколов, А. Бретон, Э. Ионеско, Р. Кено, Б. Виан) впоследствии преобразуется в самобытность и приобретет индивидуальные черты (см., рассказы «Post mortem» (2018), «В осколках ночи» (2014), «Между смертью и сновидением» (2013), пьесы «Здесь могла бы быть ваша реклама, мистер Куклачев» (2012), «Ноздри Парижа» (2015)).

Обратимся ко второму роману В. Климова «Скорлупа» (отдельной книгой вышел в 2014 г.). В нем выделяется двойная оптика (фактически, она может и должна оказаться шире, мы хотим разобрать наиболее эксплицированные для нас грани текста).

Прежде всего наиболее очевидная сторона — близость творческого метода В. Климова и А. Арто, конкретнее — природа энергетического посыла первого родственна специфике кривотического театра второго (наши последующие выкладки, касающиеся особенностей театра А. Арто, базируются на статьях этого выдающегося французского экспериментатора, где раскрывается его сценическая концепция (А. Арто «Театр и его двойник» [см., 1]). Во-первых, «театру жестокости» А. Арто присущ аспект вторичного проживания событий на сцене, т.е. в процессе представления элементы биографии персонажа часто воспроизводятся по воспоминаниям, а не в реальном времени. В театральное действо при этом, благодаря включению механизмов коллективного бессознательного, всецело вовлекаются зрители как

его соучастники. Во-вторых, особые рецепционные конфигурации получает у А. Арто понятие катарсиса Аристотеля. Характером сюжета пьес обуславливается частотность входа актера, исполняющего соответствующую роль, в пограничное состояние. В театральной системе А. Арто интегрируются мифологические и катарсические компоненты, ориентируемые на разрушение, отмену эго героя, а следовательно, нацеливаемые на его отождествление с макрокосмосом.

Главный герой романа «Скорлупа» Клим подобно героям А. Арто перманентно пребывает внутри своих воспоминаний. Поначалу мы сталкиваемся с ними непосредственно, «рассматриваем» их сквозь призму повествователя (в первой главе-части «Вета или Веста» это, в частности, реминисценция по поводу происшествия в пивной и дальнейшая поездка в метро). Затем, вплетаясь в экзистенциальную ткань художественной реальности, воспоминания Клим обретают плоть в т.н. «листочках» — репозиториях памяти. Во второй главе-части («Клим» ([4: 41]), где Клим наделяется статусом героя-рассказчика, сразу же возобновляются мнемозаписи (об эпизоде пребывания Клим с братом на даче, имеющем далее образное сходство с топикой «Школы для дураков» С. Соколова). Остальные персонажи так же систематически воскрешают в памяти прошедшие события, фиксируя сопутствующие этому ощущения (к примеру, в первой главе Клим находит и перепечатывает текст, написанный матерью (Вестой) его возлюбленной (Веты), в котором запечатлены ощущения первой от возврата к творчеству).

Действие романа развивается в пространстве сна и яви, причем границы между тем и другим зыбки, смазаны, порой практически неопределимы. Ощущение просмотра сюрреалистического полотна или, вернее, пребывания внутри кинокартины или сновидения, что нередко в силу схожей специфики воспринимается как одно и то же, вызывает ассоциации с двумя текстами мировой литературы, также родственными между собой, — «Голодом» К. Гамсуна и «Старухой» Д.И. Хармса. В текстуальной непрерывности романа воспроизводится та же схема «сна во сне», с взаимоналожением иллюзорных реальностей, что приводит к образованию особого типа многоуровневого хронотопа.

Таким образом, пропорционально течению времени герой-сомнамбула Клим, постоянно находясь в пограничных состояниях и условиях, существует в пересекающихся точках пространства. В. Климов в «Скорлупе» в плане содержания, и в отношении формальной структуры за счет чрезвычайной приближенности нарратива к киносценарию реализует метатекстовую ситуацию, когда читатель не просто читает роман, но визуализирует действие, тем самым сильнее вовлекаясь в художественное пространство.

Девятый условный манифест «Опустошителя» возвещает «соединение» читателей под своей эгидой, причем минуя всякий иерархический центр, в данной конкретике — Опустошителя (без кавычек, не в качестве редакционного органа или совокупности сотрудников издательства, которые, к тому же, исчисляются единственно самим издателем, а как некоего наличного метафизического творца пустоты, которая наполняема). В следующем цитируемом положении манифеста легко увидеть своеобразное декларирование совокупных постулатов абсурда, экзистенциализма и сюрреализма на новый лад. «<...> исходя из консенсуального понимания реальности (которая суть продукт всеобщей договоренности), очевидно, что действительность условна и ее в любой момент можно поменять на любую другую» [см., 5] — это основополагающая стратегия, определяющая и задачи журнала, и творческий функционал и инструментарий В. Климова. Эта стратегия опосредует второй аспект интерпретации анализируемого романа. Нет ничего фиксированного, одно перетекает в другое, все переплетено и взаимосвязано, все представляет собой некую художественную экосистему. Между тем центром остается сам автор как демиург, как творец особой вселенной, но все вселенные существуют именно внутри него, он и есть эти вселенные. *Субъект равен объекту, писатель равен герою и читателю, так же, как и герой равен писателю и читателю, читатель равен писателю и герою.*

На связь, а затем и на тождество субъекта и объекта указывается немедленно: эпитафией к «Скорлупе» избрана цитата из «Мерсье и Камье» С. Беккета: «Мне легко рассказывать о путешествии Мерсье и Камье, потому что я был с ними все время» [2: 5]. Но Клим в романе — это не только одновременно герой и автор (даже при поверхностном прочтении от читателя не ускользнет хотя бы созвучность имени одного и фамилии другого). Клим кроме того сам неожиданно для себя начинает писать, становясь автором, сначала перепечатав и завершив текст Весты, матери Веты, а затем и сочиняя свой, причем увлекаясь настолько, что не замечает прошедшего времени (текст о сне, в котором Веста заканчивает чужую картину [4: 55]; Клим не замечает значения, знаковости и корреляции написанного и сделанного им, несмотря на то, что в тексте Весты фигурирует он сам).

Метафизика незаконченности в романе получает положительную рефлексивную рефлексию. Именно незавершенностью творения определяется его надвременный потенциал. Произведение, устремленное в пространство вечности, открывает перспективу бесконечного общения между людьми, обладающими, согласно Упанишадам [см., 3], единым сознанием (в романе на это указывается общностью имен, к примеру, Веты и Весты, фонетически практически идентичных, а также настойчивыми ремарками Клина, свидетельствующими об отождествлении Веты и Весты в его сознании, типа «Так значит, Вета вернулась? Или это была ее мать? <...> Но не двигается с места, потому что, выйдя из комнаты, сразу наткнется на Весту. Он почти уверен, что именно ее обнимал ночью. Ее, а не Вету». [4: 124]). Впрочем, упорное повторение определения Веты как невесты Клина (читай, Не Весты) в последней главе-части «Скорлупы» представляется «обратным» аргументом. (ср. также эпитафия к третьей главе-части «Асимптота», в которой повествуется о взаимоотношениях Веты и Весты и утверждается не тождественность, но бесконечное приближение персонажей друг к другу и взаимоотражение друг в друге [см., 4]). Это подтверждает парадоксальную возможность «прочитываемости романа» с различных, даже с прямо противоположных, точек зрения. Суммарные смыслы текстов персонажей, таким образом, допускают коллективное основание. Согласно концепции романа, это некий метафизический текст, создаваемый совместными усилиями в едином процессе.

Список литературы

1. Арто А. Театр и его двойник. [Текст] / А. Арто. — М.: АВСdesign, 2019. — 408 с.
2. Беккет С. Мерсье и Камье [Текст] / С. Беккет. — М.: Текст, 2013. — 160 с.
3. Бхагаван Шри Сатъя Саи Баба. Упанишады. Практика постижения истинной реальности [Текст] / Бхагаван Шри Сатъя Саи Баба. — М.: Свет, 2016. — 112 с.
4. Климов В. Скорлупа [Текст] / В. Климов. М.: Опустошитель, 2014. — 212 с.
5. Сумма противоречий, или Девятый манифест Опустошителя (декабрь 2017) [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://pustoshit.com/24/manifest_9.html (Дата обращения: 04.06.2019).

10.01.01

С.Ф. Меркушов канд. филол. наук

Тверской государственной университет,
филологический факультет,
кафедра журналистики, рекламы и связей с общественностью,
Тверь, stas2305@gmail.com

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ КАТЕГОРИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО АБСУРДА

Статья посвящена анализу абсурда как межкультурного и литературного феномена. Абсурд категориально понимается междискурсивно, без отрыва от феномена смысла, по отношению к смежным терминам выступает как метапонятие; текстуальная классификация категории базируется на троичности: тексты об абсурде, абсурдистские тексты, тексты смешанного типа.

Ключевые слова: *абсурд, смысл, текст, дискурс.*

Для литературного процесса взаимодействие литературы и смежных форм познания мира и человека чрезвычайно важно. Философские, психологические, исторические концепции имеют исключительное значение для движения литературы. В то же время обращение к литературно-художественной эмпирии позволяет ликвидировать разрыв между искусством и действительностью, между наукой и культурой или, наоборот, утверждает пропасть либо свидетельствует о вероятном балансе между ними, но во всяком случае приближает к пониманию необходимости аналитики жизненного устройства сквозь призму его пороговых модусов. Сущностная рецепция категории абсурда в литературном процессе способствует такому пониманию.

Постижение абсурдности человеческого существования представляется как максимальная степень развития сознания, сопровождаемое небывалым ощущением прозрения (инсайта) и ясности по отношению к детектируемому миру. В подобной ситуации происходит смещение привычных экзистенциальных акцентов, побуждающее к пересмотру основополагающих для индивида критериев жизнеизмерения, вызывая неизбежность осмысления пограничных вопросов бытия. Литература абсурда апеллирует к глубинным областям сознания и наиболее последовательно проникает в суть вещей. Авторам-абсурдистам при всей иррациональности их творческого акта свойственна особенно глубокая степень вовлеченности в поиск ответов на вечные бытийные вопросы, которые находятся вне видимого, фиктивного мира. Художественный материал для литературоведческого и историко-литературного изучения в данном случае может быть неисчерпаем и не ограничен ничем, как и способы и число возможных его интерпретаций. Прежде всего абсурд как ноуменальная категория имеет вневременной характер и может обнаруживать себя в различных литературных явлениях (в фольклоре, *pop-fiction*, новореалистической прозе, рок-поэзии, древнерусских жанрах и т.д.) (о вневременном характере абсурда см., М. Эслин [13], Е.В. Ключев [8]). Но активизация экстремальных и синтетических форм в различных сферах искусства обычно связывается с переломными, кризисными этапами развития истории и культуры. Следовательно, абсурд в литературе в качестве такой категории может являться своего рода откликом на обострение присущего данной эпохе перманентного кризиса (концепция генезиса абсурда О.Д. Бурениной-Петровой [3]).

Так или иначе строгих критериев для определения того, что есть абсурд, не существует. Недаром один из главных западных теоретиков абсурда М. Эслин призывал в разговоре об абсурде «избегать жестких дефиниций и интерпретаций» [13: 5]. Философское понимание абсурда следует из предположения о том, что «всё есть абсурд», которое, подобно даосистскому утверждению, что «всё есть Дао», приближается к истине и тогда все слова

становятся бессмысленными в попытке определить предмет данного исследования. Тем не менее фактически большинство исследователей последнего десятилетия придерживаются смыкающейся с нашей точки зрения о неразделимости понятий «абсурд» и «смысл», отсутствию оппозиции между ними, что, в общем, подчеркивалось лингвистами и литературоведами старшего поколения. Абсурдистика предполагает обязательное наличие того и другого при порождении нового значения сообщения: разноплановые языковые контаминации и логические нестыковки суть необходимые условия для возникновения семантического содержания другого — глубинного — уровня.

К примеру, А. Циммерлинг, один из немногих исследователей, не принимающих абсурд как трансвидовую категорию искусства, прямо говорит о том, что «понятие абсурда <...> применимо к тому же кругу объектов, что и парное ему понятие смысла» [12: 287]. А. Циммерлинг рассматривает «абсурд» преимущественно как текстовую категорию, также осознавая, что абсурдистская поэтика предполагает авторскую рефлексивность над местом и ролью абсурда в мире: «подобный подход оборачивается для писателя XX в. игрой с онтологическим статусом: возможный мир оказывается осмысленным, а реальный мир — абсурдным» [12: 287].

Верное, на наш взгляд и применительно к предмету и объекту данной статьи, восприятие абсурда как субстанциальной и художественной категории может основываться на суждении Г.С. Померанца об абсурдном сообщении, которое «связывая вместе явно несоединимое, намекает (хотя не описывает строго и точно), что жизнь выходит за рамки наших представлений о жизни» [9: 436]. Поэтому в фокусе настоящего исследования находятся концепции названного ученого, а также А.Г. Трифонова [11], О.Д. Бурениной-Петровой [3], утверждавших тождественность абсурда и т.н. «неслышимого смысла», т.е. неявного и тайного. Нам близко понимание абсурда Я.С. Друскина, выявленное им в поэтической системе А.И. Введенского и Д.И. Хармса, где бессмыслица есть способ познания жизни, выраженный в вечном стремлении к абсолюту через выход из границ обыденности и за пределы человеческого опыта, языка и сознания: «Звезда бессмыслицы» — есть то, что нельзя услышать ушами, увидеть глазами, понять умом» [6: 48]. Ключевым для настоящей работы является и мнение И.Л. Бражникова о дискурсивной специфике абсурда [2: 204]. Представление И.Л. Бражникова о существовании абсурда в конкретном дискурсе, переключается с пониманием смысла и значения слова у Г.С. Померанца и др.: «абсурд неизбежно появляется там, где происходит *осмысление бытия*, и он есть констатация смыслового (языкового) тупика, бессилие мысли (языка) обнаружить организующее начало в бытии. <...> Абсурд, таким образом, есть *прежде всего кризис дискурса и проблема интерпретации*: то, что кажется абсурдным в пределах одного дискурса, совсем не обязательно выявит себя таковым в другом» [курсив наш – С. М.] [2: 204]. В этой связи И.Л. Бражников приходит к достаточно радикальной для своего времени идее о том, что «абсурд в том или ином виде — как элемент поэтики или даже как мироощущение — пронизывает собой все искусство» [2: 204].

Вопрос классификации текстов, в которых эксплицирован абсурд, не впервые поднимается в научной и критической литературе. Исследователь Г.В. Сорина выделяет два вида таких текстов — «аналитический метатекст» («исследовательский [аналитический – С.М.] текст об абсурде») и «абсурдистский текст» («сознательно конструируемый текст для представления абсурда как такового») [10: 104].

Таким образом, практически все исследователи художественного абсурда понимают данный термин междискурсивно (О.Д. Буренина-Петрова, И. Бражников и др.) но, все же, в подавляющем большинстве случаев предпочитают отталкиваться от вербальных его проявлений, во главу угла ставят понимание данной категории как обращенной непосредственно к литературному тексту.

В наиболее обоснованных концепциях абсурда (Р. Барт [1], О.Д. Буренина-Петрова [3], Т. Галушко [4], Ж. Делез [5], Я. Друскин [6], Л.В. Калинина [7], Г.С. Померанц [9], А.Г. Трифонов [11]) искомая категория всегда предстает без отрыва от феномена смысла в

широком литературоведческом и междисциплинарном контексте, что для нас является чрезвычайно важным и доминирующим в исследовательском плане.

Проблема разграничения абсурда и смежных терминов должна решаться, на наш взгляд, в пользу абсурда как метапонятия, а остальные же детерминации («иррациональное», «парадокс», «нонсенс», «фантазия» и т.п.) — вторичные типологические образования.

Систематика текстов, в которых, так или иначе присутствует абсурд, с нашей точки зрения, может выглядеть так:

а) тексты произведений, в которых абсурд представлен опосредованно: с акцентуацией тематики и проблематики на абсурдных сторонах человеческой жизни, бытия в целом;

б) собственно абсурдистские тексты, созданные с учетом соответствующих принципов абсурдистской поэтики;

в) тексты смешанного типа (одновременно заключающие в себе специфику (а)- и (б)-текстов).

Список литературы

1. *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика [Текст] / Р. Барт. — М.: Прогресс, 1989. — 616 с.
2. *Бражников И.* Смысл и чистота абсурда [Текст] / И. Бражников // Современная драматургия. — 1994. — №4. — С. 200—211.
3. *Буренина-Петрова О.Д.* Символистский абсурд и его традиции в русской литературе и культуре первой половины XX века: автореф. дисс. ... докт. филол. н. [Текст] / О.Д. Буренина-Петрова. — СПб., 2005. — 40 с.
4. *Галушко Т.Г.* Некоторые проблемы интерпретации художественного абсурда [Текст] / Т.Г. Галушко // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. № 3, том 1. 2010. С. 271—280.
5. *Делез Ж.* Логика смысла. [Текст] - М.: Академический проект, 2011. — 472 с.
6. *Друскин Я.С.* Чинари [Текст] // «... Сборище друзей, оставленных судьбою»: «Чинари» в текстах, документах и исследованиях: в 2 т. — М.: Ладомир, 2000. Т.1. С. 46—64.
7. *Калинина Л.В.* Язык и общество рубежа XX—XXI вв.: актуальность абсурда [Текст] / Л.В. Калинина // Вестник ВятГУ, 2012. С. 90—96.
8. *Клюев Е.В.* Теория литературы абсурда [Текст] / Е.В. Клюев. — М.: УРАО, 2000. — 191 с.
9. *Померанц Г.* Выход из транс. [Текст] / Г. Померанц. — М.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. — 592 с.
10. *Сорина Г.В.* Пространство абсурда: особенности коммуникации [Текст] / Г.В. Сорина // Пространство и время, 2014. № 2 (16). — С. 103—110.
11. *Трифонов А.Г.* Абсурд [Текст] // Культурология. XX век. Словарь. —СПб.: Университетская кн., 1997. С.9—11.
12. *Циммерлинг А.* Логика парадокса и элементы абсурдистской эстетики [Текст] / А. Циммерлинг // Абсурд и вокруг: Сборник статей / Отв. ред. О Буренина. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — С. 287—307.
13. *Esslin M.* The Theatre of the Absurd. N. Y., 1961. 357 p.

10.01.01

Е.А. Обухова

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
историко-филологический факультет,
кафедра русского языка и русской литературы,
Белгород, katerina-alexandrovna-obuhova@yandex.ru

**ТЕМА ПРОЗАИЗАЦИИ СТИХА
В ПОЛЕМИЧЕСКОМ ДИАЛОГЕ В.В. НАБОКОВА С КРИТИКАМИ 1920–1930-х гг.**

Основная часть исследования посвящена анализу полемического диалога В.В. Набокова с критиками, негативно оценившими прозаизацию стиха в его книгах «Гроздь» и «Горний путь» (1923). В данной работе, во-первых, выясняется генезис и эволюция темы вторичности поэзии в творчестве Набокова в литературно-критической набоковиане 1920–1930-х гг., во-вторых, раскрывается полемический подтекст в романе Набокова «Дар». Исследование показало, что тема вторичности поэзии в творчестве Набокова была открыта в критике Струве; развита и доведена до своего логического предела в набоковедческих статьях Г.В. Адамовича и Г.Д. Хохлова. Как следует из анализа полемического подтекста романа «Дар», позиция Набокова является прямо противоположной в отношении позиции его критиков по вопросу о прозаизации стиха. Акцентирование писателем необходимости прозаизации стиха в современной стиховой культуре означает его сознательное несогласие с выводами критиков об апоэтичности его лирики.

Ключевые слова: В.В. Набоков, Г.П. Струве, Г.В. Адамович, «Гроздь», «Горний путь», прозаизация.

Актуальность нашей статьи обусловлена широким научным интересом к теме творческих контактов между В.В. Набоковым и его критиками 1920–1930-х гг. Однако до сих пор не рассмотрена целостно тема прозаизации стиха в книгах Набокова «Гроздь» и «Горний путь» (1923) в освещении литературной критики 1920–1930-х гг. в качестве источника формирования полемического подтекста в творчестве писателя. В нашей работе мы намереваемся проанализировать полемический диалог Набокова с критиками 1920–1930-х гг. о прозаизации стиха в его книгах «Гроздь» и «Горний путь».

Уже в первых отзывах о творчестве Набокова была заявлена тема взаимосвязи прозы и поэзии в творчестве писателя [5, 9]. Эту тему развил Г.П. Струве в своей статье «Письма о русской поэзии», посвященной сборнику стихов «Гроздь» (1923). Критик выделил такие прозаические качества в лирике Набокова, как «чисто-внешний подход к миру», проявляемый в «перегруженности деталями» и в логичности развития мотивов [3, 21]. В рецензии на роман Набокова «Машенька», опубликованной в парижской газете «Возрождение» 1 апреля 1926 г., Струве утверждал, что Набоков прежде всего прозаик: «...уже в стихах молодого поэта, в самых недостатках его поэзии в нем чувствовался хороший прозаик. Его первый роман вполне подтверждает эти предчувствия» [6]. Стиль «Университетской поэмы» Набокова критик уверенно рассматривает как специфически прозаизированный и, как таковой, не имеющий отношения к «музыкальной» поэтике лирики А.А. Блока [7]. Струве не изменил своего мнения о вторичности поэзии в творчестве Набокова и в последующих статьях [3, 181].

Тезис Струве о вторичности поэзии в творчестве Набокова, сформулированный им в рецензии 1926 г. на «Машеньку», развил недружелюбно настроенный по отношению к писателю Г.В. Адамович в одном из своих отзывов на роман «Защита Лужина», напечатанном в парижском журнале «Иллюстрированная Россия» 7 декабря 1929 г.: «Сразу

стало ясно, что к прозе Сирин имеет значительно больше расположения, чем к стихам» [1, 218]. На наш взгляд, характеристика стихотворений из «Возвращения Чорба» Г.Д. Хохловым, которая появилась во втором (февральском) номере пражского журнала «Воля России» за 1930 г., представляет собой «выпрямленное» толкование идеи Струве-Адамовича о вторичности поэзии в творчестве Набокова. Хохлов убрал разделение между прозой и поэзией Набокова, увидев в последней слишком много «рассудочности» и слишком мало «полнозвучности» [3, 48].

Тема прозаизации стиха, инициированная в литературно-критических статьях Струве и развиваемая затем в негативном плане Адамовичем и Хохловым, нашла пародийно-сатирическое отражение в романе Набокова «Дар». Начать с того, что действие романа начинается 1 апреля 1926 г. [2, 105], то есть в день выхода из печати рецензии Струве на «Машеньку», в которой тот, напоминая, объявил Набокова не поэтом, а прозаиком. В этот день Годунов-Чердынцев узнает от А.Я. Чернышевского о выходе хвалебной рецензии на его первый поэтический сборник, что, в свете нашей темы, напоминает о рецензии Струве на первый эмигрантский сборник Набокова «Гроздь». Это сообщение о существовании хвалебной рецензии в конце концов оказалось первоапрельской шуткой, как и мнимая похвала Струве ранней лирики Набокова, однако Федору Константиновичу ее первые строчки, сымпровизированные на ходу по телефону Александром Яковлевичем, послужили камертоном для сочинения идеального отзыва о его стихах: «Только что вышедшая книга стихов до сих пор неизвестного автора, Федора Годунова-Чердынцева, кажется нам явлением столь ярким, поэтический талант автора столь несомненен...» [4, т. 4, 196]. Чуть ниже Александр Яковлевич дает общую характеристику этой рецензии как весьма хвалебной: «Нет, Федор Константинович дорогой, сейчас ничего не скажу, ни где, ни что, – а если хотите знать, что я сам думаю, то не обижайтесь, но он вас перехваливает» [4, т. 4, 196].

Федор Константинович в самом начале своей авторецензии, по его словам, «мгновенной мыслью пробегая книгу» [4, т. 4, 197], вводит тему прозаизации стиха, знаковую для литературно-критического дискурса Струве: «Стратегия вдохновения и тактика ума, плоть поэзии и призрак прозрачной прозы — вот определения, кажущиеся нам достаточно верными для характеристики творчества молодого поэта» [4, т. 4, 197]. В концовке авторецензии Годунов-Чердынцев выражает горячую надежду, что предполагаемый автор хвалебной рецензии, о которой ему сообщил Александр Яковлевич, нашел «музыку» в его стихах и, тем самым, признал их по-настоящему поэтическими: «Неужели действительно он все понял в них, понял, что кроме пресловутой “живописности” есть в них еще тот особый поэтический смысл (когда за разум зашедший ум возвращается с музыкой), который один выводит стихи в люди?» [4, т. 4, 215].

Таким образом, Набоков в данном случае употребил реминисценцию литературно-критической установки Струве на «музыкальность» стихов как на критерий их поэтического достоинства. Напоминаем, что Струве этой «музыкальности» в стихах Набокова не находил, тем самым отказывая им в «поэтичности». В случае если Годунов-Чердынцев – это сам Набоков, то как же желал писатель услышать из уст Струве подобную похвалу своей лирике!

Поиск автора хвалебной рецензии не дает Годунову-Чердынцеву покоя, и он пытается найти его среди своих знакомых литераторов: «Кто мог написать? Федору Константиновичу никак не удавалось выбрать. Этот был добросовестен, но бездарен; тот – бесчестен, а даровит; третий писал только о прозе; четвертый – только о друзьях; пятый... и воображению Федора Константиновича представился этот пятый: человек его возраста, даже, кажется, на год моложе, напечатавший за те же годы, в тех же эмигрантских изданиях не больше его (тут стихи, там статью), но который, каким-то непонятным образом, едва ли не с физиологической естественностью некой эманации, исподволь оделся облаком неуловимой славы, так что имя его произносилось – не то, чтоб особенно часто, но совершенно иначе, чем все прочие молодые имена; человек, каждую новую строчку которого он, презирая себя, брезгливо, поспешно и жадно поглощал в уголку, стараясь самым действием чтения истребить в ней чудо – после чего дня два не мог отделаться ни от прочитанного, ни от

чувства своего бессилия и тайной боли, словно в борьбе с другим поранил собственную сокровенную частицу; одинокий, неприятный, близорукий человек, с какой-то неправильностью во взаимном положении лопаток. Но я все прощу, если это ты» [4, т. 4, 217].

Из перечисленных критиков почти однозначно определяется фигура второго: «бесчестен, а даровит». Подобную характеристику дал Набоков Адамовичу в «Других берегах» [4, т. 5, 317]. Третий и четвертый могут быть кем угодно, но не Струве. Остаются фигуры первого и пятого критика. Причем именно пятый критик, по мнению Годунова-Чердынцева, способен написать идеальную рецензию на книгу его лирики. Под этим критиком подразумевается другой герой романа – поэт Кончеев, к которому Годунов-Чердынцев, судя по процитированному фрагменту, питает сальерическую зависть. Итак, присутствует ли Струве в Кончееве? Ответ на этот вопрос требует дальнейшего исследования полемического подтекста романа «Дар».

Таким образом, уже в первых отзывах критики 1920-х гг. открывается одна из центральных в набоковиане тема взаимосвязи прозы и поэзии в творчестве писателя. Эта особенность набоковской поэтики стиха привела Струве к положению о вторичности поэзии в творчестве Набокова. Это положение развил враждебно настроенный по отношению к писателю Адамович. Идею Струве-Адамовича о вторичности поэзии в творчестве Набокова развивал также критик «Воли России» Хохлов. В романе «Дар» в полемическом подтексте сцены первоапрельской шутки А.Я. Чернышевского по поводу поэтического сборника Ф.К. Годунова-Чердынцева лежит тема прозаизации стиха Набокова, инициированная Струве и развиваемая Адамовичем и Хохловым. По Набокову, прозаизация стиха не противоречит его лирическим свойствам, а, наоборот, служит эффективным приемом для его эволюции.

Список литературы

1. Адамович Г.В. «... Наименее русский из всех русских писателей...»: Георгий Адамович о Владимире Сирине (Набокове) // Дружба народов. – 1994. – № 6. – С. 216-237.
2. В.В. Набоков: pro et contra / Сост. Б. Аверина, М. Маликовой, А. Долинина. – СПб.: РХГИ, 1999. – 976 с.
3. Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова: Критические отзывы, эссе, пародии / Под общей редакцией Н. Г. Мельникова. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2000. – 688 с.
4. Набоков В.В. Собрание сочинений русского периода: в 5 т. – СПб.: «Симпозиум», 2000
5. П. Ш. [П. И. Шутяков] Рецензия // Руль. – 1922. – 8 января. (Альманах «Грани»).
6. Струве Г.П. Рецензия // Возрождение. – 1926. – 1 апреля. («Машенька»).
7. Струве Г.П. «Университетская поэма» В. Сирин // Россия. – 1927. – 10 декабря.
8. Струве Г.П. Русская литература в изгнании: издание третье, исправленное и дополненное. – Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1996. – 440 с.
9. Яковлев Н. Рецензия // Новая русская книга. – 1922. – № 1. – С. 21-22. (Альманах «Грани»).

10.01.01

К.В. Смирнов канд. филол. наук

АПОУ ВО СПО

Вологодский колледж связи и информационных технологий

**ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РАССКАЗА С.Д. ХВОЩИНСКОЙ
«НАСЛЕДСТВО ТЕТУШКИ»**

В данной статье впервые в литературоведении анализируется рассказ «Наследство тетушки» С.Д. Хвощинской, одной из самых неизученных писательниц «золотого века» русской литературы. Исследуется проблематика рассказа и система действующих лиц. Определено, что художественная реальность разделена на два мира: «мир здесь» и «мир там» с целью воспроизведения основополагающей идеи: губительном воздействии все подавляющей системности на человека. Данная статья может быть интересна всем, кто интересуется творчеством С.Д. Хвощинской и женской прозой середины XIX века.

Ключевые слова: *системность, пансион, мир «здесь» и мир «там», одиночество, заблуждение, преданность, наследство.*

«Золотой век» русской литературы по праву является особой эпохой в истории: начиная с нового литературного языка, созданного А.С. Пушкиным, и заканчивая книгой Л.Н. Толстого, воссоздавшей портрет нескольких поколений – все было овеяно высшим вдохновением чистого, не обремененного надуманностью творчества. Спустя столетие появляются исследования, представляющие отличные от предыдущих трактовки героев, ставшим культовыми. Анализу подвергаются не только художественные образы, хронотоп и структура произведений: внимание литературоведов привлекают и архетипические модели, связывающие культуры и столетия. Казалось бы, что еще нового можно сказать про писателей XIX века? Проанализированы не только жизнь и творчество Пушкина, но определена роль в его судьбе крестьянки О. Калашниковой, которой посвящена целая монография [3]. Однако среди общего многообразия исследовательской литературы почти нет работ, в которых бы изучалось творчество С.Д. Хвощинской – яркой писательницы, чьи тексты были незаслуженно забыты. Сестра известной Н.Д. Хвощинской (В. Крестовский), Софья Дмитриевна предпочла наложить вето на переиздание своих произведений, отчего ни одно из них так и не было подвергнуто детальному и обстоятельному анализу [2: 8]. Рассказу «Наследство тетушки», опубликованному в журнале «Отечественные записки» в далеком 1858 году, посвящена настоящая статья.

Рассказ «Наследство тетушки» имеет достаточно своеобразную композицию. Повествование ведется от лица автора, причем главный герой мужского пола. Эта особенность продиктована, вероятно, литературной маской Хвощинской – писательница предпочитала публиковаться под псевдонимом И. Весеньев. В рассказе имя повествователя не указано, т.к. весь текст более напоминает воспоминание о необыкновенной истории, случившейся некоторое время тому назад. Неожиданно для самого себя, главный герой узнает, что он получил наследство от своей тетушки. При этом он сам с ней знаком не был и, возможно, даже не знал о ее существовании. Но, тем не менее, он с радостью воспринял эту новость, потому что имел на тот момент значительные финансовые затруднения. Но как обычно водится, сомнения появились в самый неподходящий момент: герой начинает беспокоиться, не оставила ли тетушка какие-то незначительные деньги или свои личные вещи, которые по своей стоимости не окупят даже билет до Петербурга. Оказалось, что тетушка Агриппина Павловна Светницкая всю жизнь занимала пост классной дамы в одном из пансионов. Естественно, состояние у нее оказалось более чем скромным и составило несколько книг, кое-какие личные письма и две тысячи рублей. Почувствовав неловкость из-

за доброты тетушки, главный герой решает выяснить, кем же она была и что про нее говорили люди. С этой целью он отправляется в тот самый пансион, где прошла вся жизнь классной дамы Агриппины Павловны.

Чтобы выяснить хоть что-то о тетушке, главный герой вынужден обратиться к другой классной даме – Аделаиде Ивановне Штейн. «Я выбрал одно свободное утро и поехал в пансион. Швейцар встретил меня с недоумением и не впустил: оказалось, что я приехал во время классов, когда никого постороннего не впускают»[4:170]. Дождаться аудиенции приходится достаточно долго. Пытаясь как-то развлечь себя, герой начинает было разговор с воспитанницами, но они неохотно идут на контакт и выглядят какими-то запуганными. Потом появляется и сама Аделаида Ивановна. Герой заинтересовал ее, и поэтому она решила пригласить его в свой кабинет. Особого внимания заслуживает описание кабинета.

«Комната классной дамы имела все условия казенного помещения: чистоту, порядок и неуютность; мебель стояла в чинном строе; стены были желтые, отштукатуренные; по противоположным концам их разбежались небольшое зеркало и портрет содержательницы пансиона; старомодный рояль и трельяж с десятком черных плющевых листьев составляли украшение комнаты. Над письменным столом, довольно пустым, висела коробка для писем, вышитая по *raree riche*. Две свечи стояли на столе пред диваном»[4:173].

Казалось бы, ничем не примечательные образы чистоты, порядка и неуютности, коробки для писем и двух свечей. Но во всем этом интерьере просматривается одиночество и неотъемлемая от него тоска. Выставив за дверь провинившуюся воспитанницу, Аделаида Ивановна пытается сблизиться с героем, подавая ему всевозможные знаки в виде платочка или случайных намеков. Но герой не поддается. Напряженность ситуации снимает пришедшая воспитанница, одиннадцатилетняя Катя Барышева. Герой достаточно смело обнимает ее, т.к. очень хорошо знаком с ее отцом - соседом по деревне. Это вызывает негодование Аделаиды Ивановны, потому что подобные поступки, по ее мнению, нарушают общий режим пансиона. Но она, тем не менее, умиряет свой гнев и начинает рассказывать герою о его тетушке. Оказалось, что Агриппина Павловна была исключительной личностью. Все годы, которые она провела в пансионе, были лучшим временем. Являясь классной дамой, она умело вела все дела, строго воспитывала пансионеров и прививала им те качества, которые неофициально приняты как необходимые.

Получив подобную информацию, герой решил отправиться домой, но совершенно случайно вспомнил, что в Петербурге живет его кузина Мария. Женщина долгое время обучалась именно в том пансионе, где прошли лучшие годы Агриппины Павловны. Ее мнение оказалось противоположным. Мария сообщила, что в течение всего процесса обучения она чувствовала себя некомфортно, испытывала постоянное давление со стороны классных дам. Вспоминая годы, проведенные в пансионе, Мария начинает рассказ о тетушке.

Еще в детстве у Агриппины Павловны умерла мать. Отец, не зная как поступить с ребенком, упрямил в пансионе позаботиться о ней, пока сам найдет себе достойное место с достойной оплатой. Он регулярно присылал деньги на воспитание дочери, но сам никогда не приезжал. Прошло несколько лет и выяснилось, что он обзавелся другой семьей и благополучно живет за границей, хотя в письмах говорит о несостоятельности своих дел и значительных денежных убытках. Так случилось, что вторая жена тоже скоро скончалась. Лишь на два года он сам пережил ее и умер, так и не увидев своей дочери. Воспитанная в стенах пансиона, Агриппина Павловна осталась жить в нем навсегда и стала классной дамой. Не видевшая ничего за пределами грубых каменных стен, она получила то воспитание, которое и должна была получить. Не способная к человечности, она требовала от воспитанниц строго соблюдения всего того, что должно было требовать. «Девушка не выучилась видеть ничего дальше этого порядка и этой формы...» [4:183]. Ее не останавливали рамки морали, когда она открыто подслушивала разговоры воспитанниц со своими близкими. Для нее не было ничего странного в жестоких наказаниях, порицаниях, в непререкаемости своего авторитета и авторитета требований. «Как видишь, эта женщина была воплощенная система»[4:186], – заключает Мария.

Разрывая художественную реальность рассказа на две противоположные, Хвоцинская детально изображает обе, противопоставляя одну другой. Рассуждая о пространстве Петербурга в романе «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского, В.Н. Топоров писал: «Пространство Петербурга организуется основной оппозицией срединный (внутренний) и периферийный (внешний), с одной стороны, и серией градуальных оппозиций, характеризующих путь между местами наиболее полной реализации признаков срединный-периферийный, с другой» [1: 399]. В рассказе Хвоцинской разделяются мир пансиона («мир там») и мир за его пределами («мир здесь»). При этом писательница не случайно уделяет «миру здесь» меньше внимания: он свободен от обязательств и не имеет строгой регламентации поступков. «Мир там», напротив, строго систематичен и достаточно жесток с теми, кто нарушает его правила. Он более напоминает клетку, в которую заключены люди, которые должны измениться, живя по неоспоримым законам. Это разделение Хвоцинская актуализирует через образ Агриппины Павловны, наиболее подходящей на эту роль героини. У нее не было прошлого, она не видела жизни вне пансиона и поэтому ей нечего было терять. Придя в пансион ребенком, она приняла ту систему ценностей, которую ей предложили классные дамы, т.е. ту, которая принята в пансионе. И, возможно, они вовсе не хотели сделать из девочки строгую надсмотрщицу. Те идеалы, которые считались непоколебимыми, в конце концов рассеяли человечность, потому что простой материнской ласки и любви ребенку в пансионе никто дать не смог. «Другие воспитанницы, поступившие в пансион позже, в настоящие годы учения, успели еще дома принять свой склад, которого не могла до конца убить пансионская рутина. Но тетушка попала под власть этой рутины такой крошечной девочкой, что у нее не могло быть даже и намека на какой-нибудь характер. К подругам приезжали родные, знакомые; она всегда бывала одна»[4:183]. Диктатура, ставшая системой, в конечном результате обрела воплощение в женщине, считающей ошибочную системность единственно правдивой. Разумеется, Агриппина Павловна была при почете в пансионе, т.к. она идеально воплощала те качества, которые должна была воплощать классная дама.

И все-таки, какое же наследство получил главный герой? Две тысячи рублей, несколько книг и личные письма. Из этих личных писем герой узнает, что тетушка даже пыталась кого-то любить или, по крайней мере, испытывала к кому-то чувства. Однако порывы души были стерты системностью, сделавшей из перспективной воспитательницы диктатора, не способного ни на что. Бесплезно прожив свою жизнь, так и не познав женского счастья, Агриппина Павловна тихо умерла, оставив после себя лишь формальные вещи и разбросанные временем воспоминания тех, кто едва ли сможет их сохранить. Это и было ее наследством, адресованным незнакомому человеку.

Список литературы

1. Топоров В.Н. О структуре романа Достоевского в связи с архаическими схемами мифологического мышления («Преступление и наказание») // Топоров В.Н. Петербургский текст. – М.: Наука, 2009. – 826 с.
2. Ученова В. В поисках жизненной гармонии // Свидание: Проза русских писательниц 60-80-х гг. XIX века / Сост. автор вступ. статьи и примеч. В. Ученова. – М.: Современник, 1987. – С. 3–16.
3. Филлин М. Ольга Калашникова. – М.: Молодая гвардия, 2013. – 224 с.
4. Хвоцинская С.Д. Наследство тетушки // Отечественные записки, 1858. №117. – С.165–186.

10.01.01

В.В. Частных

Институт русского языка и культуры МГУ имени М.В. Ломоносова,
tchastnykh@mail.ru

**«МИХАИЛ БУЛГАКОВ» А.Н. ВАРЛАМОВА:
СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПЕРСОНАЖА**

Концептуальность текстопорождения у А.Н. Варламова в книге «Михаил Булгаков» выражается в полемическом подходе к критической литературе, установлении причинно-следственных связей религиозных воззрений героев и их жизни и судьбы, сопоставлении данного конкретного героя и остальных персонажей. Так, идея «кода судьбы», в соответствии с которой возникает единый мотивный комплекс рока, довлеющего над героем, и связанного с ним его отхода от веры и Церкви, имеет основополагающее и сюжетообразующее значение для произведения.

Ключевые слова: А.Н. Варламов, «Михаил Булгаков», вера, «код судьбы».

В одном из интервью А.Н. Варламов очень четко определил важный критерий, которым он руководствуется при написании литературной биографии: «<...> религиозные взгляды моих героев — <...> своего рода дверь, через которую открывается их личность. <...> непременно исследую отношение к вере» [1]. Судьба М.А.Булгакова, портрет которого воссоздан А.Н. Варламовым в его четвертой книге серии «ЖЗЛ», по мысли автора, более других героев его связана с религиозным экзистенциальным поиском: «...в случае с Булгаковым я берусь утверждать, что вера в Бога, ее утрата и попытки вернуться к ней — центральная коллизия его личности» [1].

Эта «коллизия личности» решается в творческо-метафизическом аспекте, а именно, в рамках произведений и жизненного пути писателя; уже — в рамках одного романа. Отсюда второй компонент, на котором базируется исследование А.Н. Варламова — это подробное рассмотрение характера рецепции творчества М.А. Булгакова читателями критиками разных эпох: «Мне хотелось разобраться в том, как современному православному человеку воспринимать его творчество - и, прежде всего, «Мастера и Маргариту» <...>» [1]. А.Н. Варламов неоднократно подчеркивал, что взялся за биографию М.А. Булгакова в том числе по причине разнообразия версий и мнений в культурной среде по поводу всех произведений писателя и, в особенности, самого популярного его романа: «Взметнувшись в самый верх в 1920-е годы, когда имя Булгакова стало известно не только читающей и театральной публике, но и читающей критике...; вопрос веры остаётся раскалённым по сей день. Мнения здесь полярны, интеллигенция писателя превозносит, в церковной среде к нему относятся в лучшем случае с недоверием, чаще с подозрительностью, иногда с откровенной враждебностью, и нетрудно понять почему» [5].

Вышедшая вслед за «Алексеем Толстым» книга о М.А. Булгакове насчитывает более 800 страниц, являясь самой объёмной из шести писательских биографий, при том, что жизнь героя была недолгой. Тем не менее она настолько богата загадками философско-религиозного порядка, связанными с личностью М.А. Булгакова и его текстами, на которые Алексей Варламов ищет и находит свои варианты ответов, что вопрос об объеме книги снимается.

Векторы нашего анализа в данной статье будут направлены именно на изучение интерпретации А.Н. Варламовым проблем веры и безверия в жизни и мировоззрении М.А. Булгакова и их отражении в его художественных текстах.

Мы коснемся также ключевых элементов биографии М.А. Булгакова, которым ее автор придает стержневой и сакраментальный смысл, а именно судьбы и случая. Мотив судьбы, а шире — мотив «возмездия», сопряжен, с точки зрения автора биографии Булгакова, с вопросом веры и безверия, поэтому в тексте слово «судьба» повторяется постоянно, либо так или иначе проступает сквозь повествовательную ткань А.Н. Варламова.

Четверостишие стихотворения А.А. Блока «Возмездие», взятое в качестве эпитафии к рассматриваемой книге, сразу настраивает читателя на специфическое восприятие жизни ее главного героя. Особая атмосфера фатальности, сопутствующая в большей или меньшей степени существованию каждого индивида, для М.А. Булгакова приобретает экзистенциальный обуславливающий характер, определяя всё, что происходит с писателем и его произведениями. В то же время примат духовного, религиозной веры получает решающий смысл для человека, тем более для «властителя дум». Для всех есть свобода выбора между светом и тенью: «Над нами сумрак неминуемый / Иль ясность Божьего лица» [цит. по: 4: 5]. Если же личность наделена художественным даром, этот момент выбора начинает играть особую роль в жизни, влияя на судьбу автора и его произведений. Возможно, уход от Бога и жизненный путь в надежде только на самого себя, будет тернист и труден, а писатель полностью попадет под власть судьбы...

Специфика репрезентации религиозной темы А.Н. Варламовым такова, что и в художественных, и в биографических текстах он предлагает концепцию «тернистого пути к вере», полного препятствий и нередко отводящего от церкви. Так, в романе «Купавна» А.Н. Варламов утверждает мысль о том, что вера «*во всей полноте*» открывается человеку только если в детские годы он пережил религиозный опыт [3]. По всей видимости, весьма существен здесь не только опыт, понимаемый как некое озарение, духовное пробуждение, связанное с какими-то особыми жизненными коллизиями, но и возможное влияние окружающих, прежде всего родителей, на формирующуюся личность ребенка.

В первой главе «Михаила Булгакова» А.Н. Варламов обращается к генеалогии своего героя, указывая на древность рода Булгаковых. Для автора исключительно важно, что М.А. Булгаков рожден в семье с глубокими церковными корнями, и по отцовской линии, и по материнской. Дед — священнослужитель, отец — профессор Духовной академии — это не могло не наложить отпечатка на дальнейшую судьбу писателя, уже на генетическом уровне. Несмотря на то, что воцерковленным и соблюдавшим православные традиции М.А. Булгакова назвать было трудно, стремления отказаться от духовных корней у него, по мнению автора, не было; работая в «Гудке» он мог отрицать свое дворянство (на вопрос, прозвучавший в гостях у одной «*древнейшей дворянской семьи*» о том, из каких (географически) он дворян, ответом стало «*...ни из каких*» (подобных заявлений касательно предков-священников биограф не упоминает) [цит. по: 4: 11]. Первая глава носит название «Пасынок судьбы» (как определял самого себя отец будущего писателя); в ней автор впервые говорит о «разорванности судьбы» М.А. Булгакова, в которой было «заключено противоречие, ставшее нервом всей его жизни и творчества» [4: 9]. Предпосылки такой «разорванности» А.Н. Варламов обнаруживает прежде всего в том, что за биографией, за судьбой героя стоит «судьба двух родов, которые Церкви столетиями принадлежали» [4: 9], и от которой он отошел.

А.Н. Варламов предоставляет документальные свидетельства о широчайшем спектре духовных интересов отца будущего писателя — А.И. Булгакова, — внимание которого постоянно фокусировалось на церковной и общественной жизни России; он переводил Отцов Церкви (Блаженного Августина и др.), участвовал в религиозно-философских кружках и обществах, оставаясь православным ортодоксом. Как отмечает биограф, «Фигура отца значила для его детей очень много, хотя ранняя смерть не позволила практически никому из них проникнуться его идеями и образом мышления» [4: 31]. Смерть отца и перемены в мировоззрении соотносит как абсолютно синхронизированные моменты в жизни юного Булгакова упоминаемый А.Н. Варламовым исследователь Н. Никонов («*проштудировавший*», по мнению биографа, воспоминания первой жены писателя

Т.Н. Лаппы (Воспоминания о Михаиле Булгакове, 2006), «Жизнеописание Михаила Булгакова» М.О. Чудаковой (Чудакова, 1988) и «Дом Турбиных» В. Некрасова [6], с которым (и которыми) автор тут же довольно убедительно полемизирует. По мысли А.Н. Варламова, далеко не вследствие «ранней смерти» отца, а, значит, недостатка влияния его «*фигуры*» М.А. Булгаков отступает от всякой религии. «*Неосновательность*» религиозного воспитания детей в семье Булгаковых действительно существовала и при жизни главы семьи, что было характерно для многих фамилий конца XIX—XX вв.: «увлечение чисто светской культурой доминировало над религиозными интересами. <...> музыка, театр действительно играли в жизни семьи Булгаковых исключительную роль» [4: 34]. Но наряду с этим «никакого равнодушия к религии в семье не было» [4: 38], как полагают названные выше исследователи. Наоборот, справедливо считает А.Н. Варламов, именно большое внимание к духовному и религиозному воспитанию детей стало одной из причин, благодаря которой мир получил «создателя Воланда и Иешуа» [4: 38]. Истоки «вероотступничества» М.А. Булгакова кроются в самой его независимой и парадоксальной натуре, что выражалось в мировоззренческих, личностных и психологических конфликтах с окружающими, и, в первую очередь, с матерью (которая, кстати, ввиду постоянной занятости отца будущего писателя замещала роль главы семьи еще при его жизни). Важно отметить, что А.Н. Варламов обращает пристальное внимание на частотность т.н. «*causiers*» (столкновений) матери с сыном, касающихся религии и веры, принимавших характер весьма резких и жестких. Однако автор настойчиво утверждает, что в этой полемике было больше личного: юношеской сыновней бравады, с одной стороны, и материнского раздражения женщины, утратившей былую власть над ребёнком, с другой. Дебаты матери с сыном биограф связывает, помимо прочего, с появлением в жизни Варвары Михайловны и семьи Булгаковых «чеховского доктора» [И.В. Кончаковская, цит. по: 4: 40] И.П. Воскресенского. Хотя М.А. Булгаков не испытывал уважения к новому члену семьи, именно И.П. Воскресенский оказался в это время его единомышленником в вопросах веры и вероисповедания: «Находит поддержку у Ивана Павловича... Иван Павлович был, по-видимому, совершенно равнодушен к религии и спокойно атеистичен <...>» [цит. по: 4: 40]. В то же время достойного собеседника М.А. Булгаков нашел в лице венчавшего его и Т.Н. Лаппа сослуживца и друга отца, профессора Киевской академии протоиерея Александра Глаголева, знатока еврейского языка и обычаев, специалиста по демонологии и ангелологии. А.Н. Варламов считает, что беседы Булгакова и Глаголева сильно отличались от яростных баталий сына и матери, но не смогли стать залогом возвращения будущего автора «Мастера и Маргариты» в лоно Церкви, хотя он окончательно для себя проблему «веры и безверия» [4: 59] на тот момент не решил (по свидетельству жены даже не носил нательного креста).

Начиная писать биографию Булгакова А.Н. Варламов отмечал, что для него было важным разобраться в том, стал ли писатель «блудным сыном, ушедшим от призвания своего отца, деда и прадеда» [4: 43]. С одной стороны, он и сам не относился серьезно к церковной жизни, духовному образованию, и других соблазнял своим примером: друзья Булгакова Александр и Платон Гдешинские под влиянием писателя вошли в светскую жизнь, бросили учёбу в семинарии, поступили в институт. С другой, оценивать Булгакова как богоборца и совратителя нестойких душ - значит подходить к его жизни плоско и упрощённо. Такова позиция А.Н. Варламова: «Отшатнувшись от Церкви, Булгаков не направился в сторону примитивного нигилизма и атеизма. Духовная драма старшего сына киевского богослова состояла в том, что, будучи человеком чрезвычайно впечатлительным и жадным до жизни, то есть наделённым теми качествами, без которых писателя не бывает, он хотел узнать и попробовать всё, и время, в которое он жил, к этой всеядности располагало как никакое другое» [5:45].

Следует заметить, что биограф намеренно выстраивает повествование таким образом, что все его сюжетные линии и формальные связи, особенно в начале книги, нацелены на то, чтобы выпукло представить для читателя жизнь М.А. Булгакова с точки зрения отхода от православия и от религии вообще. К таким событиям относится, например, факт аборта Т.Н.

Лаппы незадолго до вступления в брак с М.А. Булгаковым, который А.Н. Варламов сразу же связывает с «удаленностью» будущего писателя (и будущей его жены) от Церкви, и который наглядно показывает «реальность и не бутафорность» этой «удаленности» [4: 56—57]. Абсолютная греховность с точки зрения Церкви задуманного не испугала молодую женщину: данная операция была совершена при согласии Булгакова, а возможно, и под его влиянием (решение о втором аборте, сделанном в 1917 г., как пишет Варламов ссылаясь на М.О. Чудакову, приняла Т.Н. Лаппа, опять же, сама, но после разговора с мужем [См., 4: 65]). К тому же, по причине полного расхода свадебных денег на аборт, венчание мало походило на общепринятое и традиционное мероприятие прежде всего ввиду отсутствия внешней и внутренней правильности и серьезности действия (у невесты не было фаты и подвенечного платья, молодожены плохо говели перед обрядом, а на самом венчании хохотали; сам М.А. Булгаков мало внимал напутственным словам священника) [См., 4: 56].

Отличительной чертой всех биографических повествований А.Н. Варламова является то, что он выступает в них в нескольких ипостасях: и как биограф-исследователь, и как писатель, пишущий о писателе, и как филолог-литературовед. В «Михаиле Булгакове» так же, как и в предыдущих жизнеописаниях, А.Н. Варламов перемежает биографическое повествование различными по объему, но всегда значимыми литературоведческими вставками - замечаниями, показывающими связь с жизненными событиями с произведениями героя-писателя. Эти вставки с многочисленными цитатами нередко представляют собой анализ отдельных аспектов булгаковских текстов, связующих воедино биографический и творческий нарративные планы текста; разнообразны художественные примеры, прототипами которых стали непосредственно события жизни самого М.А. Булгакова (печальный морфинистский опыт прозаика и рассказ «Морфий») и его ближайшего окружения.

Специфичен прием использования в одном контексте отсылок к разным произведениям, соответствующим какому-либо эпизоду из жизни М.А. Булгакова. Так, факты морфинистских скитаний писателя в трансформированном виде перетекают в его прозу, сначала в рассказ «Морфий», затем в роман «Мастер и Маргарита»: «Больница Булгакова спасти не могла, это был способен сделать только очень близкий человек. <...> В каком-то смысле психологический рисунок отношений между тяжело больным доктором Сергеем Васильевичем Поляковым и его возлюбленной Анной, с одной стороны, и душевно больным Мастером, у которого нет имени, и его тайной женой Маргаритой — с другой, совпадет» [4: 73].

Уделяет внимание А.Н. Варламов и другим аспектам «контекстуальности» прозы М.А. Булгакова, т.е., в частности, тому, какую роль сыграла русская классика в работе писателя над собственными произведениями, какой уровень диалога с русской классической литературой присутствовал в них. В «Необыкновенных приключениях доктора» и в других ранних рассказах периода службы М.А. Булгакова у белых его герой вступает в «*серьезный и иронический*» спор с М.Ю. Лермонтовым: «Противный этот Лермонтов. Всегда терпеть не мог. Хаджи. Узун. В красном переплете в одном томе. На переплете золотой офицер с незрячими глазами и эполеты крылышками» [цит. по: 4: 125]. Позднее эта своеобразная дискуссия будет продолжена в «Белой гвардии», — уже с Ф.М. Достоевским. ««<...> горький жизненный опыт и русская литературная традиция», — считает Варламов, — стали вечными спутниками и наставниками молодого автора» [4: 126].

А.Н. Варламов в полемике с другими биографами, писавшими о творчестве Булгакова, в частности, о начале его писательской деятельности, использует порой те же примеры из жизни героя, оперирует той же терминологией, что и диспутанты, но, защищая своего персонажа от нередко необоснованных нападок некоторых специалистов и разрушая их субъективные гипотезы.

Так, в отличие от ряда исследователей, А.Н. Варламов не пытается связывать начало литературной деятельности М.А. Булгакова с случаем совместного с женой принятия кокаина, хотя и апеллирует к некоторым исследователям, пытавшимся синхронизировать то

и другое, обращаясь в большей степени к рецидиву — последующему пристрастию писателя к морфию. Биограф к этому времени относит факт написания Булгаковым одного из первых его рассказов «Огненный змей», развивающего тематику подобного рода опытов (только в тексте — с алкоголем), но далёк от того, чтобы связывать начало «безверия» писателя с некоторым увлечением наркотическими веществами. Тем не менее, А.Н. Варламов подчеркивает, что кокаиновые эксперименты и «с точки зрения истории литературы не [были случайными] и [несли] на себе зловещую метку времени» [4: 62].

Отстаивая свою позицию в дискуссии с Н. Никоновым, который актуализирует тему наркотиков в жизни Булгакова и рассматривает морфинизм и литературное творчество писателя в прямой зависимости второго от первого, А.Н. Варламов превращает аргументы ученого в контраргументы, опровергающие его теорию. Проводя параллели между инициацией шамана, нередко включающей употребление психотропных веществ, и «посвящение в литературу» [цит. по: 4: 75], Н. Никонов утверждает, что «Морфий убил Булгакова-врача и родил Булгакова-писателя» [4: 76]. В итоге исследователь приходит к выводу о заключении некоего договора писателя с inferнальными силами через наркотический опыт и появлении нового Фауста XX века в лице М.А. Булгакова. А.Н. Варламов, анализируя доводы оппонента, указывает на противоположные аспекты, не затронутые Н. Никоновым. Морфинизм писателя связан не с сатанинской вербовкой, а с самопожертвованием ради спасения больного ребенка; аналогии с Фаустом также неправомерны ввиду невозможности отождествления ситуаций, в которых находились «гетевский доктор» и «русский земский врач» [4: 76]. Кроме того, автор биографии находит особый мистический код судьбы в пристрастии Булгакова к морфию: «в судьбе большого писателя ничего случайного нет. Та интоксикация, которая переживалась российским обществом, была пережита им буквально» [5:9]. А.Н. Варламов приводит массу примеров такого рода знаков на страницах своей книги.

Конечно, нет смысла отрицать, что М.А. Булгакова «питало не только светлое, но и темное начало» [4: 78], и Варламов говорит об этом, но подчеркивает: «никакого сознательного заигрывания с нечистой силой у Булгакова не было и, например, чудовищное брюсовское —

Хочу, чтоб всюду плавала свободная ладья,
И Господа, и дьявола хочу прославить я, —

к Булгакову никакого отношения не имело ни в молодости, ни в пору написания «Мастера и Маргариты»» [4: 78]. В своих интервью биограф подтверждает эту мысль, говоря о том, что «Для того чтобы стать писателем, в какой-то момент надо пройти через трагическое мироощущение» [5].

Важно заметить, что Варламов склонен воспринимать жизнь и творчество своего героя в их подчиненности судьбе. Именно сквозь такую метафизическую призму видит автор анализируемой книги своего героя. Внешняя причина исцеления Булгакова для биографа — в переезде его из тоскливых обителей Никольского и Вязьмы в Киев, к братьям и сестрам, внутренний фактор — в подписании «контракта с судьбою <...> отныне не он выстраивал свою жизнь, а [мойры] <...> указывали ему путь» [4: 87]. Мотив судьбы становится ключевым для автора биографии так же, как и для ее героя и его произведений.

Магистральный момент в судьбе писателя, относимый к началу февраля 1919 г. — времени насильственной его мобилизации в армию петлюровцев, в которой он недолго пробыл как врач, отразился в нескольких его текстах, таких как «Необыкновенные приключения доктора», «В ночь на 3-е число» и «Я убил». Фразовая переключка писем М.А. Булгакова и первого из перечисленных рассказов налицо: «За что ты гонишь меня, судьба. <...> Моя специальность — бактериология. Моя любовь — зеленая лампа и книги в моем кабинете. Я с детства ненавидел Фенимора Купера, Шерлока Холмса, тигров и ружейные выстрелы, Наполеона, войны и всякого рода молодецкие подвиги матроса Кошки. У меня нет к этому склонности. У меня склонность к бактериологии» [цит. по: 4: 116—117].

По мысли А.Н. Варламова, М.А. Булгаков зимой 1919 г., попав в войска С. Петлюры, испытал сильнейшее потрясение, ставшее едва ли не главным фактором, повлиявшим на киевского врача-венеролога в плане его литературного становления: «В этом смысле петлюровцы не меньше кокаина и морфия приложили руку к тому, чтобы убить Булгакова-врача и родить Булгакова-писателя, и жестокая эта работа была впоследствии продолжена и красными, и белыми — неслучайно, подытоживая свои «необыкновенные приключения доктора», его иронический герой констатирует как непреложный факт: «В один год я перевидал столько, что хватило бы Майн Рида на 10 томов. Но я не Майн Рид и не Буссенар»» [цит. по: 4: 119].

Если говорить о более-менее точно датированном временном отрезке т.н. окончательного перерождения героя, то сам А.Н. Варламов, опираясь на факты, предлагает середину февраля 1920 г. Биограф апеллирует к фразе М.А. Булгакова, адресуемой П.С. Попову и встречающейся во всех жизнеописаниях прозаика: «Пережил душевный перелом 15 февраля 1920 года, когда навсегда бросил медицину и отдался литературе» [4: 132]. И здесь Варламов аккуратно парирует М.О. Чудакову, считающую слова о «душевном переломе» напрямую связанными с катастрофой белого движения. Логичнее предполагать, отмечает автор «Михаила Булгакова», что героя сподвиг на такой финальный шаг «первый литературный успех, литературное призвание, наконец, попросту свое увиденное имя среди имен уже состоявшихся писателей, хотя бы и третьего ряда» [4: 132]. Важно заметить, что Варламов указывает читателю на особое мистическое совпадение, на наш взгляд, важное для авторской концепции кода судьбы Булгакова, которую мы косвенно затронули при рассмотрении причин морфинизма писателя и к которой мы еще вернемся, — обращение писателя к литературе «случилось как раз в тот день, когда Церковь празднует Сретение <...>» [4: 132].

Литературный труд, по справедливому заключению А.Н. Варламова, не был для М.А. Булгакова «радостью, творческим самозабвением», но чаще всего оказывался соединенным с «унынием, мукой, печалью, притом что столько радости, легкости, юмора было в его писаниях» [4: 155]. Причину этой двойственности биограф опять-таки склонен видеть в роковых происках, причем и сам М.А. Булгаков был не удовлетворен тем, как складывалась его литературная судьба: «Препятствия, неудобства, недоразумения <...> сопутствовали Булгакову с первых шагов и стали горьким девизом его пути. Можно так сказать: гений Булгакова родился под одной из самых счастливых звезд, его прижизненная судьба — под одной из самых несчастных, и эти два полюса и создали то напряжение, которым переполнены булгаковские тексты от первых до последних» [4: 155]. Для Булгакова судьба в широком смысле «насмешница»: ««Ну и судьба! Ну и судьба!» — восклицал он в другом письме того времени, и этот возглас прошел сквозь всю его жизнь» [4: 155].

Очевидно, что А.Н. Варламов метафизически связывает постоянно преследующую писателя судьбу с его вероотступничеством в том плане, что последнее непременно влечет за собой первое. Столкновения с фатумом проистекают из нерешенного сокровенного вопроса о соотношении темных и светлых сил в мироздании и микрокосме и, главное, — в самом художнике.

Решение переехать из Владикавказа в Москву, к примеру, А.Н. Варламов косвенно соотносит с продолжающимися терзать писателя религиозными противоречиями. Внешне стремящийся успеть получить «*призы жизни*» (в соответствии с созданной им теорией «лестницы жизни», о которой говорит в своих воспоминаниях Эмиль Мидлин [См., 4: 178]), мечтавший совершить трансцендентальный побег писатель должен был последовательно внедриться в главные советские проблемы «<...> большевики, <...> нэп, <...> литературная шпана, <...> власть, чтобы приблизиться к главному — вопросу о добре и зле, о Боге и сатане» [4: 179].

Судьба и случай, по мысли А.Н. Варламова, не позволили писателю уехать из России ни в период Гражданской войны, когда это было еще возможно, ни позднее, когда это стало практически не осуществимо: «...судьба и случай <...> сделали так, чтобы в конце зимы — начале весны 1920 года <...> Булгаков, отправившись в Пятигорск, подцепил тифозную

вошь, и крохотное насекомое под рубашкой развернуло его и стало такой же преградой на пути за рубеж, как десятилетие спустя вся могущественная советская система во главе с ее литературно озабоченным вождем» [4: 137]. А.Н. Варламов, следуя логике событий и сопоставляя творчество Булгакова и литераторов русского зарубежья, приходит к справедливому заключению, что а priori он должен был покинуть Россию и оказаться рядом с писателями, близкими ему по духу и мировоззрению: В.В. Набоковым, Г. Газдановым, Р. Гулем, Б. Поплавским. Но, подчеркнем принципиальность момента для Варламова, из-за того, что жизнью Булгакова управлял случай, «в самые критические минуты <...> выбора <...> не было: ту дорогу, по которой Михаил Булгаков так желал бы пойти, перед ним закрыла судьба <...>» [4: 137]. В этом, считает биограф, отличие героя от названных (и многих других) авторов, «которые свою жизнь делали сами» [4: 137].

Характерно то, что А.Н. Варламов стремится найти переключки в жизненных перипетиях писателей, ставших героями его биографий. Так автор обнаруживает общие черты обстоятельств, в которых оказались М.А. Булгаков и М.М. Пришвин: первый в 1916—1917 гг., второй — в 1920 г. Оба «страдали от крестьян» [4: 68], оба пытались разрядить трудные жизненные ситуации наркотическим эскапизмом (у Пришвина дальше размышлений о подобной возможности не идет) [См., 4: 68—69].

Подчиняясь какой-то своей внутренней логике биографа-исследователя А.Н. Варламов не единожды связывает двух, казалось бы, совсем не похожих писателей — М.А. Булгакова и М.М. Пришвина. Биограф отмечает очевидное и в то же время незаметное для читателя: особенно не пересекавшиеся в жизни, не бывшие лично знакомыми, шедшие в литературе, творчестве совершенно разными путями, писавшие на абсолютно далекие друг от друга темы авторы все же, по мысли Варламова, имели точки соприкосновения. В отношении к революции и новой власти у обоих были свои «контрапункты: сначала яростное неприятие революции и нового строя, затем попытка — у каждого своя — занять в чуждом им обществе строителей коммунизма личную нишу» [4: 214]. Ощущение радости от возвращения к нормальной жизни, нарождающейся общественной, хотя и советской, реальности из хаоса войны и голода у писателей сходно на столько же, на сколько и различно, по мысли А.Н. Варламова. Для Пришвина, живущего в 1922 г. в деревне под Талдомом, новая жизнь ассоциировалась с природой и охотой, для Булгакова, как истинного горожанина — с необходимостью еще большей работы для восстановления порядка, новой систематизации окружающего: «Пришвин больше деревенщик, «природник», Булгаков — убежденный горожанин, который искал порядка в нарождающейся советской жизни, осторожно, недоверчиво, придиричиво, хотел жить в стране, которая после страшного потрясения, после всеобщего умопомрачения и смертельного заболевания выздоровеет, как выздоровел он сам от тифа и морфия; как врач он знал, что это будет нескоро, знал, что такие болезни не проходят без последствий, но верил, что всякий живой организм обладает способностью к самовосстановлению» [4: 215]. Именно таким призывом пронизана проза Булгакова тех лет, но самое главное различие двух авторов Варламов видит в другом — в диаметрально противоположном методе выстраивания своей профессиональной писательской деятельности в коллегиальных масштабах и в советском обществе в целом. В этом смысле в тексте снова появляется слово «судьба»: «Пришвин выстраивал писательскую судьбу, уходя с магистральной дороги на боковые тропки, то от Булгакова не зависело ничего, и судьба сама гнала его по пыльному большаку, не позволяя отклонений и отлучек» [4: 215]. Если Пришвин мог «благоразумно» и избирательно относиться к своему творчеству не затрагивать определенных, «скользких» для современности тем и вопросов, отходить на время от тех или иных не «актуальных» для советского государства проблем, то Булгаков «свернуть на укромную тропинку не захотел, не смог, не сумел; он не пытался ни прятаться, ни маскироваться и вел себя вызывающе, подставлялся, раздражал (что, впрочем, потом сыграло добрую службу в его отношениях со Сталиным, вернее, в отношении Сталина к нему); его каждое новое произведение было опаснее старого, он бил не в бровь, а в глаз, и искал счастья не для себя одного, но для всех» [4: 215]. Ключевое сочетание в приведенной

фразе, конечно, «счастье не для себя одного» [4: 215]. В документах и воспоминаниях М.А. Булгаков, казалось бы, предстает эгоистичным человеком, и в этом опять противоречие булгаковской натуры: будучи таким в глазах современников и близких людей он не мыслил себя вне своего, как справедливо замечает Варламов, «пусть не народа – сословия, русской интеллигенции, и был готов эту судьбу [снова «судьба» — В.Ч.] делить и за нее платить» [4: 216].

В этот контекст писателей-современников А.Н. Варламов вводит А.Н. Толстого, гораздо больше Пришвина имеющего отношение к Булгакову. Биограф указывает здесь на принципиальное отличие Булгакова от Толстого, бывшего эгоистичным не просто в быту, но мировоззренчески: «Вернувшийся в Советский Союз в 1923 году и очень скоро понявший, что его обманули, заманили в нищету и бросили на съедение литературной шпане, Толстой <...> сообразил, что радости для всех граждан в социалистическом раю не хватит, и кинулся устраивать собственную жизнь отдельно от жизни своих читателей и героев» [4: 216]. Варламов подчеркивает, что Булгаков следил за творчеством и успехами Толстого, с одной стороны, понимая его профессионализм, а с другой, осознавая, что проза его «не была выстрадана и оплачена личной судьбой <...> давалась ему за счет трудолюбия, усидчивости и врожденной легкости письма» [4: 216].

Варламов указывает на еще одно принципиальное отличие Булгакова от Толстого: первый был требователен к себе и окружающим и как следствие «литературно чистоплотен <...> до брезгливости <...>» [4: 213], а потому не искал сотрудничества со сменовеховской «исключительной сволочью» (возникшему в русской эмиграции первой волны идейно-политическому течению, выступавшему за примирение и сотрудничество с СССР, посвящена целая глава книги — «Компания исключительной сволочи»), в то время как Алексей Толстой ее «беззаботно возглавлял», будучи «беспечным и литературно беспринципным» человеком [4: 213—214].

Важно отметить, что А.Н. Варламов возвращает читателя к своим предшествующим книгам серии «ЖЗЛ», в данном случае, к «Пришвину» и «Алексею Толстому», что позволяет нам говорить о едином рецепционном контексте рассматриваемых литературных портретов, а сами шесть искомым произведений о писателях воспринимать в известной степени как единый текст. Если же говорить о связи «Михаила Булгакова» и «Алексея Толстого», то можно добавить, что даже отдельные выдержки из документов переносятся из одной книги в другую. Достаточно привести один характерный пример дневниковой записи М.А. Булгакова, встречающейся и в «Алексее Толстом», написанном до «Михаила Булгакова», и в, собственно, анализируемой книге: «Из Берлина приехал граф Алексей Толстой. Держит себя распушено и нагло. Много пьет» [цит. по: 4: 216, и по: 2: 311]. Булгаков часто появляется в связи с Толстым непосредственно в предыдущей книге, вплоть до перенесения в текст о Булгакове нескольких слегка видоизмененных пассажей о Толстом (цитаты из документов и комментариев к ним) (ср. главы «Back in the USSR» первого и «Компания исключительной сволочи» второго) (ср. 4: 216—221, и 2: 311—315).

Известный телефонный разговор со Сталиным, после которого литературная жизнь М.А. Булгакова в плане публикаций новых произведений резко пошла на спад, состоялся 18 апреля 1930 года. Это особый день — Страстная пятница — и здесь мы возвращаемся к концепции кода судьбы Варламова: «это был код судьбы. Булгаков, который до этого был абсолютно свободным, эту свободу потерял. В его сердце вошла иллюзия об особом отношении Сталина к нему» [5]. И, наконец, ещё один код судьбы, самый главный по Варламову, виден в том, что смерть писателя прилась на Прощеное воскресенье (10 марта 1940 г.). А.Н. Варламову, человеку верующему, вряд ли близко религиозное отступничество героя. Но, как писатель и православный христианин, он стремится понять его, сочувствовать и сострадать ему: «Я сумел полюбить своего героя - несмотря на все его заблуждения. <...> Мне не близко его мировоззрение, но ведь человек не сводится только к своему мировоззрению... Есть в биографии Булгакова две даты, в которых я вижу нечто сокровенное. Знаменитый его разговор со Сталиным состоялся в Страстную Пятницу, а умер

он в Прощеное Воскресенье. И я надеюсь, что он — прощен» [1].

Таким образом, слово «судьба» всегда используется А.Н. Варламовым в книге, когда речь заходит о действительно судьбоносных событиях в жизни Булгакова: первой женитьбе [См., 4: 65], насильной его мобилизации в ряды петлюровской армии [4: 115], тифе, «закрывшем» писателю путь за границу [См., 4: 137], и т.п. Присутствует оно и в связи с творческими поисками Булгакова-художника [См., 4: 87, 116, 155], литературной службой в Москве [См., 4: 197], и др. Фатум особенно тягостен над М.А. Булгаковым в отношении его желания перебраться на жительство за границу. Потерянный вследствие болезни шанс уехать, бегство из Владикавказа из-за угрозы расстрела как бывшего белогвардейца в 1921 г. с намерением эмигрировать, наконец, письмо Сталину с прошением о предоставлении возможности выезда — всё оказалось тщетным.

А.Н. Варламов видит причину раннего отхода М.А. Булгакова от Бога и церкви далеко не только в семейных разногласиях и не столько в профессиональном занятии героя медициной или дальнейшем увлечении его идеями Фридриха Ницше и Чарльза Дарвина. Автор склонен усматривать здесь своего рода мистический аспект, присутствующий в творческом акте художника: «Булгаков был обречен на отпадение от веры, потому что был писателем от Бога. <...> Он был писателем свыше по тому удивительному дару, который был ему дан, но и все издержки профессии сказались в его судьбе с невероятной силой – здесь воплощение извечного сюжета о том, что душа человеческая есть поле битвы между Богом и дьяволом» [4: 45].

Список литературы

1. Бег от судьбы. Алексей Варламов об авторе «Мастера и Маргариты» [Электронный ресурс] // Синергия. — Режим доступа: URL: http://www.sinergia-lib.ru/index.php?section_id=1568&id=1632 (Дата обращения: 12.12.2016).
2. *Варламов А.Н.* Алексей Толстой [Текст] / А.Н. Варламов. — М.: Молодая гвардия, 2006. — 591 с.
3. *Варламов А.Н.* Купавна [Электронный ресурс] / А.Н. Варламов // Новый мир. — 2000. — №10. — Режим доступа: URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2000/10/varla. (Дата обращения: 28.07.2017).
4. *Варламов А.Н.* Михаил Булгаков [Текст] / А.Н. Варламов. — М.: Молодая гвардия, 2008. — 840 с.
5. *Варламов А.Н.* Михаил Булгаков [Текст] / А.Н. Варламов. — М.: Молодая гвардия, изд. 3-е, 2012. — 840 [8] с.
6. Код судьбы [Электронный ресурс] // Российская газета. — № 4598, 27.02.2008. — Режим доступа: URL: <https://rg.ru/2008/02/27/varlamov.html> (Дата обращения: 21.08.2017).
7. *Некрасов В.П.* Дом Турбиных [Электронный ресурс] / В.П. Некрасов. — Режим доступа: URL: <http://speakrus.ru/articles/dom-turb.htm> (Дата обращения: 31.07.2017).

10.01.10– ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА*10.01.10***Р.Ю. Анисимов**

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
кафедра вторых иностранных языков, anisimovru@gmail.com

**ГАЗЕТНЫЙ ЗАГОЛОВОК КАЧЕСТВЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ
ПРЕССЫ КАК СРЕДСТВО ПРИВЛЕЧЕНИЯ ВНИМАНИЯ**

Статья посвящена вопросам анализа газетных заголовков английских и американских газет с точки зрения наличия в них различных средств привлечения внимания. К таким относятся, во-первых, устойчивые словосочетания (фразеологизмы и прецедентные феномены), во-вторых – приемы риторического воздействия, позволяющие спрогнозировать содержание текста и принять решение о его прочтении. Заголовок как первый знак текста задает начальные координаты его восприятия и во многом предопределяет впечатление от текста.

Ключевые слова: *Заголовок, пресса, фразеологизмы, устойчивые словосочетания, идиомы.*

Газетный заголовок в современном мире является одним из способов привлечения внимания к статье. При этом печатные СМИ также переживают бум развития: открываются новые газеты и журналы, а многие из них получили «вторую жизнь» с появлением интернета: у ряда газет и журналов существует интернет-версия, отличная от печатной, и в печатных статьях авторы приводят ссылки на более подробное освещение указанной темы на сайте.

Заголовок газеты сегодня – это способ привлечь внимание к той или иной статье, практически заставить читателя с ней ознакомиться. Броские заголовки «желтой» прессы являются одним из основных залогов ее популярности и успеха.

Заголовки в газетном тексте формируют восприятие и первичную оценку текста. Они могут представлять собой как утвердительное, так и вопросительное предложение, как полное, так и неполное. Редко используются сложные предложения, так как заголовок не должен быть слишком длинным. Главная его задача – формирование оценки и привлечение внимания, что делается с помощью различных средств.

Все газеты и журналы, рассчитанные на широкую аудиторию, стараются заголовком привлечь внимание читателя, остановить его взгляд. Заголовки представляют собой не краткое изложение содержания статьи, а некую «вспышку», которая должна привлечь внимание читателя.

Можно выделить две условных стратегии обеспечения этой «вспышки». Одна из них подразумевает обращение к приемам создания «кричащих» заголовков, отсылающих к приемам наподобие схемы AIDA, представляющей комбинацию резкого привлечения внимания с последующим развитием темы [2, с. 119]. Схема была задумана для реализации броских рекламных и мотивационных выступлений, и первые ее элементы подразумевают реализацию эффекта обманутого ожидания.

AIDA представляет собой гипнотическую технику – потрясение в начале должно поразить слушателя настолько, что он начнет приходить в себя только на этапе интереса, но визуализация – картинка, нарисованная словами (а если речь идет о телерекламе, то и не словами) вновь отвлекает его. Сообщение о том, что же надо делать, ложится на подготовленную почву – потрясенное сознание готово пустить в подсознание все, что

угодно. Среди специалистов по НЛП известно, что гипнотизирование – это проникновение в правое полушарие, минуя левое [3, с. 102 – 113]. Есть разные способы обойти левое полушарие – усыпить его, как при обычном гипнозе, потрясти, как в начале АИДы, увлечь чем-то, как в ее третьей части. Схема Лулля-Монро представляет собой, фактически, двойной гипноз, так как в ней используются сразу два приема привлечения внимания.

Профессиональные журналисты, телевизионщики, бизнесмены, связанные с медиасферой, осведомлены об этой схеме, поэтому она не потрясает их воображение. Гораздо более эффективна в расчете на такую аудиторию «честная игра»: заголовок в двух словах объясняет потенциальному читателю (занятому человеку, у которого мало времени), что он может увидеть в этой статье.

Второй вариант привлечения внимания представляет собой использование различных приемов привлечения внимания с помощью устойчивых словосочетаний, фразеологизмов и идиом. В теории М.Я. Блоха [2, с. 229 – 233] словосочетания рассматриваются как синтагматически связанные группы слов. Выделяются словосочетания, эквивалентные одному слову (например, глаголы с послелогом – *to keep in*, *to give up*), и комбинации знаменательных слов. Среди последних выделяются связанные эквипотентно, то есть сочинительной связью (*prose and poetry*; *came and went*; *on the beach or in the water*; *quick but not careless*), и подчинительной (доминирующей) – например, *Mary's book*. Далее, в доминирующей связи могут быть как неравноправные слова (как в примере выше) или равноправные – такой тип связи называется предикативным, то есть уже составляет основу предложения.

Словосочетания (*word-combinations*) в английском языке, по мнению авторов книги «Функциональная англистика» [1, с. 128], характеризуются следующими особенностями:

- 1) наличие или отсутствие коннотативного значения;
- 2) наличие или отсутствие воспроизводимости;
- 3) наличие или отсутствие идиоматичности;
- 4) наличие или отсутствие изосемичности;
- 5) наличие или отсутствие социолингвистической детерминированности.

Помимо выделенных категорий, словосочетания характеризуются связью типа *colligation* или *collocation*. Первый из этих типов обусловлен действием морфологических факторов, а второй – лексических [1, с. 110].

К примеру, сочетание подлежащего и сказуемого будет коллигацией, если они не представляют собой какого-либо устойчивого сочетания *A boy sleeps* или же коллокацией, если это, к примеру, сочетание *A plane took off*, поскольку «взлететь» (*to take off*) может только самолет.

Таким образом, словосочетания можно анализировать как через их лексические связи, как это делают О.В. Александрова и ее соавторы, так и через грамматические, как в учебнике М.Я. Блоха. Первый подход позволяет показать роль и место словосочетаний в тексте, в то время как второй больше грамматичен и рассматривает структуру языка.

Для анализа были взяты заголовки газет “The Times” и “Washington Post”. Освещаемые события можно разделить на местные новости, интересующие ограниченный контингент людей, и мировые новости, волнующие многих. Пропорция употребления устойчивых словосочетаний высока в том и в другом случае. Что касается территориального деления газет, то удалось увидеть использование большего количества сленга и сленгизмов в американских газетах и меньшего количества слов из этого слоя языка в английской газете даже в ее мальтийском варианте.

Aggressive pit bulls removed from Xemxija. Интересен тот факт, что заголовок представляет собой грамматически неправильную фразу (*aggressive pit bulls WERE removed*), однако именно эта неверная конструкция позволяет привлечь внимание и сделать его интересным для читателя.

Alone and starving in wilderness on C4 show. Заголовок данной статьи вновь поражает своей грамматической неправильностью: нет того определяемого слова, к которому

относится определение *alone and starving*. Именно такой заголовок позволяет привлечь внимание по схеме AIDA: интересно, кто же один и голодает?

Romney sinks quickly in Republicans' esteem. В данном случае как в заголовке, так и в самой статье много метафорических выражений, связанных с идеей моря, плавания, воды, - можно даже назвать это контекстной метафорой данного небольшого текста.

New super PAC hopes to give cover to pro-immigration Republicans. В данном случае заголовок переполнен терминами и аббревиатурами, что позволяет сразу отсеять нецелевую аудиторию: тот, кто не разбирается в данном вопросе, не станет читать данную статью.

В целом, следует отметить, что в текстах американской газеты гораздо больше сленговых и профессиональных выражений, чем в британских (точнее, в варианте бывших британских колоний) газетах. Авторы используют единицы «за пределами» КЛЯ в целях эпатирования и привлечения внимания.

В рамках данного исследования было проанализировано более 200 заголовков. В большинстве из них употребляются устойчивые словосочетания, слова и выражения, которые призваны привлечь внимание читателя и обратить его взгляд на ту или иную статью. Их употребление можно разделить на две категории: использование сленговых слов и выражений, как бы призванное дать человеку понять, что он «свой», он «в теме».

Другая часть заголовков основана на использовании приемов привлечения внимания из арсенала американских риторик: приемов AIDA, 6П, схемы Карнеги. Современный заголовок подобен рекламному обращению, и он может включать в себя:

(1) определенные приемы воздействия на потенциального читателя с помощью приемов организации структуры текста и его композиции – например, использование схемы AIDA;

(2) приемы воздействия на лексическом уровне: использование слов, вызывающих позитивные или негативные ассоциации, подчеркивание важности, уникальности, сенсационности данного события;

(3) приемы воздействия на морфологическом уровне: использование определенных глагольных форм, придумывание несуществующих существительных и прилагательных;

(4) приемы воздействия на фонетическом уровне, к которым относятся аллитерация и ассонанс, а также звукоподражание;

(5) приемы воздействия на синтаксическом уровне, к которым следует отнести тропы и фигуры речи [3, с. 217].

В целом, следует признать, что проанализированным газетам все же в меньшей степени свойственны «кричащие» заголовки: “The Times” и “Washington Post” имеют репутацию солидных и уважаемых изданий, и их авторы все же не опускаются до «желтизны». Однако попытка привлечь внимание читателя присутствует всегда, что и вызывает использование проанализированных выше приемов.

Список литературы

1. *Alexandrova O.V., Boldyreva L.V., Dolgina E.A., Yakovleva Y.V., Komova T.A., Mendzheritskaja E.O., Vasilyev V.V.* Introduction to Functional Anglistics. – М.: издательство МГУ им. М.В. Ломоносова, 2018. – 453 с.
2. *Блох М.Я.* Теоретическая грамматика английского языка. – М.: Высшая школа, 1983. – 383с.
3. *Чернышова Т.В.* Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России. – М.: АСТрель, 2016. – 294 с.

10.01.10

В.И. Антонова д-р филол. наук, Аль-Хатал Бассам Абдуллах Абдулджаббар

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»,
филологический факультет,
кафедра журналистики,
Саранск, belkich@rambler.ru

СОВРЕМЕННЫЙ РЕПОРТАЖ – СИНТЕЗИРОВАННАЯ ФОРМА МЕДИАТЕКСТА

Авторы, исследуя процессы современного жанрообразования в СМИ, на примере медийных текстов журнала «Русский репортер», детерминируют структурно-содержательные трансформации в репортаже, обусловленные явлениями синтеза и гибридности. Отмечается, что тенденция к «слиянию» элементов различных жанровых вариаций в одной форме напрямую исторически обусловлен динамикой социальных преобразований в современном обществе.

Ключевые слова: репортаж, жанрообразование, синкретичность, гибридность, «эффект авторской сопричастности», историческая обусловленность, процесс.

Глобальные социально-экономические трансформации, происходящие в нашем обществе, накладывают отпечаток и на гуманитарную сферу жизнедеятельности. В частности, на специфику функционирования СМИ: подвергаются трансформации формы и методы работы журналистов, принципы действия, которые, в свою очередь, влекут за собой изменения в проблемно-тематическом, а также в структурно-содержательном контекстах форм медийных текстов. Общей тенденцией для современных жанровых структур является синтез – нивелирование, стирание, академических границ, возникновение жанров-гибридов. Наиболее иллюстративно данный процесс можно верифицировать на примере репортажа – самой академичной форме отображения фактов в журналистике.

Современные исследователи, говоря о приоритетных функциональных свойствах жанра, отмечают его следующие приоритеты: одни выделяют «наглядность изображения действительности ... как самоцель, а не средство обобщения или «оживления» текста» [5, с. 91]; другие детерминируют репортаж в качестве оперативной динамичной формы наглядного отражения события, свидетелем или участником которого был автор [3, с.111]; третьи называют репортажи «оперативно-исследовательскими текстами», в которых на первом плане – истолкование информации [4, с. 102]; четвертые полагают, что «в основе репортажа всегда лежит определенный факт, событие, явление, которые описываются журналистом в динамике» [1, с. 88]; пятые считают, что «особенности репортажа определяются задачей, стоящей перед автором и функциональным назначением жанра – оперативно сообщить новостную, социально-значимую информацию с применением различных стилистических средств...» [2, с. 21] и т. д.

Сегодня в «чистом» виде жанр как в графических, так и в электронных СМИ встречается крайне редко. Как правило, практически в каждой форме медиатекстов ярко проявляются процессы синкретизма и гибридности, в результате чего жанр приобретает новые, неспецифичные характеристики. С одной стороны, форма теряет историческое своеобразие и свойства, которые повторялись в содержательной структуре много десятилетий. Но, с другой, – конверсионные явления позволяют современным журналистам выражать свои творческие замыслы более раскованно, интроспективно. Вместе с тем, под влиянием интегративных процессов, способствующих инновационным трансформациям, в различных формах медийных текстов закрепляются лишь наиболее существенные, характерные черты, служащие основой для возникновения современных, более совершенных модификаций.

Таким образом, можно утверждать, что в современной медиасфере идет активный процесс интеграции, в результате которого жанровые формы трансформируются, следуя «вкусам времени».

Явление конвергентности жанровых форм коснулось многих СМИ, но наиболее четко данный процесс отразился в жанре репортажа, который одним из первых подвергся процессу синкретизации. Это естественно, поскольку жанрообразующие признаки формы предоставляют большие возможности для трансформации. Видоизменения репортажа происходят прежде всего из-за слияния данного жанра с другими формами. В нем находят отражение художественно-публицистические, интерактивные и аналитические элементы; кроме того, ярче выражается детализация, достоверность, фактографичность изложения, а также личностное авторское начало, что иллюстративно подтверждается анализом журнала «Русский репортер» («Р. Р.»).

В целом, репортажи «Русского репортера» носят информационно-познавательный характер. Они направлены на думающую и активную публику. Об этом свидетельствует актуальность затрагиваемых тем, глубокое погружение репортеров в проблемы. Основные источники информации в репортажах «Русского репортера» – специальные корреспонденты, очевидцы и участники событий. Как правило, репортажи в данном издании начинаются с лидирующего абзаца, в котором дается краткое описание события, его предыстория, характеристика личности главного действующего лица. Репортажи нередко делятся на несколько блоков. Названия блоков чаще всего построены на цитатах или ассоциациях, на юмористическом обыгрывании каких-либо устойчивых выражений журналиста.

Для наглядности приведем пример репортажа «Человек и кошка», опубликованного в журнале 23 апреля 2014 года. Материал представляет собой шесть «историй о любви и не только». Публикация, объединившая в себя несколько «рассказов», представляет собой познавательно-тематический репортаж. Наряду с элементами информационно-новостного спектра в анализируемом тексте прослеживаются черты интерактивных и документально-публицистических форм. В связи с этим, в различных подтекстах варьируется наличие элементов других жанровых групп: зарисовки, подвидов интервью; но при этом репортажные черты остаются доминирующими.

Явления синтезированности жанровой формы несколько иначе представлены в другом репортаже «Никогда не забуду», опубликованном 24 января 2012 года. Жанровая структура представляет собой «сплав» репортажа и интервью-беседы. Основа медиатекста – интерактивная форма, однако автор активно использует в тексте элементы репортажа, что делает материал репортажным, более ярким и интересным. В результате, читатель не только «слышит», что «говорит героиня репортажа», но «видит», как она себя ведет, как выглядит. Корреспондент удачно сочетает в тексте элементы двух информационно-новостных жанров, не перегружая при этом текст описаниями. Всё в данной гибридной форме создано именно так, чтобы перед читателями «нарисовался» визуальный образ происходящего.

Явление синтеза ярко продемонстрировано и в материале «Коктейль «Обществознание», опубликованном в «Русском репортере» 21 мая 2014 года, повествующем о том, как «главные проблемы общества решаются на школьных уроках». Журналист, используя неординарный метод сбора информации – эксперимент, устраивается на работу учителем обществознания в общеобразовательную школу. Анализируемый материал является результатом наблюдений и размышлений автора по вопросам школьного образования, нравственности, современного воспитания, психологии молодого поколения, его жизненных ценностей. Создавая «эффект присутствия», он активно использует репортажные элементы: «Утро. До первого урока полчаса. Темно. Ни у школьников, ни у учителей сознание еще не включилось ...». Данный медиатекст имеет своеобразную взаимообусловленную жанровую структуру; в нем «мирно уживаются» элементы информационно-новостной и документально-публицистической групп жанров, что позволяет продемонстрировать новостной факт наглядно, эмоционально, но, вместе с тем, представить на суд читателя важные проблемы школьного воспитания, выразить авторское мнение. Умелое сочетание

синтеза – образности и информативности, необычный стиль подачи, делают медиатекст интересным и реальной, и потенциальной аудиторией.

Текст «Саратов должен быть разрушен. Инструкция по деградации и спасению отдельно взятого города» («Р. Р.» 21 дек. 2011 г.) также представляет собой своеобразную гибридную форму, состоящую из элементов репортажа, аналитической корреспонденции, интервью, зарисовки. Это ни в коей мере не умаляет значимости формы, наоборот, делает ее привлекательнее, интереснее, действеннее. Современные процессы синтеза, гибридности жанров способствуют, в данном случае тому, что публикация с аналитическими выкладками, социальными мониторингами, серьезными авторскими комментариями превращается в читабельную репортажную форму с многочисленными фотографиями – графическим подтверждением вербально созданного образа, с эмоциональными описаниями, придающими форме неповторимый публицистический колорит.

Таким образом, можно констатировать, что репортаж – уникальная в своем роде оперативная форма отражения фактов многообразия реальной действительности – в современной ситуации переживает небывалый трансформационный процесс, выраженный в явлениях синтеза и гибридности. Жанр, получивший признание широкой читательской аудитории еще в эпоху «короля репортажа» В. Гиляровского, предстает перед нами во всей своей содержательной полноте и структурной завершенности. Верифицируя его современные возможности, можно утверждать, что медиатекстам, выраженным в данной форме, присущи сегодня не только наглядность и оперативность, но, прежде всего, динамичность и лаконизм, эмоциональность и аналитизм, объективность и авторское самовыражение, полифоничность и интроспективность, слияние в одной форме репортажных элементов с элементами других жанровых структур. Данные происходящие явления на страницах периодических печатных изданий, несомненно, заслуживают пристального внимания у исследователей теории журналистики, а также обуславливают повышенный интерес к средствам массовой информации аудитории СМИ.

Список литературы

1. Антонова В.И. Региональная пресса в системе Российской журналистики: типология и жанрообразование / В.И. Антонова. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2006. – С. 88.
2. Антонова В. И. Жанры в творчестве журналистов региональных изданий: традиции, опыт, новации: учеб. пособие / В. И. Антонова. – Саранск, 2005. – С 21.
3. Гуревич С.М. Газета: вчера, сегодня, завтра / С.М. Гуревич. - М.: Аспект Пресс, 2004. – С. 111.
4. Корконосенко С.Г. Основы творческой деятельности журналиста / С.Г. Корконосенко. – СПб: Знание, 2000. – С. 102 .
5. Тертычный А.А. Жанры периодической печати / А.А. Тертычный. - 3-е изд., испр. и доп. – СПб: Аспект-Пресс, 2006. – С. 91.

10.01.10

¹А.У. Киньябулатов канд. мед. наук, ²С.Г. Аксенов д-р экон. наук,
¹Р.Н. Зигитбаев, ¹А.Д. Лифанова, ¹Нгуен Тхань Нга, ¹Конг Тхи Хоа,
¹Ф.Х. Усманова, ¹С.А. Батанин, ¹А.Ф. Мухлисов

¹Башкирский государственный медицинский университет,
факультет медико-профилактический с отделением микробиологии,
кафедра общественного здоровья и организации здравоохранения с курсом ИДПО,
²Уфимский государственный авиационный технический университет,
Уфа, azatur3@yandex.ru

**ВКЛАД ЧЛЕНА СОЮЗА ЖУРНАЛИСТОВ РОССИИ
И РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН, ПРОФЕССОРА С.Г. АКСЕНОВА
В РАЗВИТИЕ ВОЕННОЙ И МЕДИЦИНСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ
(К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

Член Союза журналистов России и Республики Башкортостан, профессор С.Г. Аксенов в марте 2019 года отметил 60-летний юбилей. Участник ликвидации последствий землетрясения в Спитаке, Улу-Теляжской железнодорожной катастрофы, специалист пожарной безопасности С.Г. Аксенов с 2005 года — член Союза журналистов России и Республики Башкортостан. Опубликовал свыше 100 статей в области военно-медицинской журналистики.

Ключевые слова: *медицинская журналистика, военная журналистика, пожарная безопасность, Союз журналистов.*

В марте 2019 года члену Союза журналистов России и Республики Башкортостан, кандидату юридических наук, доктору экономических наук, профессору Сергею Геннадьевичу Аксенову исполнилось 60 лет. Вступив в 2005 году в Союз журналистов России и Республики Башкортостан Сергей Геннадьевич активно публикуется в средствах массовой информации по актуальным вопросам военной медицинской журналистики. Учёный-правовед, педагог, спасатель, полковник С.Г. Аксенов родился 18 марта 1959 года в г. Уфа. Последовательно окончил Всесоюзный заочный финансово-экономический институт (ВЗФЭИ, 1985 г.), Высшую школу МВД России (1994 г.), Санкт-Петербургский университет государственной противопожарной службы МЧС России (2010 г.). Свою трудовую деятельность он начал во время прохождения военной службы в автомобильных войсках на территории России, на должностях рядового и сержантского состава. С 1984 года проходил службу в пожарной охране, где прошел служебный путь от рядового до полковника, в этот период он начал писать статьи о первой медицинской помощи, профилактике пожаров. С 1987 года работал на различных должностях профессорско-преподавательского и начальствующего состава в Уфимском юридическом институте МВД России, в последующем руководил кафедрой. В 2008 году приказом был переведен в Москву на должность начальника факультета Академии экономической безопасности МВД России. В связи с ликвидацией академии в 2011 году завершил службу и вернулся в г. Уфа. В Уфимском государственном авиационном техническом университете (УГАТУ) работает с 2004 года (первоначально по совместительству): профессор кафедры пожарной безопасности, декан факультета защиты в чрезвычайных ситуациях (2011—2016 гг.), проректор по инженерному обеспечению и развитию имущественного комплекса УГАТУ (2015—2016 гг.), заведующий кафедрой пожарной безопасности (2017 г.). Научные исследования профессора С.Г. Аксенова посвящены актуальным проблемам экономико-правового регулирования в области обеспечения пожарной безопасности, профилактики чрезвычайных ситуаций, оказание первой медицинской помощи на пожарах, а также военной истории и истории пожарного дела в России и Республике Башкортостан [1]. Профессор

С.Г. Аксенов является членом первичной ячейки Союза журналистов при Башкирском государственном медицинском университете. За последние 15 лет им опубликовано свыше 200 статей в газетах и журналах, которые посвящены вопросам оказания первой медицинской помощи, транспортировке пострадавших, организации помощи в чрезвычайных ситуациях и др. Многие его статьи, посвящены истории развития УГАТУ, БГМУ, УЮИ МВД России, например, детально изучена биография одного из первых преподавателей Башкирии Н.Н. Байтерякова, самой семьи Байтеряковых внесших значительный вклад в развитие педагогики, культуры, медицины и юриспруденции Башкортостана, также значение сохранения памяти уважаемой семьи. Особое значение имеют его работы, посвященные Великой Отечественной войне, особенно статьи об эвакогоспиталях, где помимо медицинской помощи, оказывалась большая помощь в социализации инвалидов, коррекции их профессиональной деятельности (получение новых специальностей и профессий) [2, 3]. Тесно связан журналист С.Г. Аксенов со спортом и физической культурой, он член организационного комитета и сопредседатель 1 Международной, свыше 30 Всероссийских научно-практических конференций, посвященных истории медицины, пожарной безопасности, физической культуре и спорта. На протяжении многих лет занимается просветительской деятельностью, являясь членом Президиума Башкирского регионального отделения Российского общества «Знание», а также членом Президиума Башкирского регионального отделения Академии военных наук РФ. Отличительной чертой журналистской работы профессора С.Г. Аксенова является не только написание и публикация материалов по профилактике в чрезвычайных ситуациях, но и активное обсуждение данных публикаций со студентами в библиотеках УГАТУ и БГМУ во время проведения круглых столов. Проведение совместных лекция со выдающимися спортсменами, спасателями, специалистами в различных областях стали доброй традицией в деятельности члена Союза журналистов России и Республики Башкортостан С.Г. Аксенова. Как апофеоз журналистской его работы стало проведение новой формы в научно-исследовательской и педагогической работе со студентами — внутривузовского мероприятия «День науки» [4]. Новое время требует новых форм журналистской работы, поэтому стали возможным проведение встреч и интервью в театрах и музеях. Еще одним дополнительным направлением журналистской работы профессора С.Г. Аксенова в последние годы стало региональное музееведение, создание стендов по истории пожарного дела, первой помощи, социологии.

В июне 2019 года будет 30 лет со дня Улу-Теляжской катастрофы (в Челябинской области её называют Ашинская), которая произошла 4 июня 1989 года, когда в момент встречного прохождения двух пассажирских поездов № 211 «Новосибирск — Адлер» и № 212 «Адлер — Новосибирск» произошёл мощный взрыв облака лёгких углеводородов, образовавшегося в результате аварии на проходившем рядом трубопроводе Сибирь — Урал — Поволжье. В результате погибли почти 600 человек, из них около 200 дети, которые ехали на отдых к Черному морю. Полковник С.Г. Аксенов оказался одним из первых военнослужащих, кто оказывал помощь пострадавшим, но он только спустя 15 лет стал описывать события тех дней. Опыт приобретенный во время Улу-Теляжской катастрофы стал бесценным для многих служб и подразделений, еще больше он пригодился когда профессор С.Г. Аксенов возглавил в 2017 году кафедру пожарной безопасности УГАТУ. Информационные памятки, активная журналистская работа с сайтом в интернете, выпуск брошюр и методических пособий, а также изданий для популяризации сохранения здоровья молодежи — вот неполный перечень того, что ежедневно делает член Союза журналистов России С.Г. Аксенов.

В марте 2019 года Председатель Союза журналистов Республики Башкортостан, заслуженный работник печати и средств массовой информации Республики Башкортостан А.Х. Давлетбаков в торжественной обстановке в честь 60-летия со дня рождения и 15-летия журналистской деятельности вручил Почётную грамоту Союза журналистов Республики Башкортостан журналисту, профессору С.Г. Аксенову. Данное событие стало глубоко символично, т.к. в марте Республика Башкортостан отметила 100-летие своего образования.

С.Г. Аксенов трижды избирался депутатом Кировского районного Совета города Уфы (1990 г., 1995 г., 1999 г.), членом Президиума района, председателем постоянной депутатской комиссии по социальной и правовой защите, в 2007 году - членом Экспертного Совета при Уполномоченном по правам человека в Республике Башкортостан. Ему вручены нагрудные знаки «Отличник Гражданской обороны СССР» (1991 г.), «Почетный сотрудник МВД России» (2009 г.). Он продолжает занимать активную журналистскую позицию. В июне 2019 года готовится к выпуску его книга, посвященная 30-летию Улу-Теляжской катастрофы (анализ событий и факты), которая станет квинтэссенцией его журналистской деятельности за последние годы.

Выводы: 1) За 15-летний стаж активной журналистской работы член Союза журналистов России и Республики Башкортостан, доктор экономических наук, кандидат юридических наук, профессор С.Г.Аксенов внёс значительный вклад в военной и медицинской журналистики Республики Башкортостан.

Список литературы

1. Киньябулатов А.У., Шарафутдинова К.И., Шарафутдинова Н.Х., Муха-метова А.И., Кадыров Р.З., Усманов В.Ф., Аксенов С.Г., Чистонов В.Д. Научно-исследовательская и педагогическая работа со студентами технических и гуманитарных вузов в театрах республики. Казанская наука. 2017, №11. – С.168-169.
2. Киньябулатов А.У., Шарафутдинова Н.Х., Аксенов С.Г., Халиков С.А., Зи-гитбаев Р.Н., Ибрагимов А.А., Булгакова К.Р., Каримов М.А., Саидова Д.Д. Воспитательная работа в эвакогоспиталях Башкортостана. Казанская наука. 2017, №10. – С.164-166.
3. Халиков С.А., Киньябулатов А.У., Аксенов С.Г., Шарафутдинова Н.Х., Каримов М.А., Саидова Д.Д., Зигитбаев Р.Н., Ибрагимов А.А., Булгакова К.Р. Коррекция профессиональной деятельности в эвакогоспиталях Башкортостана. Казанская наука. 2017, №10. – С. С.197-199.
4. Киньябулатов А.У., Мухаметова А.И., Шарафутдинова Н.Х., Шарафутдинова К.И., Кадыров Р.З., Чистонов В.Д., Аксенов С.Г., Крылова З.Р., Усманов В.Ф. «День науки» в университетах как новая форма в научно-исследовательской и педагогической работе со студентами. Казанская наука. 2017, №11. – С.165-167.

10.01.10

З.З. Рамеев, Л.Ш. Гарипова, Г.Н. Зайнеева, Г.А. Хуснутдинова

ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ,
Центр письменного и музыкального наследия, отдел текстологии,
Казань, zufarzayni@yandex.ru, leilyashamilevna@mail.ru,
gulnara.zaineeva@mail.ru, kh-gulnaz71@mail.ru

ЛИТЕРАТУРНОЕ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Г. ГАФУРОВА-ЧЫГТАЯ

В статье рассматриваются особенности жизни и творчества Г.Гафурова-Чыгтая, особое внимание уделяется публицистическим статьям писателя. Опираясь на новые источники из личного архива писателя, воссоздается более полная картина его художественного и публицистического наследия.

Ключевые слова: публицистика, история татарской литературы, Чыгтай, Г. Тукай.

Творчество видного представителя просветительского периода татарской литературы Галиасгара Гафурова-Чыгтая (1867-1942), начало литературной деятельности которого приходится на начало XX века, оставалось в стороне от внимания исследователей советского времени. Профессор М. Гайнуллин является одним из ученых, сделавший первый шаг на пути изучения и возвращения письменного наследия писателя. Изучив повесть “Тутам” (“Моя сестра”) на фоне татарской прозы рубежа XIX–XX веков он издал ее текст в современной татарской орфографии в конце 70-х годов XX века [6]. Позднее в монографии Ф. Баширова “XX гасыр башы татар прозасы” (“Татарская проза начала XX века”) были исследованы некоторые идейно-тематические особенности данного произведения Чыгтая [1]. В четвертом томе “Истории татарской литературы”, подготовленной Институтом языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Татарстана, есть глава, в которой дана общая научная оценка творчеству писателя. Впервые изданные в 2013 году “Избранные произведения” Г. Гафурова-Чыгтая [2], и в 2017 году книга “Галинец алтмыш еллык истәлекләре” (“Шестидесятилетние воспоминания Гали”) являются серьезными трудами в изучении его письменного наследия [3], также имеются обзорные статьи, касающиеся творчества писателя [5].

Настоящие имя и фамилия писателя – Галиасгар Гафуров, при жизни он подписывал свои произведения, выступления в прессе псевдонимом «Чыгтай». Он родился 16 сентября 1867 года в деревне Новое Ибрайкино (тат. Яна Ибрай, Четрэн) ныне Аксубаевского района Республики Татарстан. Почему он публиковался под именем Чыгтай? В одной из своих записей он пишет, что на его родину из Нижегородской губернии (спасаясь от насильственного крещения) перебрался человек благородного происхождения по имени Чыгтай. Возможно, из уважения к нему он использовал данный псевдоним.

Г. Гафуров первичное образование получил в медресе родной деревни, затем учился в медресе деревни Куюк (Көөк), городе Чистополь. С 1899 года он являлся муллой города Бузулук, открыл там школу, обучал детей. Первым его произведением считается повесть “Тутам” (1898 г.). Ее первую часть в 1905 году опубликовал за свой счет Фатих Карими. Риза Фахретдинов, прочитав эту повесть, призывающая татарских женщин к нравственной чистоте, оценил ее весьма положительно и стал ждать с нетерпением выхода второй части. Тюрколог Н.Ашмарин также положительно отозвался о повести, перевел, отрывки поместил в своей книге. Такое внимание, видимо, ускорило выход на суд читателя второй части произведения. Оно было издано в №6 и №8 за 1906 год в журнале «аль-Гаср аль-Джадид» («Новый век», Уральск). В эти годы с творчеством Чыгтая был знаком и Г.Тукай. В четырех публицистических статьях Чыгтая, опубликованных в этом журнале (№3 и №4) говорилось, что “национальное и демократизм могут существовать одновременно”, “религия и духовенство никогда не должны смешиваться с политическими проблемами эпохи”). Вторая часть повести в виде отдельной книги вышла в свет лишь в 1908 году. В воспоминаниях

упоминается, что произведение было популярно, и, учитывая это, Тукай предложил его напечатать издательству «Китап» (в то время Тукай работал экспедитором в издательстве). В газете «аль-Ислах» («Реформа»), в котором активно сотрудничали Фатих Амирхан и Габдулла Тукай, было опубликовано более десяти статей Чыгтая. Как видно, в то время Тукай положительно относился к личности и публицистике Чыгтая.

В 1909 г. Чыгтай опубликовал известное произведение «Исабэт» («Исабэт») (в пер. «исправление, достижение правдивости»). Эта книга о пророке Мухаммаде произвела в обществе большой резонанс. Из-за выражения в некоторых местах сомнений в отношении религиозного учения, это издание получило отрицательную оценку в религиозных кругах. Духовное управление отозвало у Чыгтая указ, по которому он был назначен имамом. Несколько растерянный этим, Чыгтай вынужден опубликовать письмо в газете «Йолдыз» (31 января 1910 года), в котором отказывался от своей книги и мыслей, отраженных в ней, тем самым выражая раскаяние. Для того, чтобы вернуть указ, он едет в Уфу в Духовное управление. Подобный поступок никто не одобрил, и он стал получать письма от тех, кто положительно воспринял «Исабэт», уличая его в том, что он безвольный человек. В изданной в 1912 году книге «“Исабэт” эшлэре» («По поводу «Исабэт») он подробно описывает свое духовное состояние на тот момент, имея в виду стихотворение Габдуллы Тукая «Мэжрух указ» («Раненый указ»), а также вошедшее в его стихотворение «Авыл жырлары» («Деревенские песни», четвертый сноп, 1910) слова:

Жаңгыр жава сибэлэп, төймә-төймә төймэлэп;

Чыгтай мулла үкреп жылый, “тәүбә, тәүбә, тәүбә!»ләп.

(Жизни в дождик я не рад, шел бы лучше крупный град;

Голосит мулла Чыгтай: «Каюсь, каюсь, виноват». Пер. В. Микушевича). В воспоминаниях он пишет: «Тогда же вышли стихотворения Габдуллы Тукая, которые были не в мою пользу»[3]. Как видно, в этом случае Г. Тукай не одобряет отказ Чыгтая от своих первичных взглядов.

В связи со смертью Тукая в периодической печати были опубликованы статьи, стихотворения, некрологи. Среди них есть и статья-воспоминание, подписанное буквой «Ч». Исследователи ограничиваются лишь утверждением, что их автор Чыгтай. Это до сих пор это остается недоказанным фактом.

В периодической печати 1907–1908 и 1913–1915 годов имя Чыгтая встречается довольно часто. В газете «Ахбар» («Известия») он опубликовал две статьи, подписываясь «Ч», мы уверены, что читатели воспринимали его как Чыгтай. Поэтому и опубликованную в газете «Кояш» за 2 апреля 1914 года статью «Личная память о покойном Габдулле Тукае» можно считать вышедшей из-под пера Чыгтая. Не будем забывать и то, что в 1914–1915 годы Чыгтай работал в редакции газеты «Кояш». Об этом в его воспоминаниях приводятся довольно интересные факты, например, о том, как остёр был на язык Ф.Амирхан, как часто использовал нецензурную брань редактор Закария Садретдинов. Еще одна его статья «Габдулла Гариф улы Тукаев» («Габдулла Гарифович Тукаев»), написанная по поводу годовщины смерти Тукая, была опубликована в журнале «Сююмбике». Чыгтай пишет, что творчество поэта было призвано отразить народный дух, что Тукай превратился в переводчика «способного донести цели, которые татарский народ не мог сформулировать сам» и заканчивает словами «Да здравствует имя Габдуллы Тукая до тех пор, пока земной шар не сгорит в огне Солнца!».

Чыгтай вел довольно активную творческую деятельность. В архивах имеются тексты еще не опубликованные на кириллице. Также ждут пристального изучения и публикации в современной татарской графике неизданный из-за царской цензуры роман «Үрмәкүч» («Паук») (Ф.Баширов, прочитавший рукопись романа, писал, что в нем описано “столкновение нравственных норм с жадностью, толкающей людей на совершение бесчеловечных поступков”) [1, 45], опубликованный в журнале «Анг» («Сознание», 1914 г.) психологический рассказ «Ул» («Он»), в журнале «Сююмбике» 1915 – рассказ «Фатыйма һәм аның тәкәммеле» («Фатима и ее созревание»), драма «Ачлык корбаннары» («Жертвы

голода», 1926), многочисленные публицистические статьи, рецензии (например, на «Татарку» Ф.Амирхана, на «Горе нации» М.Гафури). Его книга «Мин нидән динсезләндем» («Как я перестал верить», 1924), публицистические статьи «Жоръәннең килеп чыгуы» («Как появился Коран», 1925), «Минем динсезлегем тарихы» («История моего безбожия», 1927) отражают сложную внутреннюю борьбу в душе автора.

В 1969 году в Центр письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова Академии наук Татарстана была передана сохранившаяся часть личного архива Чыгтая. Среди этих материалов есть достаточно объемный труд «Галинең алтмыш еллык истәлеге» («Шестидесятилетние воспоминания Гали»). Данная книга является, во-первых, основным источником изучения его биографии, во-вторых, исполняет роль ценного документа в деле изучения истории татарского народа. К сожалению, такого рода автобиографических трудов татарских писателей мало, среди них, «Исемдә калганнар» («Оставшееся в памяти») Г. Тукая, воспоминания М. Укмаси, З. Ярмяки, З. Башири и др. (некоторые представлены лишь в виде рукописи). В воспоминаниях Чыгтай повествует о том, что происходило в его жизни на протяжении шестидесяти лет в медресе родной деревни Чатран, Куюк, Кизляу, в городах Чистополь, Бузулук, Казань, выражает свое отношение к судьбе татарского народа, событиям общественной жизни, литературной среде. События он описывает, исходя из своего видения, оценивает их по-своему. Оценки, данные некоторым личностям, могут не иметь подтвержденных фактов из других источников. И все же воспоминания Чыгтая очень важны для современного читателя. В книге отражены различные мнения по поводу деятельности татарской интеллигенции, писателей, журналистов.

Большая часть материалов фонда Чыгтая в ЦПиМН ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова состоит из рукописей – это статьи, публицистические заметки, письма, произведения. Наряду с такими достаточно объемными произведениями как «Моя сестра», «Исабэт», у него есть небольшие рассказы «Сабир хэзрэт», «Лектор Фэрхетдин», по-прежнему, пребывающие в рукописном виде, которые раскрыли духовный мир писателя, его стихотворения «Хэят» («Жизнь»), «Бушлык» («Пустота»), «Хэйдэргэ» («Хайдару») в той или иной степени отразили философию той эпохи. Также перу Чыгтая принадлежат пьесы, например, «Романтическая комедия» (1941). В фонде немало писем, например, в письме, адресованному редактору газеты «Нур» («Луч») Г.Баязитову, знакомый со всеми ее номерами, Чыгтай высказал свои мысли по поводу улучшения качества: «Хочу сказать несколько слов, возможно, не очень приятных для вас, но, на мой взгляд, совершенно правильных. Вы понимаете всю значимость своей газеты? В наше время татары хорошо осведомлены об общем положении. Известия, размещенные в вашей газете, большинство читает повторно». Имея в виду не только редактора, а, в целом, общенародные запросы и пожелания, он советует: «Если ваша газета будет выходить на чисто татарском языке, будет привлекать внимание людей, причастных к положению татар, она, безусловно, будет жить».

В целом, фонд рукописей Г.Чыгтая, каждый его документ, каждая статья являются новым источником в освещении культуры татарского народа. В будущем предстоит текстологическая обработка рукописного и публицистического наследия писателя.

Список литературы

1. Бәширов Ф.К. XX йөз башы татар прозасы. – Казан: Фикер, 2002. – Б.112-115.
2. Галиәсгар Гафуров-Чыгътай. Сайланма әсәрләр. – Казан: “Ихлас”, 2013, 528 б.
3. Галиәсгар Гафуров-Чыгътай. Галинең 60 еллык истәлеге. Казан: “Слово”, 2017. – 288 б.
4. Гыйззәтуллин Н. Чыгътай (Галиәсгар Гафуров Чыгътай) // Татар әдипләре, мәгърифәтчеләре (XX йөз башы): Биобиблиографик сүзлек. – Казан, 2005. – Б. 222-223.
5. Рамеев З.З., Гарипова Л.Ш., Гафуров Г.-Чыгътайның ижат мирасыннан / Тюркский мир и исламская цивилизация: проблемы языка, литературы, истории и религии: IX Международная тюркологическая конференция (Россия, Республика Татарстан, г. Елабуга, 13-14 апреля 2018 г. – Казань: Изд-во Казан. Ун-та, 2018. – С. 194-197.
6. Тутам // Татар мәгърифәтчелек әдәбияты / Төзүчесе, сүз башы һәм биографик белешмәләре язучы М.Х.Гайнуллин. – Казан, 1979. Б.353-388.

10.02.01 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК*10.02.01***О.А. Астафьева канд. филол. наук, Т.А. Колоскова канд. филол. наук,
А.В. Блохин канд. филол. наук,**

ГОУ ВО МО «Государственный Гуманитарно-технологический университет (ГГТУ)»,
филологический факультет,
кафедра русского языка и литературы,
Орехово-Зуево, olga.astafeva.71@mail.ru; koloskova_tak@mail.ru; avb6767@mail.ru

**СЕМАНТИКА ГЛАГОЛА В РЕМАРОЧНОМ ПОВЕСТВОВАНИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПЬЕСЫ А.П. ЧЕХОВА «ВИШНЕВЫЙ САД»)**

Данная статья посвящена структурно-семантическому анализу ремарочных повествовательных текстов в пьесе А. П. Чехова «Вишневый сад». В работе рассматриваются особенности семантики глаголов, функционирующих в ремарочных повествованиях пьесы. Авторами делается вывод о том, что в ремарках пьесы преобладают глаголы со значением конкретного действия и движения, затем следуют глаголы со значением чувства и восприятия, речи и мысли и совсем не используются глаголы постоянного состояния.

Ключевые слова: *ремарка, повествование, глагол; семантика; функции, А. П. Чехов, пьеса «Вишневый сад».*

Ремарка – важный элемент любого драматургического произведения, поскольку она содержит необходимые замечания автора, которые даются в тексте обычно в скобках. В ремарке автор указывает на поступки героев, их жесты, мимику, интонацию, на психологический смысл их высказываний, на темп речи и паузы, на обстановку действия.

Ремарку также рассматривают как образную характеристику свершающегося в настоящий момент действия, как характеристику персонажей, событий, романтических ситуаций и обстановки. Сам ремарочный текст представляет повествование, а повествование относится к типу речи, в котором сообщается о развивающихся событиях, действиях, состояниях. Языковая структура повествования, представляющего собой сообщение «о развивающихся действиях или состояниях предмета» (2, с. 145), определяется динамичностью этого типа монологической речи. Основным лексическим средством выражения значения динамичности явлений в повествовательном контексте являются глаголы определенных семантических групп, классификация которых производится нами в денотативном аспекте, учитывающем «естественное, онтологическое расчленение... действий, процессов, состояний, отраженное в структуре языка» (3, с. 39).

На основании анализа структурного наполнения ремарочного повествования в тексте пьесы А.П. Чехова «Вишневый сад» мы выявили 511 глаголов: соответственно 152 глагола в первом действии, 89 глаголов во втором действии, также 152 глагола в третьем и 118 глаголов в четвертом действии. Отмечаем, что в ремарочном повествовании данной пьесы, а именно в хронологически последовательном, зримом контексте (2, с. 102) использованы глаголы следующих семантических групп: 199 глаголов со значением конкретного действия (*тушит, роняет, бросает, отдает, подает, грозит, пудрится, замахивается* и т.п.), 143 глагола со значением движения (*входит, уходит, идет, вбегает, убегает, семенит, танцует, танцуют* и т.п.), 111 - чувства и восприятия (*слушают, смотрит, бросается на шею,*), 43 глагола речи и мысли (*говорит, шепчет, напевает, читает, прочел, бормочет*), 15 глаголов временного состояния (*молчит, плачет, смеется, зевает. боится заплакать, испугался, вздрагивает*) и др. Как видим, количественные характеристики свидетельствуют о

том, что в ремарочном повествовании данной пьесы А.П. Чехова преобладают глаголы, обозначающие конкретное действие, затем следуют глаголы со значением движения, далее - глаголы со значением чувства и восприятия, а также глаголы речи и мысли, затем глаголы состояния. Рассмотрим примеры.

«Входит Епиходов с букетом; он в пиджаке и в ярко вычищенных сапогах, которые сильно скрипят; войдя, он роняет букет». (1 действие)

Перед нами ремарка, построенная в форме сложного предложения из четырех частей, связанных между собой бессоюзной и подчинительной связью. Обратим внимание на семантику глагольных форм: начинается ремарочный текст с глагола движения (*входит*). Под глаголами движения, вслед за О.С. Ахмановой, В.Ф. Гаком, Л. Теньером и др., понимаются любые лексемы, обозначающие изменение субъекта в пространстве. [8] В соответствии со «Словарем русского языка» С.И. Ожегова значение у глагола «входить» трактуется так: «Вступить, проникнуть внутрь». [5, с.77] Именно семантические значения глагола движения (*входит*) и глаголов конкретного действия (*скрипят*, *роняет*) показывают последовательные действия героя (Епиходова) на сцене, «оживляют» повествовательный текст.

Следующая ремарка *«Яша. (Оглядывается и обнимает ее; она вскрикивает и роняет блюдечко. Яша быстро уходит»* из 1-го действия состоит из двух самостоятельных предложений: первое предложение сложное, бессоюзное, из двух частей, первая из которых представляет неполное предложение, вторая же – это двусоставное предложение. В них динамику последовательных действий передают глаголы с семантическим значением конкретного действия (*оглядывается*, *обнимает*, *роняет*) и движения (*уходит*).

В ремарочном повествовании *«Пищик. (Берет пилюли, высыпает их себе на ладонь, дует на них, кладет в рот и запивает квасом)»* последовательность и динамичность действий Пищика, одного из героев пьесы, обозначена глаголами, называющими конкретные физические действия героя (*берет*, *высыпает*, *дует*, *кладет*, *запивает*), все эти глаголы несовершенного вида.

В составе повествовательного контекста могут взаимодействовать глаголы состояния, мысли и речи (*сидят*, *задумались*, *бормочет*, *раздается*), которые помогают автору показать действия сразу нескольких героев, а также помогают создать контраст, антитезу: состояние тишины и неожиданности, резкости звука: *«Все сидят, задумались. Тишина. Слышно только, как тихо бормочет Фирс. Вдруг раздается отдаленный звук, точно с неба, звук лопнувшей струны, замирающий, печальный»*. Именно такие детали входят в систему новаторского мастерства А.П. Чехова - драматурга.

Стремительные, противоречивые действия Пети Трофимова (*уходит – возвращается*) в трех ремарочных повествованиях *«Идет быстро в зал, схватив себя за голову; Уходит, но тотчас же возвращается; Уходит в переднюю»* выражают глаголы движения (*идет*, *уходит*, *возвращается*, *уходит*), они подчеркивают состояние беспомощности, взволнованности, страдания, переживания героя, его неприятие слов Любви Андреевны, его ощущение ужасного стеснения

В состав последнего ремарочного повествования третьего действия пьесы «Вишневый сад» входят глаголы со значением состояния (*сидит*, *сжалась*, *плачет*), глагол восприятия (*играет музыка*), глаголы движения (*входят*, *подходит*), глаголы конкретного действия (*становится на колени*, *остается*).

(4 действие)

В ремарке четвертого действия пьесы особое чувство пустоты, трагичности, тоски, расставания, прощания выражается семантикой глаголов временного состояния (*чувствуется пустота*, *стоит*, *ждет*, *прощаться*), конкретного действия (*держит*, *увязывает*) и движения (*пришли*): *«Декорация первого акта. Нет ни занавесей на окнах, на картинах, осталось немного мебели, которая сложена в один угол, точно для продажи. Чувствуется пустота. Около выходной двери и в глубине сцены сложены чемоданы, дорожные узлы и т.п. налево дверь открыта, оттуда слышны голоса Вари и Ани. Лопахин*

стоит, ждет. Яша держит поднос со стаканчиками, налитыми шампанским. В передней Епиходов увязывает ящик. За сценой в глубине гул. Это пришли прощаться мужики. Голос Гаева: «Спасибо, братцы, спасибо вам».

По ходу последнего акта пьесы автор дает короткие ремарочные повествования, в которых использует глаголы конкретного действия (ставит, выбрасывает, вынимает) и один глагол движения (входит): «Яша осторожно ставит поднос на стул»; «Трофимов в пальто входит со двора» «Варя (выбрасывает на сцену пару резиновых калош); «Лопахин вынимает бумажник».

Среди других ремарок повествование «Слышно, как вдали стучат топором по дереву» очень важно, поскольку в нем имеется глагол со значением звука (стучат); ремарка эта не случайна, в ней намек на второй план пьесы, на «подводное течение». [6, с. 6]

Последнее ремарочное повествование «Вишневого сада» состоит из двух самостоятельных предложений: «Слышится отдаленный звук, точно с неба, звук лопнувшей струны, замирающий, печальный. Наступает тишина, и только слышно, как далеко в саду топором стучат по дереву». Последовательность действий показывают глагол со значением восприятия (слышится), глагол движения (наступает) и глагол со значением звука (стучат). Важные детали ремарки (звук лопнувшей струны – тишина – стук топора по дереву) указывают на «подводное течение», на присутствие «за внешне-бытовыми эпизодами деталями непрерывного внутреннего интимно-лирического потока». [6, с. 6]

В ремарочном повествовании пьесы отсутствуют глаголы – характеристики, обозначающие постоянное состояние субъекта (беспокоится, любит, читает, надеется, ненавидит, тревожится и т.д.).

Таким образом, в ремарочном повествовании пьесы А.П. Чехова «Вишневый сад» преобладают прежде всего глаголы, семантика которых связана с указанием на конкретное действие героев, обозначающее их поступки, с указанием на передвижение по сцене, глаголы со значением чувства и восприятия героев, глаголы речи и мысли, а также глаголы, характеризующие «непостоянное состояние субъекта».

Список литературы

1. Астафьева О.А., Колоскова Т.А. Аспекты структурно-функциональных особенностей односоставных предложений (на материале рассказа А.П. Чехова «Ионыч») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016, № 4, Ч. 1. С. 55-60, ISSN 1997-2911.
2. Голуб И.Б. Стилистика русского языка и культура речи: Учебник для академического бакалавриата / И.Б. Голуб, С.Н. Стародубец. - Люберцы: Юрайт, 2016. - 455 с.
3. Васильев Л.М. Семантика русского глагола. – М., Высшая школа, 1981. – 184 с.
4. Нечаева О.А. Функционально-смысловые типы речи (Описание, повествование, рассуждение). – Улан-Удэ. – 1974.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1987. - 750 с.
6. Чехов А.П. Вишневый сад. Анализ текста. Основное содержание. Сочинения – М., Дрофа, 2001. – с.1-10 (Электронный адрес- https://a4format.ru/pdf_files, дата обращения-16.01.2019 г.)
7. Чехов А.П. Избранные сочинения. М: Художественная литература, 1986. - 671 с.
8. Ярема Е.В. Функционально-семантические особенности глаголов движения: на материале русского, английского и французского языков: диссертация... кандидата филологических наук: 10.02.19. – Армавир, 2008. – 181 с. РГБ ОД.

10.02.01

Г.М. Лисина

Казанский государственный медицинский университет,
кафедра русского и татарского языков,
Казань, sistercarry1980@yandex.ru

АРГОТИЗМЫ ЗАИМСТВОВАННОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена изучению и описанию иноязычных арготизмов в русском языке смысловой парадигмы «наркотические и психотропные вещества». На материале текстов песен музыкального жанра трэп-рэп, разнообразных современных художественных и публицистических текстов, толковых, этимологических, иностранных словарей, многолетних эмпирических данных осуществлено выявление и описание причин появления и особенностей номинации слов иноязычного происхождения данной лексико-тематической группы на современном этапе.

Ключевые слова: *арго, заимствования в русском языке, лексико-семантическая группа, общеуголовные арготизмы.*

Процесс пополнения синонимического ряда неологизмами иноязычного происхождения, расширение номинаций затрагивает сегодня многие социальные области, в том числе арготизмы как форму социолингвистического пространства. В качестве одной из характерных особенностей современной языковой ситуации учеными отмечается внутренняя миграция пластов национального языка в литературный. Жаргонизация речи, переход арготизмов в общенародный язык сегодня стали заметным явлением. В нашей работе мы рассматриваем особенности тематической группы заимствованного общеуголовного арготизмов семантического поля «наркотики». Прикладной характер исследования имеет важность не только для лингвистики, но и криминалистики.

Материалом исследования является арготическая лексика различных словарей (русского арготизмов, переводных, этимологических, толковых), текстов песен жанра трэп-рэп, из которых произведены выборка, а также результаты анализа устной разновидности общеуголовных арготизмов (эмпирические данные многолетних практических наблюдений авторов), возникших в разное время в результате заимствований из других языков (1, 3, 4, 5).

В последнее десятилетие XX века и по настоящее время в Российской Федерации произошли значительные социальные изменения. Одним из негативных проявлений, которые долгое время замалчивались в СССР, стало обозначение такого страшного порока, как наркотизация населения страны. Это явление затронуло все социальные слои и сферы и нашло отражение в языковых процессах.

Список наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, обнаруживаемых в незаконном владении и обороте, непрерывно пополняется. Этот процесс происходит настолько быстро, что государство не всегда успевает придать наркотическому веществу статус официально запрещенного, поскольку этот процесс предполагает длительное исследование состава вещества. Такое наркотическое средство имеет даже неофициальное название – «легалка» (то есть еще легальное, еще не попавшее в список запрещенных наркотических средств).

На этом фоне в последние 30 лет появилось много новых названий наркотических средств и психотропных веществ, а вслед за этим и арготизмов, несущих в себе конспиративную и опознавательную функции – засекречивание противоправных деяний и консолидация внутри закрытого преступного сообщества.

Оценивая быстроту и подвижность процесса появления новых наркотических средств, а вслед за этим и общеуголовных арготизмов, и в то же время учитывая выработанную М.А. Грачевым методику определения принадлежности слова к арготизму, в частности: «наличие в семантике слова указания на явно арготическую сферу употребления; частотность словоупотребления; признание слова носителями арготизма как своей лексемы; непонимание слова другими социальными группами населения» (Грачев словарь с.17), мы взяли на себя смелость в качестве источника проанализировать популярные в настоящее время в молодежной среде тексты песен музыкального жанра трэп-рэп, в которых находит отражение функционирование рассматриваемых лексем. Данный жанр родился в США и уходит корнями в поздние 1990-е. Для него характерен агрессивный текст и звук. Само слово *трэп* переводится как «ловушка» и является американским сленговым термином, обозначающим место, где продаются наркотики. Это музыкальное направление в последние годы начало очень активно развиваться в России и на постсоветском пространстве и, как и в американском трэпе, изобилует арготизмами семантического поля «наркотики».

Для исключения сомнений, имеют ли данные арготизмы отношение к общеуголовному арготизму, следует пояснить, что нами выбраны тексты только тех российских исполнителей, которые были привлечены к уголовной ответственности по статьям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, и имели реальные сроки. Это такие популярные исполнители, как Паша Техник (Павел Ивлев), Yung Trappa (Владислав Ширяев), участники группы Рыночные Отношения, Kizaru (Олег Нечипоренко).

Особенно изобилует подобной лексикой треки Янга Трэппы. Например, в припеве его песни «Dore»: «У меня есть крэк, мет, фен, героин, лизергин, кокаин, куш, анаша и смоук».

Или в первом куплете трека Shot Down того же автора: «У меня есть блоу-блоу, У меня есть джа-джа, У меня есть ко-ко, У меня есть ганджа!».

В текстах остальных авторов также огромное количество арготизмов, отражающих наркоманическое мировоззрение. Например, в треке «Как всегда», «Всем нормальным пацанам» группы «Рыночные отношения», в треке «Тектоник», «Тубик» Паши Техника и т.д. (6)

Кроме того, произведен анализ словарей общеуголовного арготизма и сверка методического издания (памятки) МВД Республики Татарстан, призванной просветить сотрудников полиции, рассказать о наиболее часто встречающихся наркотических средствах, психотропных веществах, об их официальных и неофициальных названиях.

Характерной чертой данной лексико-тематической группы является то, что многие понятия здесь имеет несколько названий, т.е. отмечается избыточность номинации:

Драггс, доуп, допинг, стафф – (англ.) - наркотик;

«Джуси»-блант, джуси, блант, джо, джоинт – (англ.) название самокрутки в сигарной бумаге; *роллить (бланты)* – крутить самокрутки;

Кексик, блоу-блоу, ко-ко, кока-кола, кокер, крэк – (англ.) – кокаин, *кокос* – (португ.), *марафет* (ар.-тур.) - кокаин.

Ганджубас, ганджа, джа-джа, мэри, сплифф - (англ.) - марихуанна, *гидропон, гидра, хайдро* – (др.-греч.) - гидропоника, марихуанна.

Гарсон – (франц.) – гашиш, *гаш, гашик* – (англ.) - гашиш (смола каннабиса), *киф* – (араб.) - гашиш.

Спайс, смоук – (англ.) - курительная смесь, курительные миксы.

Сканк, куш, план – (англ.) - сорта психотропной конопли, *анаша* – (узб.) - вид дикой конопли.

Пиллсы, пейнкиллер, таблы – (англ.) наркосодержащие таблетки, *гута* – (фр.) - наркотик, вводимый путем инъекции, наркосодержащие таблетки, *занни* – (англ.) - наркотический препарат Ксанакс, *кадиллак* – (англ.) - кодеинсодержащие препараты.

Мет – (англ.) метамфетамин, *спиды, фен* – (англ.) амфетамин.

Гербалайф, эйч – (англ.) - героин.

Коктейль Джеф – (англ.) – эфедрон, *эфенди* – (перс.) – эфедрон.

Кукнар – (туркм.) - коконар, *карахан* – (общетюрк.) - опий и экстракт маковой соломы.

В данную группу включены также лексемы, называющие состояния эйфории, возникающие после употребления наркотических и психотропных веществ: *глюк*, *глюква* – (нем.) - галлюцинация от действия наркотиков, *заякшитъ* – (общетюрк.), *кайф* – (араб.) - состояние блаженства. Кроме того, мы включили следующие постоянно встречающиеся арготизмы: *пэк* – (англ.) - упаковка, в которую фасуют наркотики, *килос* – (англ.) - мера веса наркотического средства. Также в состав тематической группы входят арготизмы, номинирующие постоянных участников процесса наркотизации – *джанк* – (англ.) наркоман, употребляющий опиаты, *драгдилер* – (англ.) - наркоторговец.

Как известно, наркомания в нашей стране имеет достаточно долгую историю и уходит корнями в 19 век, когда после завоевания Кавказа и Средней Азии Российская империя стала граничить с производителями опиума Турцией, территорией современного Ирана, Афганистаном, Китайским Туркестаном и с районами Средней Азии. Однако первый крупный этап наркотизации страны появился только в начале XX века после русско-японской войны (1904-1905 гг.) и Первой русской революции (1905-1907 гг.). Этот этап длился около 10-15 лет и стал заканчиваться после введения определенных мер, дававших милиции Советской республики широкие полномочия по борьбе с наркомафией. Таким образом, наркомания до начала 1980 гг. в России была на достаточно низком уровне.

«Стимулирующим фактором эскалации наркотизма в Советском Союзе стало участие ограниченного контингента советских войск в боевых действиях в Республике Афганистан (1979–1989 гг.)» (В.А. Жбанков, А.В. Табаков с.13).

Кроме того, «наркоситуация коренным образом изменилась в 90-х годах прошлого столетия – с начала кардинальных преобразований в экономике (народном хозяйстве), социальной и политической жизни советского общества, приведших к системной дезинтеграции (распаду СССР), смене общественно-политического строя в союзных республиках, переосмыслении общественной идеологии и переоценке ценностей и, как следствие, изменению формата отношений России со странами ближнего и дальнего зарубежья» (В.А. Жбанков, А.В. Табаков с.15).

Падение «железного занавеса», «открытие» границ и либерализация (а лучше сказать – абсолютная бесконтрольность) внешнеэкономической деятельности стали криминогенными детерминантами для преступности, связанной с незаконным трансграничным товарооборотом, в том числе с наркоконтрабандой. В страну в больших объемах стали поступать так долго сдерживаемые наркотики зарубежного производства – кокаин, героин, синтетические галлюциногены, психостимуляторы и психодепрессанты» (там же с.15).

До 1990-х гг. чаще возникают арготизмы, генеалогия которых восходит к странам и республикам, с которыми территория современной России имела те или иные точки соприкосновения: Средняя Азия (Узбекистан, Киргизия, Таджикистан и Туркмения), Казахстан, Афганистан, откуда в этот период чаще всего поставлялись опиаты (героин, морфин, кодеин), а также конопля (марихуана, гашиш) и т.д.

Все это нашло отражение в общеуголовном арготе: нами выявлено 8 подобных арготизмов. Из них общетюркские: *карахан*, *заякшитъ*, узбекский: *анаиша*, туркменский – *кукнар*, арабские, арабо-турецкие – *марафет*, *киф*, *кайф*, *эфенди* (3).

Как уже было сказано выше, после 1990-х гг., которые совпадают с периодом прекращения существования СССР, стали открыты границы для ввоза в страну различных наркотических средств, бурными темпами стали развиваться синтетические наркотики, вместе с тем появилось множество неформальных молодежных групп, которые подражали молодежным течениям Запада (панки, байкеры, рокеры, растаманы, хиппи и т.д.), в том числе в употреблении наркотических и психотропных веществ.

В связи со столь стремительно нарастающей наркотизацией в конце 1996 года в Российской Федерации было принято ряд существенных изменений законодательства, направленных на преодоление этой ситуации. Были внесены изменения в «Сводную таблицу

заключений постоянного комитета по контролю наркотиков об отнесении к небольшим, крупным и особо крупным размерам количеств наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, обнаруженных в незаконном хранении или обороте».

Для большинства граждан, употребляющих наркотики, отмена или снижение минимальных количеств, которые они могли бы хранить, приобретать, изготавливать у себя, автоматически перевело всю эту деятельность из молодежной субкультуры в уголовное русло.

Ужесточение борьбы с наркотиками, хлынувшими в страну после 1990 гг., знакомство с новыми, пришедшими с Запада субкультурами и контркультурами, появление новых видов синтетических наркотиков в мире, все это стало стимулом для возникновения целого пласта арготизмов. Данная тематическая группа представлена гетерогенным по этимологии пластом: нами выявлено 55 арготизмов, из которых 49 пришли из английского языка и 6 арготизмов, из других языков (по 1 из испанского, португальского, греческого, немецкого, 2 из французского). Лингвистическое изучение данного пласта лексики важно не только с точки зрения контактологии, но имеет большое значение для криминалистики и юридической практики.

Список литературы

1. *Грачев М.А.* Словарь тысячелетнего русского арго: 27000 слов и выражений. – М.: Рипол Классик, 2003. – 1120 с.
2. *Жбанков В.А., Табаков А.В.* Транснациональная организованная наркопреступность и наркоконтрабанда как ее составляющая: современное состояние и основные тренды / В.А. Жбанков, А.В. Табаков. – М.: РИО Российской таможенной академии, 2017. - 180 с.
3. *Зугумов З.М.* Русскоязычный жаргон. Историко-этимологический, толковый словарь преступного мира / З.М. Зугумов. – М.: Книжный мир, 2015. – 728 с.
4. *Памятка сотрудникам органов внутренних дел.* – Казань: МВД по РТ, 2003. – 40 с.
5. *Торн Т.* Словарь современного англоязычного сленга. – М.: АСТ Астрель, 2010. – 479 с.
6. *Треки исполнителей трэп-рэпа: Паша Техник (Павел Ивлев), Yung Trappa (Владислав Ширяев), группы Рыночные Отношения, Kizaru (Олег Нечипоренко).*

10.02.01

¹А.Ф. Сагитова канд. филол. наук, ¹Г.Г. Фефелова канд. педагог. наук,
¹А.К. Сулейманова д-р филол. наук, ²Р.Х. Хайруллина д-р филол. наук

¹Уфимский государственный нефтяной технический университет,
кафедра русского языка и литературы,
Уфа, e-mail: raf-82@mail.ru,
²БГПУ им. М. Акмуллы,
кафедра русского языка и литературы

О МЕХАНИЗМАХ КОДИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО СМЫСЛА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЮМОРИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ)

В статье авторами рассматриваются механизмы кодирования культурного смысла на материале юмористических текстов. Главное внимание уделено метафоре как одному из способов кодирования в языке. Авторы считают, что метафора играет важную роль в создании целостного образа мира и хранении и передаче культурной информации.

Ключевые слова: язык, культура, код, кодирование, культурные смыслы, метафора, юмористический текст.

В настоящее время проблему исследования культурных смыслов в языке связывают с именами Н. Д. Арутюновой, Э. Бенвенистом, А. Вежбицкой, В. В. Воробьева, В. А. Масловой, Ю. С. Степанова, В. Н. Телии, В. М. Шаклеина, В. В. Красных, И. А. Стернина и др.

Рассматриваемая проблема, с точки зрения психолингвистики, опирается на понятие смыслового восприятия, который представляет собой сложный когнитивный механизм. Процесс осмысления любой информации в сознании коммуниканта включает в себя реконструкцию содержания, чтобы понять смысл сообщения и проанализировать его.

Исследование механизмов кодирования культурных смыслов в языке предполагает прежде всего понимание сущности терминов код, код культуры, культурный смысл.

Под кодом культуры В.В. Колесов рассматривает макросистему характеристик объектов окружающего мира, которые объединены общим категориальным свойством. Он представляет собой часть понятийной сетки, при помощи которой носитель языка категоризирует, структурирует и оценивает окружающий его мир [3, с. 100]. При переносе характеристик из одного кода в другой в языке возникает метафора или метонимия.

При помощи кодов происходит понимание значения слова и извлечение смысла [4]. Коды культуры создают систему координат, формирующую эталоны культуры. Они универсальны, однако метафоры, в которых они реализуются, имеют национальную специфику и обусловлены определенной культурой.

По мнению Н.Ф. Алефиренко, мышление в процессе общения все больше становится вербальным, обретает языковые формы и, позже, подчиняется им. После словесного обозначения предмет становится денотативным элементом языкового сознания и включается в процессы языкового мышления. Он связывает языковое мышление с ценностно-смысловыми отношениями, которые возникают в особых ситуациях. Создается «особое смысловое пространство, в котором формируются собственно человеческие связи, оценки и формы регулирования и мотивации поступков и жизненного поведения» (Алефиренко, 2003). На этой стадии происходит вторичная семиотизация, когда в смысловой структуре знака перемещаются кодовые элементы, происходит «погашение предметно-практических смыслов и порождение смыслов, возникающих в системе жизненно значимых отношений человека и среды его обитания» [1].

Когнитивные механизмы происходят в несколько этапов: сначала возникают образы, после их появления – выработка понятий. Все метафоры в языке (в основе которых всегда находится некий образ) можно оформить в виде ограниченного количества категорий. Метафора наряду с метонимией являются одним из способов актуализации тех или иных признаков в языке.

Культурный код необходим в том случае, когда происходит переход от мира сигналов к миру смысла. Сигналы – это мир отдельных единиц, рассчитываемых в битах информации, а смыслы – это те значащие формы, которые организуют связь человека с миром идей, образов и ценностей данной культуры. Таким образом, в языках культуры код – это то, что позволяет понять правила формирования ряда конкретных сообщений, их смысл.

В данной работе особый интерес представляет метафора как один из способов кодирования культурных смыслов.

В современном социуме в большинстве случаев восприятие мира проецируется через метафору. В юмористической художественной литературе авторы использовали метафору для усиления комического эффекта. Изображая реальность, авторы латентно переходили к схемам, которыми человек мыслит. Метафора в тексте играет роль замещения, тем самым раскрывая наше мнение о предмете. Благодаря метафоре авторы в своих произведениях отражают новое представление об описываемых предметах и явлениях, отражая систему культурно-национальных ценностей. В семантической двойственности метафоры заключается основной смысл данного изобразительного средства. Ключевой подтекст содержится в переносном значении и отражает языковую картину мира человека. Юмористическая метафора помогает воспринимать реципиенту внутренний смысл тропа, который не содержит новых знаний, а опирается на опыт, полученный ранее из различных пластов национального корпуса языка.

Основой образования метафоры в юмористических текстах М. Задорнова является перенос на неживой предмет признака живого лица. Например, в рассказе «Молчать! Я дом покупаю» [2, с. 60]. используется экспрессивная метафора, содержащая в себе олицетворение «Из-под брюк видны съеденные туфлями носки, а между носками и брюками светится полоска незагорелых северных крепких ног». В данном отрывке автор при помощи изобразительно-выразительных средств дает описание главному герою и выражает при этом свое отношение к нему и эпохе (речь идет о начале 90-х годов) в целом. Роль метафоры в создании художественного образа подчеркивает менталитет народа [5]. Перестройка в стране нашла свое отражение и в речи народа, и в поступках, и во внешнем виде. Сатирик фразой «съеденные туфлями носки» ярко охарактеризовал переходный период России от советской эпохи к эпохе будущего. Мы видим человека, за плечами которого полный рюкзак денег и в тоже время, находясь за границей, он не соответствует имиджу обеспеченного человека. Его выдает внешний вид, подчеркнутый автором всего лишь одной деталью при помощи метафоры. В своих текстах М. Задорнов использует развернутые метафоры, что усиливает комический эффект: «светится полоска незагорелых ... ног». Кроме этого автор использует контаминацию: «По щекам и животу можно было сделать вывод, что часть свалившихся на голову денег он откладывал, а другую часть честно пытался проест, вкладывая, как говорят в таких случаях, в самое надежное – в себя» [2, с. 61]. В данном примере мы наблюдаем эвфемизм «по щекам и животу можно было сделать вывод...», где автор не говорит напрямую, что герои очень толстые и их щеки лоснятся, а при помощи метафоры подводит читателя к этой мысли. Фразеологизм «свалившихся на голову денег» показывает каким образом разбогател герой, М. Задорнов раскрывает уровень эпохи, в котором заключается культурный код, при помощи которого воссоздается целостный образ некой прослойки общества. Непроизвольные ассоциации вызывают смех: герой *честно пытался проест*, но нет упоминания, что он их честно заработал и вложение *в самое надежное* в сознании реципиента ассоциируется с банками и финансовыми операциями, а в тексте «*в себя*», что обусловлено авторской интенцией.

«Двое детей – тоже подобные им фигурки, такие рюкзаки на крепких ножках, которыми они уверенно цеплялись за землю, как корнями» [2, с. 61] в данном примере мы видим наложение тропов, усиливающих юмористический оттенок в сознании реципиента. Автор использует сравнение «подобные им фигурки, цеплялись ... как корнями» культурный опыт читателя помогает ему понять закодированную информацию при помощи базовых метафор «рюкзачки на крепких ножках» в сознании дана информация содержит перенос на живое лицо признаков неживого предмета: толстых детей, подобных своим родителям, автор сравнил с рюкзаками. Также использованы суффиксальные форманты с уменьшительно-ласкательным значением в лексемах «фигурки, рюкзаки» для дополнительной юмористической характеристики. В данном тексте лексема «рюкзачок» является многозначной: «приехал с семьей и ... рюкзаком» [2, с. 61]. Она используется в прямом значении с фамильярной коннотацией и характеризуется эмоциональной окрашенностью, а при описании детей автор сравнивает их с рюкзаками, выражая тем самым эмоционально-ценностное отношение к происходящему, где рюкзак является символом для основного смысла. Благодаря этому текст становится экспрессивным, в сознании реципиента вербализуются образы: «Дом задрожал, сбрасывая с себя капли утренней росы. Жена заулыбалась, дети всхлинули...» [2, с. 62]. В данном метафорическом контексте автор использует образное описание действительности с поэтическим оттенком, наблюдается семантическое столкновение, что в данной ситуации является комическим. Также мы видим наложение тропов: к метафоре добавляется антитеза «жена заулыбалась, дети всхлинули». Автор иронизирует над своим героем, дом задрожал не только от удара, дрожь должны были испытать все от вида главного героя, от его целей, тем самым автор пытается подчеркнуть социальную реальность.

Выборочный анализ некоторых метафор позволил раскрыть ее ключевую роль в юмористическом тексте. Устоявшееся в сознании понимание некоего предмета переходит в другую плоскость, что позволяет автору выйти за рамки условного. Метафоры по природе многозначны и позволяют на известные вещи взглянуть с новой стороны. Являясь культурным кодом, метафора эмоционально воздействует на человека и благодаря этому создается новый образ видения мира, который пытался передать автор, также она способствует пониманию имплицитной информации, содержащейся в тексте.

Список литературы

1. Алевиренко Н.Ф. Проблемы вербализации концепта: Теоретическое исследование. – Волгоград: Перемена. 2003. – 96 с.
2. Задорнов М.Н. Вдруг откуда ни возьмись: проза. – М.: Эксмо, 2005. 448 с.
3. Колесов В.В., Пименова М.В. Языковые основы русской ментальности. – М.: Флинта, 2016. – 136 с.
4. Сагитова А.Ф. Культурные коды и их реализация в языке/Международный научно-исследовательский журнал, 2013. – № 3 – 2 (10). – С. 24 – 26.
5. Фефелова Г.Г., Сагитова А.Ф., Сулейманова А.К., Фаткуллина Ф.Г. Лексемы «смех» и «улыбка» как проявление комического в языковом сознании // Казанская наука. Казань: Изд-во Казанский издательский Дом, 2019. – № 2. – С. 64 – 66.

10.02.01

Р.Р. Шамсутдинова

ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»,
Москва, RRSamsutdinova@pushkin.institute

СТРУКТУРООБРАЗУЮЩИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ВОЗВРАТНОГО МЕСТОИМЕНИЯ СЕБЯ

В статье рассматривается специфика функционирования возвратного местоимения себя с точки зрения его употребления в качестве свободной единицы (лексемы), зависимого слова в словосочетании и компонента фразеологических оборотов. Отмечаются случаи вовлечения указанного местоимения в транспозиционные процессы. Активное употребление данной единицы связывается с её эгоцентрической природой.

Ключевые слова: местоимения, эгоцентризм, явления переходности, структурообразующие возможности языковых единиц, фразеология.

Местоимение *себя*, относимое к разряду возвратных местоимений, обнаруживает значительное количество вариантов употребления – как в собственно рефлексивных конструкциях (см. [7, с. 186-203]), так и в разного рода устойчивых сочетаниях, нередко подверженных транспозиционным процессам. Подобное разнообразие может быть обусловлено эгоцентрической природой данного местоимения, его тесной связью с фигурой говорящего, что проявляется не столько через соотношение с семантическим субъектом высказывания (ср. *Я кусаю щеку; молчу, стараясь не выдать себя* (Д. Глуховский, *Будущее*) / *Он даже себя стал как-то особенно уважать* (А. Цыпкин, *Дом до свиданий*)), сколько через реализацию его субъективного потенциала – наполнение конкретным содержанием в речевой ситуации [5, с. 89], что возможно благодаря характерному для местоимений прономинальному способу отображения действительности [10, с. 13]. Так или иначе в разных контекстах *себя* может быть названо своего рода субъективной точкой отсчета, что и отражается на его способности выступать в качестве стержневого или же зависимого элемента различных конструкций.

Так, стоит отметить следующие контексты, где *себя* играет роль зависимого компонента, акцентируя, по мысли С.В. Сухова, значение замкнутости действия в сфере его субъекта [11, с. 34]: *Мамонты топаят себе и топаят, надо лишь менять головных местами, чтобы отдыхали от прокладывания тропы* (О. Дивов, *Родина слонов*). *Две тысячи лет торговал себе душами и горя не знал, а потом раз – и прогорел!* (Д. Глуховский, *Будущее*). В подобных контекстах *себе* квалифицируется как частица: данное функционирование является результатом партикуляризации – переходом лексемы в класс частиц, что, как и переход в служебные слова в целом, свойственно для местоимений в силу их абстрактной семантики [1, с. 190]. Эгоцентрическая составляющая единицы способствует переходу в частицы: последние обнаруживают тесную связь с говорящим [6, с. 29]. Как отмечает Н.Ю. Шведова, схожие контексты являются отражением «человекоцентризма» – экспансии в область иных смыслов языкового смысла *кто* [13, с. 41]. Эгоцентризм в подобных случаях, проявление говорящего может быть сопряжен и с актуализацией отрицательно-оценочной семы: *... с жизнью все как-то справляются! Живут себе сто двадцать миллиардов и в ус не дуют!* (Д. Глуховский, *Будущее*).

Местоимение *себя*, как правило, выступает в качестве семантического «дублера» своего antecedента, который чаще всего является грамматическим или семантическим субъектом предложения: *Я тебя только любила. Не губи себя и мальчиков, они вон смелые оказались* (А. Цыпкин, *Дом до свиданий*). *У дедушки веские основания не жалеть себя и не знать страха.* (О. Дивов, *Родина слонов*). *Мне хочется ударить себя. Хочется разбить себе свою*

тупую башку (Д. Глуховский, Будущее). В подобных контекстах *себя*, будучи внешним объектом, заполняет правую валентность единицы, играющей роль предиката: *Удивительно, я всегда думал, что самое сложное будет смотреть на себя в зеркало и видеть, что уже не двадцать* (А. Цыпкин, Дом до свиданий). *Ты сам выкинул свое право выбора в помойку и теперь бесишься. Злишься на других, потому что зол на себя* (О. Дивов, Родина слонов). *Это потому что папа добрый и ему ради друга себя не жалко* (О. Дивов, Родина слонов). *Душе работа нужна. А вера – это работа. Над собой работа постоянная* (Д. Глуховский, Будущее). Непредельность данного местоимения, способность означать любое лицо делают *себя* в роли внешнего объекта универсальной проекцией субъекта предиктируемого признака. По мысли И.Е. Шуваловой, «используя возвратное местоимение, говорящий обнаруживает свое присутствие в высказывании, отделяя себя от субъекта действия» [14, с. 128].

В позиции объекта важно отметить разную степень «реальности» *себя* как проекции: ср. *Она смешно хлопает себя ладошкой по лбу* (Д. Глуховский, Будущее) / *На нем совсем лица не было, он так себя винил за это.* (О. Дивов, Родина слонов), где в первом случае описывается физическое действие, а во втором психическое, ментальное. *Себя* как объект мыслительной, сложной психической деятельности [12, с. 78] в сочетании с глаголом неодинаково влияет на его значение: ср. *Те, кто говорят, что спешат, убеждают себя, что им есть куда спешить, а я не обманываю* (А. Цыпкин, Дом до свиданий) / *Мальчишка ждал вакансии на серьезном корабле, а там уж рассчитывал проявить себя, пойти в рост по службе* (О. Дивов, Родина слонов). В последнем примере *проявить себя* является устойчивым сочетанием, которое при трансформации исходного глагольного значения получает новое – «обнаружить свои возможности, способности» [2, с. 1039], замыкая на субъекте действие и – внимание говорящего. *Себя* является значимым компонентом большого числа глагольных фразеологизмов, для которых характерно это же свойство: *Митя, веди себя тихо, дяде не мешай, слушай книжку* (А. Цыпкин, Дом до свиданий). *Большинство даже не отдает себе отчета в том, что лифт куда-то движется* (Д. Глуховский, Будущее). *Плохо я о людях думаю – по себе сужу...* (А. Цыпкин, Дом до свиданий). *Хватит строить из себя институтку! У тебя дедушка был пиратом!* (О. Дивов, Родина слонов).

Присутствие говорящего, обозначенное возвратным местоимением, отмечается и в неглагольных фразеологических сочетаниях (*так себе, ничего себе, не по себе, вне себя, сам по себе, само собой, весь из себя* и др.), вовлеченных в такие транспозиционные процессы, как адъективация, адвербиализация, предикативация, партикуляризация. Выражение состояния или признака данными единицами сопровождается оценочностью: *себя* как субъектная проекция выступает в таких случаях в качестве аксиологической точки отсчета, нормы.

Разные оттенки состояния передают фразеологические обороты *не по себе* и *не в себе*, где, функционируя в позиции предиката односоставного и двусоставного предложений соответственно, первая единица уподобляется ядерному слову категории состояния, а вторая – периферийному [4, с. 7]: *Мир распахивается сразу во все стороны, я превращаюсь в блоху, мне не по себе, если я смотрю куда-либо дальше, чем на три метра вперед* (Д. Глуховский, Будущее). *Раньше вербовщики были американцами. Теперь появились новые люди. Немцы. Джонни просто вне себя* (О. Дивов, Родина слонов). Учитывая «проекционный» характер возвратного элемента, прозрачными становятся представления о нарушении целостности личности, лежащие в основе семантики данных единиц.

Схожее представление о выходе за пределы, границы личности содержится в обороте *весь из себя*, где первый местоименный компонент с семантикой всеохватности подчеркивает значение чрезмерности – преодоления нормы. Указанный оборот чаще используется для оценки характеристики лица или предмета, уподобляясь прилагательному: *... любого русского с души воротит от войны, а ты хоть и коренной чукча, и весь из себя Умки, но в первую голову – Иван...* (О. Дивов, Родина слонов).

Семантика оценки свойственна и оборотам *так себе* и *ничего себе*, обнаруживающим схожие с предыдущей единицей частеречные характеристики, где возвратный компонент подчеркивает субъективность оценки предмета говорящим как чего-либо незначительного в первом случае и относительно положительного во втором: *Знаешь, это же просто ее волос. Так себе символ.* (Д. Глуховский, *Будущее*). *Ого! Ничего себе масочка!* (Д. Глуховский, *Будущее*). Последний оборот – равно как и его аналог *ничего* – подвержен партикуляризации, преобразуясь в экспрессивно-усилительную частицу [3, с. 9]: – *А у нас тут с подвигами не очень. Не любим мы их. И профессии совсем не геройские. – Ничего себе не геройские, – буркнула Валентина из маминых объятий, где было так уютно, что хоть на всю жизнь оставайся* (О. Дивов, *Родина слонов*).

Случаи адвербиализации связаны с оборотами *сам по себе* и *само собой*: *Тут выводили свою породу – компактную, подвижную, быструю умом и забавно мохнатую, с уникальной «чукотской шерстью», которая давно стала торговой маркой сама по себе* (О. Дивов, *Родина слонов*). *Увы, само собой ничего не происходит, – вздыхает Шрейер* (Д. Глуховский, *Будущее*). Первый компонент указанных единиц «вносит эмфазу, маркируя один из компонентов предложения как центр эмпатии говорящего» [7, с. 185], тем самым подкрепляя субъектную проекцию *себя*.

Уподобляются наречиям и предложно-падежные конструкции *про себя* и *при себе*, из которых первая демонстрирует большую семантическую трансформацию: ср. *Не удивлюсь, если ты на самом деле рассказываешь про себя* (Д. Глуховский, *Будущее*) / «*И еще он нервничает, ему трудно решиться*», – отметил Умка *про себя* (О. Дивов, *Родина слонов*). Второй оборот также фиксируется в словарях как самостоятельная единица [8, с. 323], однако обнаруживает большую прозрачность внутренней формы, сохраняя пространственную семантику предложного компонента: *Выбросить ничего из этого я не имею права, спрятать тоже: обязан иметь все при себе на случай срочного вызова* (Д. Глуховский, *Будущее*). Пространственно-временные значения активно реализуются посредством использования предложно-падежных конструкций с возвратным *себя*, где последнее становится для говорящего субъектным ориентиром: *Какой трудовик?! Он спросит, зачем клей, или с нами пойдет. Да и вообще не факт, что он у себя* (А. Цыпкин, *Дом до свиданий*). – *Да погоди ты, – директор выставил перед собой ладони* (О. Дивов, *Родина слонов*). *Начали периодически встречаться, беседовать о садоводстве. Обычно у меня, но тут позвала к себе* (А. Цыпкин, *Дом до свиданий*). *Пока я смотрел внутрь себя, все было более или менее, но стоило мне выглянуть наружу, как на меня наваливается паника* (Д. Глуховский, *Будущее*). *Суетятся роботы, прирастают и убывают горы отходов, гудят саркофаги, перемалывая на атомы все лишнее, что оставляет после себя человечество* (Д. Глуховский, *Будущее*). Синтаксическая функция лексемы в подобных употреблениях и семантическая спаянность конструкции свидетельствуют о близости данных единиц наречиям (см. [8, с. 379], где *у себя* трактуется как наречие).

Максимальной семантической «плотностью» возвратное местоимение *себя* отличается в контекстах, подобных следующим: *Знаешь, как бывает? Увидишь сон про себя маленького. Поддашься ему, соберешься и поедешь. Возвращаешься взрослым человеком в дом, где провел детство, а там давно чужие люди* (Д. Глуховский, *Будущее*). *Затем Петя Омрын, мудрый не только на работе, устроил Ивану ветеринарную психотерапию, взломал проблему, и оказалось, что парень убил предыдущего себя, недолюбленного сына* (О. Дивов, *Родина слонов*). *Что, если я сейчас предложу ей другого себя? Ян. Ян Нахтигаль Два Тэ. Безродный. Бессмертный* (Д. Глуховский, *Будущее*). Функционирование *себя* в обычно не свойственных местоимениям атрибутивных отношениях [9, с. 35] говорит об актуализации в семантической структуре данного местоимения субстантивной, предметной семы и его вовлечении в процесс субстантивации. Формирование местоимением подобных конструкций позволяет таким образом субъектной проекции «материализоваться», однозначно закрепляясь за конкретным денотатом.

Итак, возвратное местоимение *себя* активно проявляет себя в качестве свободной единицы (лексемы), функционируя в составе предложно-падежных конструкций, способных к трансформации значения и обособлению в виде отдельно оформленной лексемы, на уровне словосочетания, где *себя* как внешний объект, прежде всего, реализует идею проекции субъекта, и на уровне устойчивого сочетания – фразеологизма, где эгоцентрическая природа *себя* позволяет считать его субъективной точкой отсчета как опорой говорящему для выражения собственной мысли, семантическую основу которой формируют другие компоненты.

Список литературы

1. *Бабайцева В.В.* Явления переходности в грамматике русского языка: Моногр. – М.: Дрофа, 2000. – 640 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
3. *Высоцкая И.В.* Морфологический статус и синтаксические функции слова «НИЧЕГО»: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 1993. – 16 с.
4. *Милованова М.С.* Язык и мир: лексический фонд категории состояния в современном русском языке // Русский язык за рубежом. – 2018. – №3. – С. 4-10.
5. *Милованова М.С., Шамсутдинова Р.Р.* Субъективный потенциал местоимений и их функционирование в современном русском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2018. – №5. – С. 88-101.
6. *Николаева Т.М.* Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). – М., 1985. – 169 с.
7. *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). – М., 1985. – 273 с.
8. *Рогожникова Р.П.* Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову. – М., 2003. – 416 с.
9. *Селиверстова О.Н.* Местоимения в языке и речи. – М., 1988. – 151 с.
10. *Сидоренко Е.Н.* Очерки по теории местоимений современного русского языка. – К.; Одесса: Лыбидь, 1990. – 148 с.
11. *Сухов С.В.* Глагольные конструкции с частицей «себе» в русском языке и проблема среднего залога: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 2017. – 181 с.
12. *Чепасова А.М.* Конструкция глагол + возвратное местоимение в современном русском языке. – Челябинск, 2016. – 193 с.
13. *Шведова Н.Ю.* Местоимение и смысл: Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. – М., 1998. – 176 с.
14. *Шувалова И.Е.* Семантика русских местоимений. – Курск, 2007. – 143 с.

10.02.01

Д.Д. Юсупова канд. филол. наукРоссийский государственный гидрометеорологический университет,
yudeliya@mail.ru**КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
КОНЦЕПТА *ХОЛОД* В РОМАНЕ А. БЕЛОГО «ПЕТЕРБУРГ»**

*Целью данной статьи является выявление списка и взаимоотношений языковых единиц, репрезентирующих концепт *холод* в романе А. Белого «Петербург». Единицы различных уровней речевой структуры текста: фонетические, морфологические, синтаксические, лексические – участвуют в актуализации семантики в качестве текстовых доминант. Лексико-грамматические свойства текстовой доминанты определяют ее разновидности, среди которых важнейшими являются грамматические и лексические доминанты. Исследование текстов одного автора проясняет, насколько когнитивная доминанта является составляющей его идиостиля, его модели мира.*

Ключевые слова: *научная парадигма, концепт, языковая картина мира, когнитивная доминанта, средства актуализации.*

Любая наука, в том числе и лингвистика, время от времени испытывает необходимость в переоценке ценностей и пересмотре достигнутых результатов. Поскольку каждое научное наблюдение, гипотеза или открытие происходит в рамках и на фоне определенной системы знаний, в 70-е годы прошлого века, благодаря исследованию американского философа Т. Куна «Структура научных революций», вошло в обиход понятие *научной парадигмы*, под которой понимается система взглядов, определяющая и постановку проблем, и методы их решения. Определяющим фактором для языкознания конца XX века стало вхождение в антропоцентрическую парадигму, в центре же лингвистических исследований оказался человек, его внутренний мир и его поведение. Антропоцентрический взгляд на язык привел к расширению области лингвистических исследований, в рамках которой сформировалась когнитивная лингвистика. В центре этого нового направления в языкознании – та роль, которую играет язык в процессе познания действительности, и основная цель данного подхода – изучить и познающего субъекта (человека), и тот мир, который человек осваивает, и те механизмы, с помощью которых он это делает. Одним из основных понятий когнитивной лингвистики является *концепт*, обладающий сложной, многомерной структурой, включающей кроме понятийной основы социо-психо-культурную часть. Не вдаваясь в пространные комментарии по поводу определений концепта, примем следующее его формулировку, данную Е.С. Кубряковой: «*Концепт – оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания*» [4.90-92].

Второе важное понятие когнитивной лингвистики – *языковая картина мира*, которая понимается как отражение действительности в коллективном сознании, структурированное языком и запечатленное в языке. Когнитивная картина мира и языковая картина мира связаны между собой как первичное и вторичное, как содержание сознания и средство доступа исследователя к этому содержанию. Существует и понятие *художественная картина мира*, которая так же, как и языковая картина мира является вторичной. Она возникает в сознании читателя при восприятии им художественного произведения, воплощается в отборе элементов содержания художественного произведения, в отборе языковых средств, в индивидуальном использовании образных средств и т.д.

Дискуссионным является вопрос о возможности выражения концептов синтаксическими структурами. Общеизвестно, что модель языковой картины мира основана преимущественно на данных лексической системы языка, но игнорировать роль грамматики в процессе познания нельзя, поскольку грамматические единицы и связи хранят когнитивный опыт предшествующих поколений и позволяют носителю языка упорядочить, привести в систему новую информацию. Синтаксические модели закономерно отражают объективную действительность, а это значит, что в процессе речевой деятельности некоторое множество реальных ситуаций обобщается, суммируется и подводится под категорию «типовой ситуации» [2. 121 - 123], которая воплощается в конкретном синтаксическом образце – модели предложения. Возможности синтаксиса помогают понять нам, что представляет собой ситуация и **как** ее увидеть. По мнению известного немецкого лингвиста Й.Л. Вайсгербера, «схемы предложений во многом заранее определяют тот способ, которым формируется мысль»; поэтому он их называет «действенными составными частями языка как культурного достояния» [1. 76]. В сфере же теории текста двумя важнейшими сферами доминирующего направления функционализма являются коммуникативный и когнитивный подходы. Если первый ставит акцент на рассмотрение текста как ядра коммуникативного акта, то для второго существенно, что в тексте выражено знание говорящего и реципиента о действительности (картина мира), что и обеспечивает реконструкцию (когнитивных) механизмов порождения и понимания текста [3.24], позволяет получить представление о когнитивной синтаксической доминанте текста. Исследование текстов одного автора проясняет, насколько когнитивная доминанта является составляющей его идиостиля, его модели мира, поэтому выявление когнитивных доминант синтаксических структур нескольких авторов может служить основанием для обнаружения общего текстообразующего принципа синтаксической организации художественных текстов. Понятие доминанты стало одним из наиболее плодотворных понятий и в филологической науке, что подтверждается его активным использованием в литературоведении, лингвистике текста и в психолингвистике. Р. Якобсон отмечал: «Доминанту можно определить как фокусирующий компонент художественного произведения, она управляет, определяет и трансформирует отдельные компоненты. Доминанта обеспечивает интегрированность структуры» (6. с. 59). Хотя доминанта понимается как явление многостороннее, связанное с разными сторонами организации текста, считаем, что текстовая доминанта обусловлена в первую очередь выдвиганием (актуализацией) на первый план формальных средств. Вследствие этого данное понятие является эффективным инструментом анализа прежде всего формальных средств выражения содержания.

В связи со сказанным, основной задачей нашего исследования является выявление списка и взаимоотношений языковых единиц, репрезентирующих концепт *холод* в романе А. Белого «Петербург». Единицы различных уровней речевой структуры текста: фонетические, морфологические, синтаксические, лексические – участвуют в актуализации семантики в качестве текстовых доминант. Лексико-грамматические свойства текстовой доминанты определяют ее разновидности, среди которых важнейшими являются грамматические и лексические доминанты.

I. Грамматические средства актуализации. Грамматику текста составляют словообразовательные, морфологические и синтаксические единицы и категории, функционирующие в тексте и имеющие в нем определенные текстовые функции. Грамматическими доминантами являются те из них, которые преобладают в тексте, занимают в нем сильные позиции и участвуют в формировании его концептуального семантического пространства. Рассмотрим тексты, в которых обнаруживаются:

1) словообразовательные доминанты, актуализирующие концепт *холод* в романе А. Белого «Петербург»:

Только в одном, хаосом не тронутом месте, – там, где днем перекинулся тяжелокаменный мост, – бриллиантов огромные гнезда протуманились странно там... Мокрая осень летела над Петербургом; и невесело так мерцал сентябрёвский денек...

ежедневно десятую часть нашей родины покрывает **непопыриное крыло облаков...** от Петербурга начинается ветер, на окраине где-нибудь разражается ураган. но багряные листья уже **свеялись...**

2) Морфологические доминанты (средства актуализации). К ним относятся преобладающие в тексте слова одной части речи, а также однотипные грамматические формы, что может быть напрямую связано с концептуальной семантикой литературно-художественного произведения и являться его текстовой доминантой:

Карета пролетела в туман.... Русь, Русь! Видел – тебя он, тебя!

*Это ты разревелась **ветрами, буранами, снегом, дождем, гололедицей...** Воспоминанья о неудачной любви охватили его, хлынувши натиском **холодного ветра...** Дни стояли **туманные, странные; ледяной** ураган уже приближался клоками туч, оловянных и синих; **Изморось** поливала улицы и проспекты, тротуары и крыши; низвергаясь **холодными струйками с жестяных желобов...** **Замороженная** пыль носилась по городу бурями вихрями... **Холодно** было великолепье гостиной от полного отсутствия ковриков: блистали паркеты; ... **Холодно** было гостеприимство гостиной.... Александр Иванович Дудкин почувствовал неудержимое желание **пронизаться** туманом.*

3) Синтаксические доминанты (средства актуализации). Это, во-первых, преобладающие в художественном тексте синтаксические структуры разного рода: простые, осложненные, сложные. Во-вторых, это экспрессивные синтаксические конструкции: повторная номинация, сравнительные конструкции, редуцированные конструкции (неполные, эллиптические, парцеллированные, усеченные, сегментированные):

а) синтаксические структуры, осложненные обращениями.

Петербург, Петербург!

Осаждаясь туманом, и меня ты преследовал праздною мозговою игрой.

О, зеленые, кишащие бактериями воды!

Еще миг, обернули б вы и меня в свою тень.

О, большой, электричеством блестящий мост!

Помню я одно роковое мгновение; чрез твои сырые перила сентябрьской ночью перегнулся и я: миг, – и тело мое пролетело б в туманы.

б) синтаксические структуры, осложненные однородными членами предложения. Как отмечает Б.Ю. Норман «Синтаксическая однородность – важнейшее для когнитивной лингвистики понятие. В нем отражается опыт категоризационной деятельности общества. Человек в своей жизни наблюдает и сопоставляет разные явления, выстраивая их в определенную мысленную классификацию[5.173] С позиций когнитивной лингвистики сочинительная связь тем и привлекательна, что она подтверждает уже сложившиеся в сознании парадигматические и синтагматические отношения между единицами лексического уровня. Проиллюстрируем вышесказанное следующими примерами:

Изморось поливала улицы и проспекты, тротуары и крыши...

...натиском холодных невских ветров срывала она картузы, зонты, плащи и фуражки...

...разревелась ветрами, буранами, снегом, дождем, гололедицей.

И – открылся простор: глубина, зеленоватая муть.

Раскидается холодная свистопляска – по полям, по лесам, по селам, чтоб гудеть, нападать, хохотать, чтоб градом дождем гололедицей искусывать лапы и руки – птиц, зверей, подорожного путника, опрокидывать на него полосатые бревна шлахт-баумов...

в) синтаксические структуры с «именительным представлением», который называет предмет мысли/речи для того, чтобы вызвать представление о нем в сознании собеседника/читателя. Как известно, предикат выполняет в предложении/высказывании организующую функцию, актантам же отводится роль окружения предиката, хотя отрываясь от своих синтаксических моделей, они могут принимать и самостоятельное участие в концептуализации действительности:

Лестница!

Грозная, теневая, сырая, – она отдавала безжалостно его шаркнувший шаг: грозная, теневая, сырая!

Улица!

Как она изменилась: как и ее изменили эти суровые дни!

г) парцеллированные синтаксические конструкции:

Стены – снег, а не стены! Правда, немного холодные...

Холодные удивленные взоры! И – пустые, пустые...

д) параллелизм синтаксических конструкций:

И такие же точно там возвышались дома, и такие же серые проходили там токи людские, и такой же стоял там зелено-желтый туман;

е) повторы как синтаксические текстовые конструкции. Разнообразные внутритекстовые связи составляют совокупность специализированных компонентов, являющихся средствами текстообразования. Все разновидности этого рода связей построены на повторе информации, осуществляемом на разных участках текстового пространства, в различном объеме и различными лексическими средствами. Вследствие этого они могут быть контактными и дистантными, полными и частичными:

Дни стояли туманные, странные: по России на севере проходил мерзлой поступью ядовитый октябрь; а на юге развесил он гнилые туманы.

Дни стояли туманные, странные; ледяной ураган уже приближался клоками туч, оловянных и синих;

Дни стояли туманные, странные: проходил мерзлой поступью ядовитый октябрь; заморозенная пыль носилась по городу бурями вихрями.

...там, оттуда – в ясные дни, издавека-далека, сверкали ослепительно: золотая игла, облака, луч багровый заката; там, оттуда, в туманные дни – никого, ничего.

ж) в тексте предметы, явления, события, так же как и в действительности, взаимосвязаны, неразсторжимы, что репрезентируется не только на содержательном и композиционном уровнях, но и на уровне внетекстовых логико-смысловых связей. Основное средство таких связей – союзы (сочинительные и подчинительные), выполняющие функцию соотнесения текстовых фрагментов и самостоятельных высказываний, фраз:

матово намечался сперва и потом наметился вовсе: грязноватый, черновато-серый Исакий... И ушел обратно в туман. И – открылся простор: глубина, зеленоватая муть.

II. Лексические средства актуализации. Основные лексические категории (синонимия, антонимия паронимия, многозначность), разного рода переносы лексических значений (метонимия, метафора), функционально-текстовые группировки слов, наиболее значимые для формирования концептуальной семантики текста составляют лексические средства актуализации:

а) метонимический перенос *со стола поднялась холодная длинноногая бронза... наливать потоком тяжелого олова стало небо с утра; сентября – нет.*

б) метафорический перенос *И бурлила Нева...и лизала граниты... Нева оттуда бросалась натиском мокрого ветра... проходил мерзлой поступью ядовитый октябрь... мрачные земли уплзают под небо... Раскидается холодная свистопляска...*

в) сравнения *зеленоватым роем там неслись облака;...воспоминанья о неудачной любви охватили его, хлынувши натиском холодного ветра... Зеленоватым роем проносились там облачные клоки;...*

В ходе проделанного анализа мы определили, что текст является комплексной коммуникативной единицей, имеющей набор самостоятельных свойств и признаков. При этом наибольший интерес для нас представлял когнитивный аспект изучения текста. При подготовке материала основное внимание мы обратили на когнитивные принципы, когнитивные механизмы, а также специфические средства, способствующие наиболее полной репрезентации концепта *холод* в романе А. Белого «Петербург».

Список литературы

1. *Вайсгербер Й.Л.* Родной язык и формирование духа. – М.: УРСС, 2004
2. *Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. – М., 2000.
3. *Земская Ю.Н., Качесова И.Ю., Комиссарова Л.М., Панченко Н.В., Чувакин А.А.* Теория текста. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012.
4. Краткий словарь когнитивных терминов // *Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина.* – М., 1996.
5. *Норман Б.Ю.* Когнитивный синтаксис русского языка. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 254с.
6. *Якобсон Р.* Доминанта / пер. И. Чернова // Хрестоматия по теоретическому литературоведению. Т.1. Тарту, 1976.

10.02.01

¹Н.П. Ячина канд. педагог. наук, ²Г.И. Яруллина,
³С.Г. Добротворская д-р педагог. наук, ⁴В.С. Минкин д-р хим. наук

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет,
кафедра методологии обучения и воспитания,
Институт психологии и образования,
Казань, nadegda_777@mail.ru,

²Казанского (Приволжского) федерального университета,
³Казанский (Приволжский) федеральный университет,
кафедра педагогики, Институт психологии и образования,
Казань, sveta_dobro@mail.ru,

⁴Казанский национальный исследовательский технологический университет,
кафедра физики,
Казань, ygus@yandex.ru

РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЧЕЛОВЕКО-ЦЕНТРИРОВАННОМ ОБЩЕСТВЕ

Актуальность данного исследования заключается в том, что язык формирует личность человека, язык – зеркало культуры, в нем отражается реальный мир, окружающий человека, реальные условия его жизни, общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, систему ценностей, мироощущение, видение мира. Целью данного исследования является выяснение роли русского языка и особенностей его развития в условиях глобализации, в человеко-центрированном обществе.

Ключевые слова: *русский язык, русский мир, глобализация, человеко-центрированное общество, развитие.*

В начале XXI в. мы ясно ощущаем, что живем в новом стиле, и конечно, мы не можем не замечать, что на наших глазах скудеет прекрасный, удивительно богатый, яркий и образный русский язык. Безграмотность, бедный словарь, отсутствие логики, грубость, ненормативная лексика, примитивная аргументация - вот характерные черты современной русской речи [2].

Человеко-центрированный подход - особая форма построения межличностных взаимоотношений, целью которого является развитие человека. Межличностные же отношения выстраиваются, когда люди понимают друг друга. Данный подход по своей сути строит и обосновывает мир, в котором уважается суверенность каждого человека. Это мир, для которого характерна компетентность в отношениях – с искренностью, пониманием, ответственностью и уважением, в котором конструктивно и компетентно разрешаются конфликты и находятся наиболее оптимальные совместные и индивидуальные решения в самых разнообразных областях человеческой жизнедеятельности [5].

В настоящее время появляются новые понятия, такие как «новая грамотность»:

- цифровая грамотность/цифровая гигиена;

- способность к сотрудничеству и совместной работе;

- кросскультурная компетентность. Быстро и неузнаваемо изменяется общество, изменяется роль человека в обществе и роль русского языка. В современную эпоху глобализации прослеживается взаимопроникновение языков, в первую очередь, влияние английского языка на другие языки, развитие диалектов эмигрантов, влияние высоких технологий на язык.

В условиях современности, перейдя в III тысячелетие, наука о языке, по сути, будто возвращается к своим истокам, так как более глубокого и точного определения языка и его места в современном мире со времени Евангелия от Иоанна так и не было дано.

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все через него начало быть, и без него ничего не начало быть, что начало быть. В нем была жизнь, и жизнь была свет человеков». Современному человеку необходимо ценить и бережно относиться к Слову.

Еще В. Фон Гумбельд сказал о том, что мы во многом видим мир таким, каким нам его преподносит наш язык. Не «языковленное» не попадает в поле сознания человека, а неосознанное не существует для личности. Даже библейский Адам начал обживать окружающий мир с того, что дает имена окружающим предметам. Поэтому, изучая язык, мы познаем себя и мир. Так, согласно А.А. Потебне, такое изучение значимо тем, что изменяет самого изучающего, оно делает его духовной личностью [4].

Язык - это не только структура и система, обеспечивающая нужды коммуникации. Язык – это основа индивидуальной и национальной идентичности. В современном Российском обществе русский язык играет огромную роль, он является языком официальным и национальным, он язык межнационального общения. при этом не менее важно значение русского языка и во всем мире: он становится интернациональным языком общения (русский язык - один из шести рабочих и официальных языков ООН).

Русский язык характеризуется богатой историей, и, хотя его много раз пытались ассимилировать чужеземцы, однако, как и весь русский народ, он сумел сохранить свою силу, могущество и самостоятельность.

Он очень многогранен и легко может передать чувства, которые появляются в человеческой душе, желания и мысли людей.

В человеко-центрированном обществе интерес к изучению русского языка возрастает. Человек, в примерно равной степени владеющий несколькими языками, обладает для самого себя незаметно приобретенной способностью любое событие оценивать с различных точек зрения. Это способствует развитию толерантности и стимулирует творческий поиск к решению различных задач – качества, необходимые для жизни в современном обществе. Согласно оценкам 2014-2015 гг. в мире русский язык остается родным для 171 млн. человек, а всего им владеет около 260 млн. человек. В соответствии с высказыванием известного лексикографа Владимира Ивановича Даля русский язык выступает в качестве одного из средств, с помощью которого человек определяет свою принадлежность к русскому народу: «Кто на каком языке думает, тот к тому народу и принадлежит» [3].

В настоящее время русский язык переживает определенный кризис: он насыщается ненормативной лексикой, многочисленными жаргонами и американизмами. Довольно часто можно встретить случаи, когда искаженный язык активно пропагандируется в средствах массовой информации, а также некоторыми высокопоставленными людьми, которые могут допускать в своей речи много ошибок, не придавая этому факту никакого значения, хотя значение языка в обществе очень значимо и он имеет очень сильное воздействие.

Современная лингвистика не только изучает язык с точки зрения его структуры, но также интересуется тем, как язык функционирует, т.е. используется говорящими в разных ситуациях общения. Поэтому наука изучает так называемые разновидности языка, которые выделяются с несколькими языковыми функциями – задачами языка. Основные языковые функции – коммуникативная (собственно общение, социальная координация), познавательная (передача знаний, устойчивых представлений о мире), экспрессивно-эстетическая (воздействие на собеседника через чувство прекрасного, передача представлений о гармонии и выразительности объектов мира), экспрессивно-эмоциональная (передача чувств и эмоций, субъективных оценок).

Перечисленные функции не могут быть реализованы языком вне связи с распространением духовных ценностей, т.е. объективных приоритетов жизни, признаваемых всеми говорящими на данном языке [1].

Нужно отметить, что в довольно сложном положении русский язык оказался на во времена постсоветского пространства, хотя он до сих пор здесь выступает в роли языка межнационального общения. Однако русский язык в ряде стран СНГ продолжает

использоваться финансовой и банковской системах, в деловых кругах, в некоторых госструктурах. При этом большая часть населения этих стран (примерно 70%) еще достаточно хорошо им владеет. Так, в Казахстане согласно его Конституции государственным языком является казахский, но законодательно статус русского языка был официально повышен в 1995 году. Русский язык может "официально употребляться наравне с казахским в государственных организациях и органах самоуправления".

Профессор Есназарова У.А. считает, что знание русского языка – это окно в науку. Поэтому только в Алматы из 201 школ – 65 с русским языком обучения [6].

Поэтому от современных людей зависит будущее нашего русского языка. От отношения к нему зависит то, сохранит ли он статус одного из самых сильных и насыщенных мировых языков или станет исчезающим.

Список литературы

1. *Алексеев А.В.* Русский язык и литература: учебник/под ред. Канд. Филолог. Наук, А.В. Алексеева. – М. :ИНФРА-М, 2019. – С.8
2. *Вербицкая Л.А.* Язык и общество. Роль языка в жизни общества / <http://sevcb.ru/main/wp-content/uploads/2015/12/215.pdf>
3. *Мельников П.И.* Воспоминания о В.И. Дале //Русский вестник. 1873, №3.- С.340
4. *Радбиль Т.Б.* Основы изучения языкового менталитета. Электронная библиотека МГУ С.6.
5. Российское Общество Человеко-Центрированного Подхода (RCPCHA) <https://www.b17.ru/community/635/>
6. *Ячина Н.П.* Исследование роли русского языка на постсоветском образовательном пространстве. Инновации и традиции в современном образовании, психологии и педагогике: сборник статей Международной научно-практической конференции (10 октября 2017 г., г. Оренбург). Уфа Омега-Сайнс 2017. - С.238.

10.02.04 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ*10.02.04***К.Н. Антонова канд. филол. наук**

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
гуманитарный факультет, кафедра английского языка № 2,
Санкт-Петербург, ksana-a@mail.ru

**КОГНИТИВНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ИНТЕРМЕДИАЛЬНОГО ДИСКУРСА
АНГЛИЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

В работе представлены результаты лингвоконцептологического анализа концепта faith, являющегося когнитивной детерминантой интермедиального дискурса, актуализирующейся в тексте поэмы Дж.Чосера, Кентерберийского собора и английской художественной миниатюры.

Ключевые слова: *интермедиальный дискурс, концепт, образный компонент концепта, цветообозначения.*

Целью данной работы является проанализировать концепты, которые можно было бы отнести к разряду детерминирующих языковую картину мира английского средневековья, на основе анализа произведений английской литературы рассматриваемого периода, обнаруживающих признаки интермедиального взаимодействия разных видов искусств.

Под интермедиальностью мы понимаем взаимодействие вербального дискурса с невербальными знаковыми системами, которое проявляется внутри художественного произведения двояко: в образовании «особых типов структурных взаимосвязей языков различных видов искусства в системе единого художественного целого» [4, с. 4] и в «наличии в художественном произведении таких образных структур, которые заключают информацию о другом виде искусства» [5, с. 101], с образованием поликодового сообщения или без него.

Под концептом мы будем понимать вслед за В.И. Карасиком и И.В. Кононовой «многомерное смысловое образование [1, с. 91], в котором выделяются образная, ассоциативная, понятийная, ценностная, этимологическая и историческая составляющие [2, с. 55]»

Текст рассматривается нами как речевой продукт функционирования вербальной и невербальной семиотических систем, имеющий двоякий характер: ориентирован не только на узус, но и на отражение картины мира автора.

В качестве материала исследования было выбрано поэтическое произведения XIV века «Кентерберийские рассказы» Дж. Чосера (Geoffrey Chaucer, 1340-1400) – произведение, являющееся излюбленным объектом рассмотрения литературоведов, привлекавшее также внимание лингвокогнитивистов, но не рассматривавшееся в контексте интермедиального дискурса. Выявление вербально-визуальных интермедиальных связей, возникающих при актуализации концепта faith в поэме, составляет новизну исследования.

Методика описания концептов, отраженных в памятниках древности и Средневековья, находится еще в стадии разработки. Вместе с тем, задача описания концептов в диахронии является чрезвычайно важной, так как современная лингвоконцептология накопила определенную информацию в синхроническом аспекте об отдельных концептах и способах их объективации в различных языках и культурах, диахронический же пласт структуры концепта лишь намечен и нуждается в серьезной разработке.

Необходимость изучения концептов, зафиксированных в средневековых текстах, определяется самой сущностью концепта, являющегося исторически изменчивым образованием. Как отметил Ю. С. Степанов, структура концепта включает три основных слоя: этимологический (внутренняя форма), пассивный (исторический) и активный (актуальные признаки). Каждый из слоев формируется у концепта в соответствии с изменением культурно-исторического окружения и сменяет один другой [3, с. 44].

В Средневековье преобладала религиозная картина мира, когнитивной детерминантой которой можно считать концепт *faith* (*вера*).

В процессе анализа языкового материала были выявлены языковые репрезентанты исследуемого концепта.

Языковыми репрезентантами концепта «*faith*» являются лексемы *faith* (n.), *belief* (n.), *bileve* (v.), *trust* (n, v.). Общность компонента значения позволяет рассматривать эти лексемы в качестве образующих ядро концепта. Общее количество номинаций в поэме составляет 112, при чем *faith* (52), *belief* (0), *bileve* (4), *trust* (56).

По данным этимологического словаря, лексема *faith* (n.) – с начала 14 века трактуется как «*assent of the mind to the truth of a statement for which there is incomplete evidence, especially belief in religious matters*» [7]. С середины 14 века эта лексема используется применительно к христианской церкви или религии, а с конца 14 века применительно к религиозным убеждениям.

Лексема *belief* (n.) до 1530-х годов употребляется в значении «*conviction of the truth of a proposition or alleged fact without knowledge*». Также иногда эта лексема может обозначать «*the absolute conviction or certainty which accompanies knowledge*» [7].

Belief означало «*trust in God*», в то время как *faith* означало «*loyalty to a person based on promise or duty*». Но, начиная с 14 века *faith* приобретает религиозный смысл, а *belief* к 16 веку стало ограничено «*mental acceptance of something as true*» [7].

Лексема *trust* (n,v.) с 1300 воспринимается как «*reliability, trustworthiness; trustiness, fidelity, faithfulness*», а с конца 14 века как «*confident expectation*» и «*that on which one relies*». С начала 15 века в юридических текстах *trust* приобретает значение «*confidence placed in a one who holds or enjoys the use of property entrusted to him by its legal owner*», а с середины 15 века означает «*condition of being legally entrusted*» [7].

В результате компонентного анализа сформирована периферия концепта.

В соответствии с христианскими догматами в рамках преобладающей религиозной картины мира вера подразумевает веру в Бога. Лексема *God* встречается в поэме Чосера в количестве 857 номинаций.

Оппозиция «грех-добродетель» является основополагающей для христианства. Лексема «грех» встречается в тексте поэмы в двух формах *synne* (427), *sin* (11). "moral wrongdoing, injury, mischief, enmity, feud, guilt, crime, offense against God, misdeed," Лексема «добродетель» *virtue* (30) - "moral life and conduct; a particular moral excellence," представлена в тексте поэмы семью главными добродетелями: *justice* (10 номинаций), *temperance* (2), *fortitude*, представленная лексемой *strenght* (28 номинаций), *hope* (78 номинаций), *charity* (10 номинаций).

Образный компонент концепта реализуется через создание «визуального поля» поэмы Чосера, которому, несомненно, способствовал образ Кентерберийского собора.

Лексема *cathedral* в тексте поэмы не представлена, так как она вошла в язык в 15 веке. Языковыми репрезентантами в поэме являются лексемы *church* (*chirche*) (48 номинаций) и *Saunterbury* (6 номинаций).

Изменения, происходящие в Средние века в английской культуре, находят свое закономерное отражение в текстовой репрезентации как вербального (тексты поэтических произведений), так и невербального (архитектурного, живописного) дискурса.

Образный компонент концепта *faith*, актуализированный в мегатексте средневекового собора, представлен в разных семиотических системах в рамках интермедиального дискурса.

Неслучайно Й.Хейзинга в своей работе «Осень Средневековья» основной чертой Средневековья называет яркость и пестроту, вынося эти эпитеты в заглавие одной из первых глав своей книги [6, с. 19].

Литературные тексты английского Средневековья, произведения изобразительного искусства, в особенности художественная миниатюра (книжная и витражная) и архитектуры демонстрируют черты «карнавальной» пестроты, которая сопровождала реализм эпохи готики.

Книжная миниатюра 14 в. использовалась в украшении страниц, заглавных букв и в иллюстрациях к легендам о короле Артуре и рыцарях Круглого стола, к научным трактатам и в том числе к поэмам Чосера, создавая, таким образом, прообраз поликодового образования.

В стилистике готического собора на смену приглушенности фресок приходит витраж, а вместе с ним свет и яркий чистый цвет, а также пересмотр сюжетно-тематического оформления собора в направлении светскости.

Витражи Кентерберийского собора воспроизводили традиционные религиозные сюжеты, исторические события, сцены труда, литературные сюжеты. Подобным разнообразием сюжетов и персонажей отличалась и поэма Чосера.

Сочетание цветового и светового начала сообщало витражным композициям особую эмоциональность. Цветовую палитру составляли алые, желтые, зеленые, голубые тона, а с середины 13 века – сложные цвета, которые образуются путем дублирования стекол.

Иллюстрации готических рукописей отличаются чистотой и яркостью красок, в украшение страницы включаются реалистические детали: растительный орнамент, религиозные и бытовые сцены.

Цвет является основным интегративным признаком интермедиального дискурса английского Средневековья. Цветовая палитра собора и книжной миниатюры отражена в цветовой гамме поэмы: золото, желтый пурпур, алый синий, голубой и смешанные цвета коричневый и зеленый.

В «Кентерберийских рассказах» Чосера языковыми репрезентантами цвета являются лексемы *blue* (2 номинации), *grey* (8 номинаций), *azure* (1 номинация), *gold* (99 номинаций), *yellow* (7), *red* (11), *white* (47), *green* (31), *black* (21). Цветообозначения используются как в прямой номинации, так и в составе художественных сравнений: ...*Of gemmes, set in gold and in azure, a tunic of a light blue, Hire nose tretys, hir eyen greye as glas, Full high upon a car of gold stood he with yellow nails, and bright as any gold; His nose was high, his eyen bright citrine; His lippes red as rose; His shield was all of gold so red.*

В период позднего Средневековья цвет постепенно утрачивает свой символический смысл, изображения и цветовое оформление витражей соборов, художественных миниатюр и текстов литературных произведений стирает грань между реальными и вымышленными персонажами. Свет и цвет, сменившие тьму и страх наказания за грехи, детерминируют концепт *faith*, подготавливают переход от Средневековья к Возрождению, приводят к пересмотру ядерных и периферийных составляющих концепта, делая образную визуальную составляющую концепта определяющей.

Список литературы

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – С. 91.
2. Кононова И.В. Структура лингвокультурного концепта: методы выявления и механизмы семантизации. / И.В. Кононова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С.Пушкина. – 2012. – № 7. – С. 49–60. – С. 55.
3. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001. – С. 44.
4. Тишунина Н.В. Западноевропейский символизм и проблема синтеза искусств: опыт интермедиального анализа. СПб., 1998. – С. 4.
5. Тишунина Н.В. Проблема взаимодействия искусств в литературе западноевропейского символизма//Синтез в русской и мировой художественной культуре. Материалы II научно-практич. конференции, посвященной памяти А. Ф. Лосева. М., 2002. – С. 101.
6. Хейзинга Й. Осень Средневековья. Москва, 1995. – С. 19 [электронный ресурс] URL: www.gumer.info/bibliotekBuks/Culture/Huiz/index.php/ (дата обращения 15.06.2019)
7. *Online Etymology Dictionary (OED)*. [электронный ресурс] URL: <http://www.etymonline.com/> (дата обращения 10.06.2019)
8. *Chaucer G. The Canterbury Tales* [электронный ресурс]. URL: <http://www.librarius.com/> (дата обращения 10.06.2019)

10.02.04

Н.Е. Бажайкин канд. филол. наук

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
имени Н. И. Лобачевского,
Институт международных отношений и мировой истории,
кафедра иностранных языков и лингвокультурологии,
Нижегород, nbashaikin@mail.ru

КОНСТРУИРОВАНИЕ ГЕНДЕРА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ГЕРМАНИИ

В работе представлены результаты изучения механизмов конструирования гендера в современном политическом дискурсе Германии. Данное исследование осуществляется с позиций гендерной лингвистики, позволяющей осветить новые сегменты политического дискурса. Особое внимание уделяется такому способу конструирования гендера, как позиционирование.

Ключевые слова: язык, гендер, конструирование гендера, позиционирование, метагендер, политический дискурс.

На протяжении столетий ведущую роль в политике играли мужчины, участие женщин было сведено к минимуму. Но в последнее время произошли существенные изменения, что можно проследить на примере изменения гендерного состава немецкого бундестага. Если в 1980 г. число женщин-депутатов составляло только 8% от общего числа депутатов, то в 2005 г. - 32%, в 2009 г. - 33%, а в 2013 г. - 36,3%. Правда, в нынешнем бундестаге доля женщин несколько уменьшилась и составляет 31 % [6]. В ноябре 2005 г. впервые в истории Германии пост федерального канцлера заняла женщина, что является ещё одним свидетельством возрастания роли женщин в политической жизни. В настоящее время Ангела Меркель, четыре раз подряд избиравшаяся на этот пост, является одной из самых влиятельных женщин в мире.

В статье предпринята попытка выявить языковые механизмы конструирования гендера в немецком политическом дискурсе. Гендер понимается «как социальный конструкт, в котором аккумулированы представления о...мужественности или женственности, принятые в данном обществе на данном историческом этапе» [4, с. 3-5]. Трактовка гендера как социального конструкта соответствует положениям теории конструирования социальной реальности, согласно которой социальная реальность является одновременно объективной и субъективной. Она отвечает требованиям объективности, так как независима от индивида, но в то же время она субъективна, потому что она создается индивидом [3].

Главным инструментом конструирования социального мира считается язык, который не только фиксирует гендер посредством структур языка, но и (вос)производит его в социальной практике, то есть в процессе когнитивной деятельности «имплицитивно-инференционного характера, в основе которой лежит соотнесение языковых форм/сигналов с гендерными представлениями» [4, с. 99]. Иными словами, язык есть не только отражение реальности, он «не просто транспортное средство, которое перевозит наши мысли», он – «устройство, их формирующее» [5, с. 776], он навязывает модели поведения и оценки этой реальности [1, с. 25].

Особой интригой обладает гендер, как будет показано ниже, в политическом дискурсе, понимаемом как «совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих участников политического дискурса как таковых или формирующих конкретную тематику политической коммуникации» [2, с. 246]. Материалом исследования явился корпус электронных текстов, отражающих политическую деятельность А. Меркель как канцлера ФРГ.

Одним из когнитивных способностей, релевантных для дискурсивного конструирования гендера, является позиционирование. Позиционирование - это обозначение позиций, в которые встраивается адресат сообщения и/или читатель [4, с. 171]. Так, интервьюер может позиционировать собеседника относительно неких фактов, событий и других участников дискурса. Но в то же время самопозиционирование интервьюируемого может отличаться от той позиции, какую ему пытается приписать интервьюер.

Тесно связана с позиционированием инференция, благодаря которой наше сознание способно мгновенно восстановить полную картину на основе фрагментарных сведений. Достижение коммуникативной ситуации происходит на основе знания о мире, понимания того, что имплицитно. Поэтому инференция трактуется исследователями как важнейшее условие при конструировании. Говоря о позиционировании нельзя не упомянуть когнитивную организацию «фигура - фон», позволяющую выделять важное (фигура) из всего сообщения (фон).

Выделяют три типа позиционирования – прямое, полупрямое и косвенное [4, с. 172-173]. Первый тип позиционирования манифестируется прямым обращением, включающим дейксис “Sie”, вокативы “Frau Merkel“, „Frau Bundeskanzlerin“. Ср.: Warum sollten wir Sie wählen, Frau Merkel? [7].

Если употребление обращения «Frau Merkel» является традиционным, позиционирование посредством номинации „Bundeskanzlerin“ получило распространение лишь после того, как впервые канцлером стала женщина. Ср.: Frau Bundeskanzlerin, als Sie... [9]. В приведённых выше примерах указание на пол представляет собой импликацию определенного несоответствия традиционным представлениями о сильном лидере. Вопросы, воспроизводящие оппозицию «маскулинность - фемининность», задаются также в следующем интервью еженедельнику «Цайт». Ср.:

Zeit: Sind Sie im Amt zur Frau geworden?

Merkel: Nein, im Amt sicherlich nicht, ich war ja schon vorher eine Frau [9].

Меркель не уклоняется от ответа, она демонстрирует уверенность, отвечая: «Нет, конечно, не на посту канцлера, я уже была женщиной». Тем самым, она, нивелируя гендер, позиционирует себя как сильного лидера.

Полупрямым называется позиционирование адресата содержанием текста. Такое позиционирование происходит в том случае, когда задаются вопросы о причёске или одежде. Ср.: Frage: In den Jahren vor Ihrer Kanzlerschaft gab es eine endlose Debatte über Ihre Frisur und Ihren Kleidungsstil [7]. Налицо попытка позиционировать немецкого канцлера как женщину, а не как политика-профессионала. Обычно вопросы о причёске и одежде политикам-мужчинам не задаются.

Под косвенным позиционированием понимается тот случай, когда читателю «навязывается» определенная точка зрения на излагаемую информацию. Это происходит опосредовано посредством констатаций, которые в данной культуре воспринимаются как самоочевидные, например, в следующем вопросе посредством референции к международному женскому дню: Was bedeutet Ihnen der Internationale Frauentag? [8]. Вопрос этот был задан не случайно. Интервью с А. Меркель проходило накануне 8 марта. Время проведения интервью и содержание вопроса имели одну цель: осуществить гендерное позиционирование адресата.

Как показал анализ материала, А. Меркель позиционируется в интервью большей частью как женщина. Это характерно для интервью, которые проводились с ней как в начале её карьеры в качестве канцлера, так и в настоящее время. Попытки позиционировать бундесканцлерин как женщину на протяжении многих лет свидетельствует о стремлении нивелировать профессиональную составляющую имиджа этой женщины-политика и (вос)произвести гендерные стереотипы. Однако, несмотря на усилия журналистов осуществить гендерное позиционирование немецкого канцлера, А. Меркель, тем не менее, позиционирует себя метагендерно, то есть видит себя «не только женщиной-политиком, не только канцлером немцев, но и всех немцев». Ср.: Ich bin ja auch nicht allein die

Bundeskanzlerin der Frauen in Deutschland, sondern die Bundeskanzlerin aller Menschen in Deutschland [9].

Самопозиционирование А. Меркель как самостоятельной, сильной личности отменяет в рамках немецкого политического дискурса пропозициональную схему «мужчина – субъект, женщина – объект». Немецкий канцлер обнаруживает прототипические черты политика-профессионала, для которого характерны традиционные признаки доминантной маскулинности (твердость, уверенность, решительность и т.п.). Это позволяет «встроить» немецкого канцлера в один ряд с другими наиболее влиятельными политическими деятелями, которые в основном представлены мужчинами.

Мегагендерное самопозиционирование главы федерального правительства способствует деконструкции гендерных стереотипов и предубеждений в немецком общественном сознании. Вместе с тем оно отрицает перманентное присутствие гендерной составляющей в политическом дискурсе Германии. Анализ различных интервью с А. Меркель показал, что гендер является «плавающим» параметром, проявляющимся с неодинаковой интенсивностью вплоть до полного исчезновения. Это позволяет говорить об интерактивной природе конструирования гендера, оказывающей глубокое воздействие на политический дискурс Германии.

Список литературы

1. Бажайкин Н.Е. Неология и конструирование социальной реальности // Язык, культура и общество в современном мире: Материалы международной научной конференции 28-30 мая 2012 г. Нижний Новгород: НГЛУ, 2012. С.25-26.
2. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: Эдиториал УРСС, 2001. - 226 с.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — М.: Медиум, 1995. - 323 с.
4. Гриценко Е.С. Язык. Гендер. Дискурс: Монография. – Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2005. - 267 с.
5. Спендер Д. Мужчина создал язык // Введение в гендерные исследования. Ч II: Хрестоматия/ Под ред. С.В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ, 2001; Спб.: Алетейя, 2001. – С. 774-783.
6. Frauenanteil im Deutschen Bundestag [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bpb.de/gesellschaft/gender/frauen-in-deutschland/49418/frauenanteil-im-deutschen-bundestag> (дата обращения: 15.06.2019).
7. Interview mit Angela Merkel [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.emma.de/ressorts/artikel/wahlen/interview-mit-angela-merkel/>(дата обращения: 15.06.2019).
8. Ist es schön, eine Frau zu sein? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bild.de/ВТО/news/aktuell/2006/03/08/frauen-merkel/frauen-merkel-interview.html> (дата обращения: 15.06.2019).
9. "Parität erscheint mir logisch" [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bundeskanzlerin.de/bkin-de/aktuelles/-paritaet-erscheint-mir-logisch—1573378> (дата обращения: 15.06.2019).

10.02.04

А.Ю. Воробьева

Московский городской педагогический университет,
институт гуманитарных наук,
кафедра зарубежной филологии,
Москва, Fyzik_na@mail.ru

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ И ЯЗЫКОВЫЕ ФОРМЫ ЕЁ ЭКСПЛИКАЦИИ

В статье, рассматриваются базовые философские понятия оценочного действия, систематизируются языковые способы экспликации оценочных смыслов в английском языке и подтверждается оценочный потенциал словообразовательных морфем.

Ключевые слова: *аксиология, оценочное действие, языковая экспликация оценки.*

Вербальная оценка представляет собой экспликацию ценностных отношений в когнитивной структуре «объект – признак». Оценочное действие осуществляется в преломлении восприятия через призму ценностных ориентиров социума. Эта призма является областью взаимодействия лингвистических и философских понятий и категорий, в ряду которых ценностные отношения являются наиболее значимыми, поскольку именно через ценностное восприятие мира формируются нормы отношений, определяется то, что значимо и первостепенно, что есть добро и что идет во благо. Всё это может являться ключом к объяснению основ мировоззрения, глубинных мотивов поведения (в том числе и речевого) как отдельного индивида, так и целых этносов, существующих в определенных социокультурных условиях. Сформированная система ценностей составляет основу оценки как выражения отношения индивида и/или общества к тому или иному объекту, факту, явлению или событию.

В философии существуют не совпадающие по сущности определения базового понятия науки о ценностях, собственно оценки. Причины таких расхождений кроются в разнообразии направлений и критериев описания в границах аппликативного поля, которое может включать как физические объекты, так и моральные и нравственные принципы существования социума. Но в любом случае философское понятие оценки, как правило, связывается с представлением о ценностях [3: с. 237; 7: с. 68; 10: с. 156; 11: с. 407] и определяется через аксиологические отношения в когнитивном действии мироосмысления [9: с. 631]. Однако, поскольку классификационная система оценок помимо аксиологической включает такие типы как, например, логическая, эпистемическая (гносеологическая), праксиологическая, оценку, определяемую в диапазоне абсолютных оценочных предикатов «хорошо – плохо» следует считать одной из возможных. Значение ценности в этом понимании относится к качеству объекта, которое удовлетворяет требованиям индивида.

Здесь важно провести разграничение между такими характеристиками объекта как свойство, признак и качество. Свойство характеризует сущностные характеристики объекта, в то время как признак его идентифицирует, а качество, определяет характер и область его «пригодности», то есть аппликативный потенциал. По-видимому, свойство и пригодность составляют ту основу, на которой зиждется ценность, приписываемая (присваиваемая) объекту субъектом или социумом, вне которого, сам по себе, объект вообще не может иметь какой-либо ценности. При этом под ценностью понимается сущность, квалифицируемая через оценочный предикат «хорошо» в противопоставлении «плохо», или то, что есть «добро» (как объект интереса, стремления или желания [4: с. 17]) в противопоставлении «злу».

Элементы ситуации оценивания - субъект, объект, предмет и основание оценки, – составляют единый блок сложно организуемых взаимосвязей. Вместе с тем, каждый из элементов представляет собой автономное звено, могущее вступать в отношения взаимодействия с внеположенными данной структуре единицами. В структуру оценочного действия могут входить идеальные и материальные, вербальные и невербальные компоненты. Важно также иметь в виду, что в процессе оценивания субъект может опираться на образы, картины, схемы, формулы, символы [6: с. 28].

Представления о мире индивидуальны, то есть, у разных людей они могут быть разными (соответственно, и оценка одного и того же явления / объекта / действия и т.д. может быть разной). Вместе с тем, эти представления (как и оценки) могут совпадать. Хотя эти совпадения и непредсказуемы [8: с. 20], именно они создают предпосылки и обеспечивают возможность обобщения и типизации воспринимаемого мира. Поскольку диапазон оценочной шкалы ограничен, равно как и основание (или мотивация), оценку можно прогнозировать.

Лингвистический подход к изучению аксиологии как науке об оценочном содержании языковых единиц включается в парадигму исследований области соотношений «язык – мышление». Язык рассматривается как форма опосредованного выражения ценностных ориентиров. Вопрос о том, как формируются оценочные смыслы в языковой актуализации, является ключевым в направлении лингвистических аксиологических исследований на протяжении многих лет.

Язык является ключом к пониманию человеческого сознания и считается основой, способствующей формированию ценностной картины мира индивида и социума. Понимание языка как «зеркала базовой системы ценностей» дополняется пониманием того, что язык не только «обнаруживает», «обнажает» (expose) личность, но и воздействует на её формирование в плане их (ценностей) притяжения или неприятия. Всё это отображается в системе языка, который обладает значительным потенциалом экспликации ценностных / оценочных смыслов. Особенности национально-культурного мировоззрения, основывающегося на системе ценностей социума, закреплены и отражены в языке.

Языковая экспликация оценки представляет собой высказывание о ценности. Оценка, может быть положительной или отрицательной. Если объект не входит в сферу интересов индивида, в логике принято говорить о нулевой оценке [4: с. 17].

Проблема языковой экспликации оценочных значений, как правило, решается с учётом философских постулатов этой категории. Оценивание осуществляется в преломлении действительности к некоторым нормам восприятия и квалификации, существующим как в сознании каждого отдельного индивида, так и в «общественном сознании» и в общественной практике социума [1: с. 5]. В общем смысле нормой является центральная точка отсчета, относительно которой располагается скалярная линия, заключаемая в рамки абсолютных оценочных предикатов «хорошо / плохо». На аксиологической шкале норма не совпадает с центром. Норма относится к положительной оценке, к её началу на шкале [2: с. 231-251].

Значимость оценочного действия определяет факт наличия широкого арсенала языковых форм передачи оценочных (аксиологических) смыслов. В их ряду лексические единицы с исконно оценочным значением (wonderful, excellent, superb, marvelous), слова, приобретающие оценочный смысл в силу контекстуального воздействия, например, в коллокациях (silky skin, golden voice), поговорки (be as dead as a door nail, take something with a grain of salt, be on the seventh heaven), грамматические конструкции (the picture is worth seeing, he is too clever to disregard the situation, we'd rather keep to the regulations). Наименее исследованными в этом плане являются словообразовательные аффиксы (-y, -ish, -ster, -let, under-)

Несмотря на то, что оценочная семантика прослеживается у ряда словообразовательных аффиксов на уровне языковой системы, в актуализации достаточно часто бывает невозможно четко определить их статус в границах абсолютных оценочных предикатов, поскольку они являются контекстуально связанными. Наибольшую сложность составляет определение

аксиологического статуса лексем с диминутивными суффиксами -у, -ie, -ee (*sweetie, sonny*), которые системно являются амбивалентными, и актуализационный характер которых может определяться исключительно контекстуально.

Системные характеристики этих суффиксов сводятся к следующему. Их комбинаторика ограничивается лексико-семантическим группам: «наименование лица» (имена собственные, имена нарицательные и названия имен родства), «мир живой природы» (наименования животных, птиц и растений), «наименования предметов» (существительные обозначающие предметы быта, одежды). Они придают слову эмоциональную окраску, но не меняют его предметно-логического значения.

В первом приближении создается впечатление исключительно позитивного смысла, передаваемого с помощью указанных суффиксов: “*Daddy calls her his ‘Little Kitten’ [Add. Yours. Aug. 15-28, 2017]*”, “*A whole gaggle of grannies arrive with our raucous grandchildren in town [Woman and home, July, 2017].*” Вместе с тем, системно заложенная аксиологическая амбивалентность рассматриваемых суффиксов проявляется в актуализационно отрицательных оценочных смыслах, детерминированных контекстом (*The daughter of a financier, she lives alone in her three-bed townhouse in central London, with everything funded by Daddy dearest [Cosmopolitan. June, 2017]*). Если в нейтральном контексте словосочетание “*daddy dearest*” имеет положительные коннотации, то развернутый контекст и фоновая информация (выражение принадлежит медицинскому работнику, который ухаживает за девушкой, страдающей от тяжелой стадии наркотической зависимости, отец которой спонсирует её и выполняет все её капризы) предопределяют его отрицательное оценочное прочтение.

Функциональная специфика описываемых диминутивных суффиксов заключается в том, что они могут переводить лексическую единицу из одного лексико-семантического класса в другой (существительное – прилагательное) в рамках модели лексической конверсии: (*The Mancunian, clothes-obsessive style blogger has us swooning over her quirky, girliestyle [Cosmopolitan. June, 2017]; Paired with pink florals, the rose-gold offsets the look perfectly, while keeping things from being too girlie [Glamour. June, 2017]*). В таких случаях амбивалентность лексической единицы сохраняется и слово может контекстуально приобретать аксиологически отрицательный смысл: *Can’t commit to a look that’s quite this girlie (Cosmopolitan. Apr., 2017)?*

Не все из названных лексико-семантических групп слов, образованных по модели суффиксации в это случае способны к актуализации оценочных смыслов. Такая функция отсутствует у лексем, составляющих группу «наименование предметов» (например: *trackiepants, newbie*). Дериваты этой группы не передают оценочной семантики, имеют единственное предназначение - выполняют исключительно номинативную функцию и в диапазоне оценочной шкалы от плюса к минусу несут нулевую оценочную нагрузку, то есть выражают норму.

Рассмотрение лингвистического явления формирования оценочных смыслов в преломлении к философскому понятию ценностей позволяет заключить следующее.

Оценка как когнитивное действие осуществляется посредством основного когнитивного приема – сравнения объектов и явлений воспринимаемого мира и способствует формированию ценностных представлений о нем.

Оценка соотносима с понятием ценности и с позиции философских воззрений оценка может быть субъективной, основанной на личностных предпочтениях и внутренних принципах индивида, и объективной, соотносимой с общими естественнонаучными представлениями о мире и коллективно выработанными нормами нравственности в социуме.

Когнитивная релевантность оценочного действия обуславливает наличие в языковой системе широкого арсенала средств передачи оценочных смыслов, одним из которых является суффиксальное словообразование.

Оценочное значение языковой единицы может быть амбивалентным, зависимым от актуализационного контекста более широкого чем элементарное высказывание.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка / Арутюнова Н. Д. // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1984. С. 5-23.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. - М.: Наука, 1988. – 338с.
3. Беляков Б.Л., Коннов А.Д., Смирнов Е.В. Философия, литература и военная служба. – М., 2013. – 367с.
4. Ивин А.А. Логика оценок и норм. Философские, методологические и прикладные аспекты: монография. – М.: Проспект, 2018. – 320с.
5. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник / Кондаков Николай Иванович – М.: Книга по Требованию, 2012. – 721 с. (ЛСС)
6. Кубрякова Е.С., Шахнарович А.М., Сахарный Л.В. Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. – М.: Наука, 1991. – 240 с.
7. Кучуради И. Оценка, ценности и литература / И. Кучуради // Вопросы философии. – 2000.- №10. – С. 68-79.
8. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
9. Современный философский словарь / Под общей ред. д.ф.н. профессора В.Е. Кемерова. – 2-е изд., испр. и доп. – Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск: Панпринт, 1998. – 1064с. (СФС)
10. Столович Л.Н., Каган, М.С. Философская теория ценности / Л.Н. Столович, М.С. Каган // Вопросы философии. – 1998. – №5. – С. 155–158.
11. Философский словарь/ Под.ред. И. Т. Фролова. – 7-е изд. Перераб. И доп. – М.: Республика, 2001. – 719 с. (ФС)

10.02.04

¹Н.В. Гревцева канд. филол. наук, ²О.А. Донскова канд. филол. наук, ³Э.Б. Иванюшина

^{1,3}Пятигорский государственный университет,
институт иностранных языков и международного туризма,
кафедра экспериментальной лингвистики и межкультурной компетенции,
Пятигорск, tsarikevich@inbox.ru, emmaivan@yandex.ru,
²Новороссийский филиал ПГУ,
кафедра английского и второго иностранного языков,
Новороссийск, linguafan@mail.ru

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БРИТАНСКОГО ЖЕНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В статье представлены результаты сопоставительного анализа речевых актов, актуализированных в публичных выступлениях британских женщин-политиков, с целью выявления специфики гендерно-маркированного политического дискурса.

Ключевые слова: *лингвопрагматика, гендерный политический дискурс, речевой акт, информатив, декларатив, апеллятив, предупреждение(warning), интеррогатив, сензитив.*

В преимущественно мужских сферах коммуникации, в их число входит и политика, дискурсивная деятельность женщин с трудом поддается описанию, поскольку каноны дискурса ограничивают женщин-политиков в проявлении их гендерных свойств. Описание видов дискурса, их особенностей, функциональных и прагматических свойств [5] – современный аспект лингвистического знания, что делает проблему выявления особенностей женского политического дискурса актуальной.

В данной статье под женским политическим дискурсом понимается вид гендерно-маркированного дискурса, адресантом которого является женщина-политик. Среди немногочисленных женщин, занимавших самые высокие позиции в мировой политике, выделяются представительницы Великобритании: Маргарет Тэтчер и Тереза Мэй. Их качества как политиков проявляются, в первую очередь, в речи, в связи с чем актуальным является изучение прагматически значимых языковых средств, актуализированных в публичных обращениях, выступлениях, интервью и т.п. Заметим, что гендерный аспект политического дискурса стал признаваться учеными относительно недавно, однако уже получил освещение в ряде работ [2,6].

Цель статьи – определить отличительные черты лингвопрагматики англоязычного женского политического дискурса посредством речеактового анализа текстов речей и выступлений британских женщин-политиков.

Новизна настоящего исследования состоит в выявлении и описании ведущих и факультативных речевых актов британского женского политического дискурса.

Материалом изучения послужили разновременные женские политические дискурсы, адресантами которых были премьер-министры Великобритании Маргарет Тэтчер (должность май 1979 - 1990 г.) и Тереза Мэй (июль 2016 – май 2019).

Строгие и краткие абзацы текста политического дискурса могут быть таксонимированы как простые и комплексные речевые акты. Поскольку преобладающей речевой формой политического текста является аргументированный экспрессивный монолог-рассуждение, избилующий обращениями к аудитории, аллюзиями на факты истории и культуры, генерализующими сентенциозными высказываниями, предположим, что ведущие позиции занимают информативные и декларативные речевые акты.

Анализ дискурса с участием М.Тэтчер и Т.Мэй выявил как общие для политического дискурса явления (см. работы: [1; 2; 5; 6]), так и более активное использование

декларативных и апеллятивных речевых актов (РА) с модальными глаголами *must* и *can*. В исследованном женском политическом дискурсе в выступлениях обеих премьер-министров сочетаются *should* и *must*, выражающие долженствование, которое является проспективным, указывает на действия в будущем, а потому РА с такими модальными глаголами чаще всего сочетают декларативность с промиссивностью (см. работу: [3, с. 147]).

Речевых актов «Декларатив+Промиссив» в нашем материале оказалось около 10% от общего числа (тогда как РА «Информатив» составляют от 50 до 65 процентов).

Равным по частотности с *must* является глагол «совета» *should*, они оба сочетаются с «личным местоимением первого лица множественного числа – *we*, что характерно для политического дискурса в целом» [1, с.66].

Приведем примеры смешанных РА типа «Декларатив+Промиссив» с глаголом *should*. В выступлениях М.Тэтчер сочетание *We+ should* звучит как угроза и предупреждение России:

We should make it plain to the Russians that we do not believe that... We believe that we should build on our traditional bonds with Australia.

Т. Мэй в выступлениях по поводу Brexit воодушевляет сторонников по партии: поддержать ее в намерении продолжать выход из Евросоюза, не сдаваться: *...we should not risk that is simple. But I do not think that means we should give up.*

Приведем примеры РА типа Декларатив+Промиссив с глаголом *must*, имеющим большую перлокутивную силу, чем *should*:

But we must also heed the warnings of those; We must remember that there are no Queensbury rules in the contest; then we must heed their warning. [9]; We must remember what brought us here. But the decision was to leave – and that is what we must do [May].

Следующий тип РА «Декларатив+Промиссив» имеет в своем составе формы простого будущего с глаголом *will*, который, однако, не теряет своего оригинального значения. Так, в выступлении М.Тэтчер глагол *will* звучит в своем этимологическом смысле, как волеизъявление:

We will welcome any initiative from the Soviet Union; our countries will be able to learn; it will not result in a further decline; ... will continue to pose a major challenge [9].

Та же прагматика наблюдается и у Т.Мэй:

I will continue to make the case for the Conservative Party; we will place the government under a legal obligation; We will prohibit the proposal; We will implement paragraph 50; we will work with our Confidence and Supply Partner [May, 2019].

В выступлениях двух женщин-политиков также отмечено сходство в использовании декларативов наряду с интеррогативами (риторическими вопросами, звучащими также декларативно, и вопросами, на которые тут же отвечает сам оратор):

Has detente induced the Russians to cut back on their defence programme? Has it dissuaded them from brazen intervention in Angola? [9];

Do we give up, spend our time looking back? Or do we do our duty, look to the future and give the country the government it needs? [May, 2017]; And what would we do then? Do they want to leave without a deal? Why should they ever bother doing so ...? [May, 2019].

Интеррогативы используются как обращения к аудитории, поэтому их можно считать имплицитными апеллятивами. Чистых апеллятивов в речах М.Тэтчер мало, нами выявлено всего несколько примеров. У Т.Мэй апеллятивов больше:

Let's ensure that our children will have cause to rejoice that we did not forsake their freedom; Let Labour's Orwellian nightmare of the Left be the spur for us to dedicate... let us ignore the howls .. [9]. So let's not hold back. Let's do what is necessary for MPs to back the deal on Tuesday [May, 2019].

Следующий смешанный РА – Информатив-Предупреждение, с акцентом на вторую его часть, выявлен в выступлениях обоих премьер-министров. Следует отметить, что прагматика предупреждения формируется за счет экспрессивно-оценочных значений прилагательных, существительных и глаголов, в отличие от репрезентаций декларативов и промиссивов, опирающихся на модальные глаголы. Например, М.Тэтчер рассматривала Россию как

основную угрозу, поэтому использовала определения и эпитеты высокой экспрессивности:

She's ruled by a dictatorship of patient, far-sighted determined men who are rapidly making their country the foremost naval and military power in the world. ... world dominance, and they are rapidly acquiring the means to become the most powerful imperial nation the world has seen [9].

У Терезы Мэй отмечены следующие выражения с семантикой ворнинга: *This inequality...threatens to undermine support; struggles to adapt; we are confronted; unforgiveable use of chemical weapons; outrageous proliferation of nuclear weapons...a threat [May, 2017].*

В отличие от Т.Мэй М.Тэтчер поистине проявляла мужской характер, потому в её речи почти нет сензитивов. В силу сложившейся геополитической ситуации в речах Т.Мэй сензитивов оказалось почти 5% от общего количества РА. Убеждая противиться брекситу, Т.Мэй сожалеет о неисполненном обещании используя противительные *but* и *yet*, модальное *possibly can* в сочетании с глаголами *try*, *give up*, *love*:

We have worked hard to deliver that – but we have not yet managed it. I have tried everything I possibly can to find a way through. I offered to give up the job I love earlier than I would like [May, 2019].

Вынужденная уйти в отставку Т.Мэй использует больше сензитивов: *it has proved even harder than I anticipated, I continue to believe; I will shortly leave the job that it has been the honour of my life to hold; Sadly, I have not been able to do so* [May, 2019].

Подводя итог, заключим, что ведущими речевыми актами женского политического дискурса являются, как мы и предполагали, информативы и декларативы, в приядерной зоне оказались промиссивные, апеллятивные и интеррогативные РА, а также предупреждение. Их доли были у политиков почти одинаковыми: промиссивы – 10-12% от общего числа, апеллятивы, интеррогативы и предупреждения – по 5%. На периферии находятся сензитивы. С психологической точки зрения, вероятно, это не характерно для женщин, но женщины-политики стремятся исключать эмоции, типичные для женского мироощущения, они проявляют решимость, твердость, декларативно аргументируют речь, звучат убедительно, т.е. как политики-мужчины. Дальнейшее исследование «глубинной» прагматики женского политического дискурса позволит выявить её поистине неперсонифицированные отличительные черты.

Список литературы

1. Гревцева Н.В., Донскова О.А. Прагматика стилистики английского и русского политического дискурса// Казанская наука. №7 2018г. – Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом, 2018. - С. 65-67
2. Куницина Е.А. Гендерная маркированность политического дискурса: языковой и речевой аспекты (на материале предвыборных речей Х. Клинтон и Б. Обамы): автореф. ... канд.филол.наук. - Ставрополь, 2011. - 22 с.
3. Мельникова Е.Н. Сигнификативное значение предложения при рассмотрении его семантико-синтаксической структуры// Лингвистика XXI века: традиции и новации, 2016. С. 145-150.
4. Переяшкина Л.Н. Просодия имплицативных смыслов отрицания в английском дискурсе / монография. Пятигорск: ПГЛУ, 2010. 173 с.
5. Петренко С.А. Функциональные особенности дейксиса в английском юмористическом дискурсе // Лингвистика XXI века: традиции и инновации. Пятигорск, 2017. - С. 361-367.
6. Стрелкова О.А. Особенности современного женского политического дискурса: На примере речевых портретов женщин-политиков: автореф. ... канд.филол.наук. - Курск, 2006. - С.22
7. May T. Prime Minister's statement in Downing Street: 24 May 2019 URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/> (дата обращения: 18.06.2019).
8. Full text of Theresa May's speech introducing her "new Brexit deal" URL: <https://brexitcentral.com/full-text-of-theresa-mays-speech-introducing-her-new-brexit-deal/> (дата обращения: 17.06.2019)
9. Thatcher M. <https://www.margaretthatcher.org/search> (дата обращения: 18.06.2019).

10.02.04

Т.С. Рыжкова канд. филол. наук

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Институт лингвистики и межкультурной коммуникации,
кафедра иностранных языков для гуманитарных специальностей,
Иркутск, ryzhkova08@mail.ru

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО FREUNDLICH В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В статье исследуется семантический объем прилагательного freundlich в современном немецком языке. Выявлены не зафиксированные лексикографическими источниками значения исследуемого прилагательного. Полученные результаты свидетельствуют о расширении семантического объема и тенденции к активному употреблению прилагательного freundlich в различных сферах жизнедеятельности немецкого общества.

Ключевые слова: семантика, значение слова, семантический объем слова.

В настоящее время одним из способов расширения словарного состава языка является качественное его пополнение за счет увеличения семантической структуры слова, которое обусловлено реакцией языка на политические, экономические и социально-культурные преобразования в обществе. Типичные для большинства языков мира изменения конца XX-начала XXI века напрямую связаны с процессом глобализации, бурным развитием информационных технологий, а также со значительными достижениями человечества в области науки и техники. Некоторые слова теряют свою актуальность и выходят из активного употребления, другие, напротив, увеличивают свой семантический объем за счет перераспределения семантических компонентов слова, что позволяет данным лексическим единицам номинировать или описывать объекты в иных сферах жизнедеятельности человека. Так, актуальным для современных лингвистических исследований представляется изучение семантического объема отдельных лексических единиц, увеличение или уменьшение которого напрямую коррелирует с изменениями, происходящими в общественной жизни.

Целью настоящего исследования является изучение семантического объема прилагательного *freundlich* в современном немецком языке. Материалом послужили газетные тексты конца XX-начала XXI века, представленные в Мангеймском корпусе немецкого языка.

Прилагательное *freundlich* является производным словом от существительного *Freund*. Согласно данным этимологических словарей первые упоминания об исследуемом прилагательном относятся к древневерхненемецкому периоду немецкого языка и датируются XI веком [7, S. 474]. Древневерхненемецкое прилагательное *friuntlih* этимологически восходит к существительному ahd. *friunt*, которое словарь F. Kluge толкует

как *Freund* (друг), *Verwandter* (родственник) [5, S. 218]. От существительного ahd. *friunt* было образовано прилагательное *friuntlih* при помощи суффикса *-lih*, который, как правило, вносил в значение прилагательного определенные качества, свойства или признаки объекта, имеющиеся в значении производящего существительного. Так, семантика древневерхненемецкого существительного ahd. *friunt* напрямую отразилась в значении прилагательного *friuntlih* 'befreundet, nach Freundesart; angenehm, lieblich' (дружественный, с дружескими манерами, приятный, милый) [2, S. 205].

Данные этимологических словарей и современных лексикографических источников свидетельствуют о поступательном расширении семантического объема прилагательного

freundlich, которое первоначально являлось качественной характеристикой отношения одного человека к другому, ср.:

- ahd. *friuntlih – befreundet, nach Freundesart; angenehm, lieblich* (дружественный, с дружескими манерами, приятный, милый) [2, S. 205];
- mhd. *vriuntlich – freundlich, freundschaftlich; lieblich, angenehm* (дружелюбный, дружественный; милый, приятный) [4, S. 306].

Так, оценка поведенческой модели человека, которая проявляется в дружелюбном отношении людей друг к другу, является до сих пор одной из основных сфер употребления прилагательного *freundlich* в современном немецком языке, ср.: *Mein Resümee der ersten Woche: Der Kaffee in der Universität ist gut, die Toiletten sind in Ordnung, die meisten meiner Kommilitonen sind sehr freundlich und aufgeschlossen* [1].

В дальнейшем в связи с изменениями, происходящими в обществе, прилагательное начинает использоваться для описания объектов живой и неживой природы, сущностные характеристики которых сравниваются с приятными ощущениями, радостными чувствами, положительными эмоциями, которые, как правило, актуализируются в дружеском расположении или дружелюбном отношении одного человека к другому:

- nhd. *freundlich – 1) im Umgang mit anderen aufmerksam und entgegenkommend, liebenswürdig* (в общении с другими внимательный и предупредительный, любезный); 2) *angenehm, ansprechend, heiter* (приятный, привлекательный, радостный; 3) *wohlwollend, freundschaftlich* (доброжелательный, дружественный) [3, S. 538].

В современном немецком языке следует выделить все возрастающую тенденцию употребления прилагательного *freundlich* в качестве характеристики неодушевленных объектов, понятий, явлений и событий в различных сферах жизнедеятельности человека, например: *Die helle und freundliche Innengestaltung; Dynamischer, heller, freundlicher so sollen die neuen U-Bahn-Züge der im Bau befindlichen Linie U3 aussehen* [1].

Новый виток социально-экономического развития общества начала XXI века, широкое разнообразие предлагаемых высококачественных услуг влечет активное использование прилагательного *freundlich* в современном немецком языке в данном направлении, ср.: *Die Atmosphäre ist entspannt, der Service freundlich und rasant, das Essen gut und preiswert; Das Personal ist sehr freundlich und aufmerksam* [1].

Наряду с высокой активностью употребления прилагательного *freundlich* в сфере услуг следует выделить область политических отношений. С появлением новых политических институтов, сложных международных и внутренних политических противоречий прилагательное *freundlich* активно используется при характеристике актуальных для немецкого общества политических ситуаций, ср.: *EU-freundliche Parteien; Immigrantenfrendliche Politik; das freundliche Sondierungsgespräch zwischen SPD und Grünen* [1].

Новое значение 'günstig' (благоприятный), зафиксированное толковым словарем немецкого языка Langenscheidt, широко используется при описании повышения котировок акций на фондовом рынке в текстах экономической направленности [6, S. 358], ср.: *Der deutsche Aktienmarkt zeigte sich am Freitag durchwegs freundlich* [1].

Следует отметить широкое использование исследуемого прилагательного при анализе ведущего немецкого фондового индекса Dax, ср.: *Der Handelstag begann am Donnerstag zunächst freundlich für den deutschen Leitindex Dax* [1].

Анализ примеров Мангеймского корпуса немецкого языка позволил выделить не зафиксированные современными словарями значения прилагательного *freundlich*. Среди основных направлений семантического развития, не описанных словарями немецкого языка, следует выделить сферу экономики, в которой у исследуемого прилагательного актуализируется сема 'wirtschaftlich ergiebig' (экономически выгодный), ср.: *Berlin ist nicht freundlich zu Investoren* [1].

В данном примере при помощи прилагательного *freundlich* описывается экономическая ситуация в городе Берлин, в частности инвестиционный климат, который характеризуется как неблагоприятный и невыгодный для инвесторов.

Следующей областью, в которой четко прослеживается расширение семантики исследуемого слова, следует считать сферу информационных технологий. С развитием и совершенствованием информационных технологий, компьютерной техники и мобильной связи у прилагательного *freundlich* появляется значение '*bedienfreundlich*' (удобный в использовании), ср.: *Die freundliche App beschert den Zugang zu Tutorials für bessere Kommunikation, Konfliktmanagement und Kostendeckung* [1].

Активное обсуждение проблем экологии способствовало расширению семантики исследуемого прилагательного. Так, у прилагательного *freundlich* актуализируется значение '*umweltfreundlich*' (экологичный), ср.: *Theurer hat grundlegende Zweifel an E-Mobilen: "...schneiden batteriebetriebene Elektroautos nicht CO₂ freundlicher ab als modernste Verbrennungsmotoren"*, sagte er und teilt damit die Meinung von FDP-Chef Lindner [1].

Таким образом, первый виток расширения семантического объема прилагательного *freundlich*, зафиксированный современными словарями немецкого языка следует отнести к сфере экономики, который был вызван развитием и совершенствованием экономических отношений в мире. Дружеское отношение одного человека к другому, которое благоприятствует общению, было перенесено на описание экономически выгодных ситуаций при описании биржевых курсов. В результате проведенного исследования были выделены новые направления расширения семантики *freundlich*, не зафиксированные современными лексикографическими источниками в сфере экономики, информационных технологий, экологии, что позволяет сделать вывод о тенденции к активному употреблению прилагательного *freundlich* в различных сферах жизнедеятельности немецкого общества.

Список литературы

1. Deutsches Referenzkorpus [Электронный ресурс]. – URL: <https://cosmas2.ids-mannheim.de> (дата обращения 29.04.19)
2. Duden. Das Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. – 4., bearb. Aufl. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2001. – 960 S.
3. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. – 3., völlig neu bearb. und erweit. Aufl. – Mannheim; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1996. – 1816 S.
4. Hennig B. Kleines Mittelhochdeutsches Wörterbuch. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1993. – 340 S.
5. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. – 17. Aufl. – Berlin: Walter De Gruyter & Co, 1957. – 904 S.
6. Langenscheidts Großwörterbuch. Deutsch als Fremdsprache. – М.: Mapт, 1998 – 1248 с.
7. Pfeifer W. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. – Berlin: Akademie-Verlag, 1989.–621 S.

10.02.04

Е.Г. Суслова канд. филол. наук

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
кафедра романо-германской филологии и перевода,
eksuslova@yandex.ru

**ФОРМАЛЬНО-ЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРЯМОЙ РЕЧИ
В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ XII И XV ВВ.
(НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРНОГО И ПРОЗАИЧЕСКОГО РОМАНОВ
О ТРИСТАНЕ)**

Статья посвящена логическим и формальным критериям членения текста, применяемым для интерпретации прямой речи в литературных произведениях XII в. Логические критерии используются для членения прямой речи на логико-смысловые блоки. Формальный критерий устанавливает их материальный образ на поверхности текста. Полученные результаты сопоставляются с прозаическим текстом XV в.

Ключевые слова: *историческая прагматика, аргументация.*

В ранних рыцарских романах на средневерхненемецком языке динамичность повествования создается путем линейного построения высказываний. В прямой речи называются мотивы и цели поступков. Обоснования, с одной стороны, служат для самопрезентации героев, а с другой стороны, направляют действие по заданной траектории.

Первая записанная на немецком языке история о Тристане принадлежит малоизвестному автору Эйльхарту фон Обергу (XII в.). Именно эта наиболее полная версия стала основой прозаического романа «Tristrant und Isalde» (XV в.).

В тексте Э. фон Оберга проводится четкая граница в начале и конце прямой речи. Кроме вводящего речь глагола, на начало указывает обращение в составе побудительного предложения или повествовательного предложения с местоимением 1-го лица в роли субъекта и модальным глаголом в роли предиката: 1. «*herr ich will mit uch sin/ ist ob ir geruoht min*» (309-310); 2. «*vernim mich/ lieber maister min /ich bedarff wol deß rauteß din...*» (479-480) [2].

В прямой речи преобладают директивные речевые акты (просьбы и советы). Оформляемые единообразно, они выделяют прямую речь в поверхностной структуре текста [1].

Прямая речь строится как диалог, однако, если она содержит «программные» обоснования, то равного обмена мнениями не происходит. Собеседники, выслушав, соглашаются и удовлетворяют просьбу: 3. «*Gern lieber sun min/ich nach dinem willen tuo*» (238-239); 4. «*So sind mir wilkomen/sprach der kung rich/und hieß schnellenglich/nach den truchsässen gaun/daß war schier getaun*» (314-318); 5. «*Do hieß der kung/im daß alleß gewinnen/daß er haben sölt*» (541-543) [2]. Возражение высказывается редко и служит идеализации образа рыцаря, который вступает в спор, возражая против советов и просьб, идущих в разрез с представлениями о чести и добродетелях воина.

Логико-семантический рисунок обоснований в рыцарских романах хорошо исследован. В нем условно выделяют ситуацию («С»), которая не соответствует норме («Н») и которую требуется исправить, следуя концепции («К») [4]. Для идентификации и интерпретации значение имеет не только алгоритм обоснования, но и языковые средства передачи «С» и «К».

«С» описывается повествовательными предложениями с грамматическими формами прошедшего и настоящего времени и лексическими средствами выражения отрицательной оценки: 6. «*eß tuot mir grouß ungemach/daß Marck eß nit will enden/und dir ouch zinß senden*» (410-412); 7. «*mich müwet ser der hochmut/daß der starck man begaut*» (482-483) [2].

Благоприятное положение дел редко становится обоснованием просьб и советов: 8. «*wann ich von úwern hoff han/grouß frúmkait vernommen*» (312-313) [2].

Если описывается не реальная, а потенциально возможная ситуация, то на поверхности текста в обосновании появляются модальные глаголы, а также смысловые глаголы в форме конъюнктива. В таких случаях «С» представляет собой перечисление преимуществ: 9. «*merck, waß mir daß tög/bý fremden lúten ich mich zög/ob ich der dick säch vil/baid zuo ernst und ze spil*» (223-226) [2] или рисков, которые наступят в случае отказа от действий: 10. «*du solt durch den willen min/disen kampf vermeiden/und nicht laid liden*» «*war umb?*» «*...man hett die für zagen die in dem land weren*» (682-687); 11. «*sie möchten all wenen die eß vernemen/daß ich eß durch vorcht tät/so getauner bett/müg ich dir nit gefolgen*» (883-887) [2].

«Концепция» маркируется в «Тристане» Э. фон Оберга сочетанием модального глагола, выражающего намерение, с местоимением 1-го лица «*ich will/muöß/soll*» в роли субъекта простого или сложного предложения с бессоюзным условным придаточным: 12. «*...darumb will ich verliesen minen lib*» (413); 13. «*sol ich lob gewinnen/ich muöß eß fruо beginnen/und lang dar an hertten*» (533-535); 14. «*ist daß in niemant bestaut/so will ich mit im vechten*» (484-485) [2].

Третьим семантическим блоком в обоснованиях, согласно изложенной точке зрения, является «норма». В «Тристане» Э. фон Оберга общих правил не дается. Однако прямая речь с обоснованиями либо принадлежит рыцарю Тристану, либо относится к его действиям. Ввиду идеализации главного героя, его превосходства над остальными, предлагаемые им «концепции» косвенно указывают на «норму» и могут быть восприняты в качестве таковой: 15. «*wir sind baid her komen/durch schaden oder durch fromen/die wir hie mögen gewinnen/Er kompt wol von hinnen/in ainem schiff der held/dem der sig hie wirt gezelt*» (845-850) [2].

Косвенным указанием на «норму» можно считать следующее за концепцией указательное *eß* в сочетании с глаголом-связкой в конъюнктиве *wäre* и оценочным прилагательным: 16. «*ungern ich dich verderb/wann eß wär schädlich getoun*» (872-873); 17. «*ich will den kung Marck/deß zinß nit erlaussen/wann eß wär uss allen maussen*» (880-882); 18. «*ich haun mich kampffß erwegen. Da gaut anderß nit zuo*» (742-743) [2].

В прозаической версии романа XV в. диалогов в форме прямой речи меньше, чем в «Тристане» Э. фон Оберга, слова передаются в форме косвенной речи или сжимаются до краткого упоминания в авторской речи: «... und sageten im die geschichte gantz auff ein ende» (13,6-7), «das sageten sy im alles» (13, 9) [3]. Сопоставление 19 первых речевых эпизодов, представленное в таблице 1, показало, что стихотворная и прозаическая версии значительно отличаются друг от друга в выборе прямой и косвенной речи, в прозаическом тексте преобладает косвенная речь. Это не отразилось на наличии (+) или отсутствии (-) в репликах обоснований, распределение обоснований в текстах совпадает:

Таблица 1

Речевые эпизоды	«Тристан» Э. ф. Оберга		Прозаический роман «Тристан и Изольда»	
1. Тристан и наставник	Прям. речь	+ обоснование	Косв.речь	+ обоснование: auf meynung daz
2. Тристан и отец	Прям. речь	+ обоснование: merck waß mir daß tög, dar umb	Прям.речь	+ обоснование: wann (2)
3. Тристан и свита	Косв. и прям. речь	-	Косв. речь	-
4. Прибытие ко двору Марка	Прям. речь	+ обоснование: wann	Косв. речь	+ обоснование: umb deß willen, wann, darumb
5. Морольд и король Ирландии	Косв. и прям. речь	+ обоснование: dar umb (3)	Косв. речь	+ обоснование: darumb

6. Морольд отправляет послов к Марку	Косв. и прям. речь	-	Косв. речь	-
7. Марк и послы Морольда	Косв. речь	-	Авт. речь, косв. речь	+ обоснование: wann
8. Тристан и его наставник	Прям. речь	+ обоснование	Косв. и прям. речь	+ обоснование: und meinet, hierauff, darumb
9. Тристан и король Марк	Прям. речь	+ обоснование	Косв. речь	+ обоснование: wann
10. Король Марк и князя	Прям. речь	+ обоснование: dar umb	Косв. речь	-
11. Тристан и князя	Косв. речь, прям. речь	+ обоснование	Косв., прям. и автор. речь	+ обоснование: darumb, wann
12. Князя и король Марк	Прям. и косв. речь	-	Прям. и автор. речь	-
13. Послы Морольда требуют равного воина	Косв. и прямая речь	-	Косв. и прям. речь	+ обоснование: darumb, wann
14. Король Марк и Тристан	Прям. речь	+ обоснование: darumb	Косв. и прям. речь	+ обоснование: darumb (2), wann (2), umb seinent willen
15. Тристан отстаивает свое решение драться	Прям. речь	+ обоснование	Прям. и косв. речь	+ обоснование: wann
16. Король Марк и послы Морольда	Косв. речь	-	Косв. речь	-
17. Морольд и послы	Прям. речь	-	Авт. и косв. речь	-
18. Марк провожает Тристана на поединок	Прям. речь	-	Косв. речь	-
19. Морольд и Тристан	Прям. речь	+ обоснование: wann, dar umb, ich sag dir durch waß	Прям. и косв. речь	+ обоснование: wann (3)

В начале прямой речи используется тот же тип маркера - глагол говорения и обращение. Конец эпизодов обозначен менее четко: согласие, перешедшее из стихотворного романа модульной единицей («Das ward also volbracht» (5, 4) [3]), в прозаическом романе может сочетаться с обоснованием, что приводит к разрыхлению структуры: «Deß rats ward also vervolget, wann er seins meisters rat nit verachtet» (9, 28) или «Was mocht der künig nun thûn, do der in ye von dem willen nit bringen mocht, dann das er im darzû hülff, und wapen gäbe?» (13,35) [3].

Переход обоснований из стихотворного в прозаический текст представляется логичным в рамках общей тенденции в прозаическом романе к упорядочиванию, в том числе причинно-следственных связей. Это проявляется в регулярном использовании вводящего ответ глагола antwürten (отсутствие ответа отмечается «und gab nit antwort darauf» (8, 4) [3]), и наречий darauff: «Do saget yn der künig die botschafft <...> und begeret darauff rat, wie er sich und sy mit ym darinn halten sölten nach dem nützlichsten, des wölte er gern verfolgen, und das sy darauff giengen, ob man yendert under yn allen einen vinden möchte, der Morholten allein wölt besteen. Darauff giengen sy...» (9-10, 22-27) [3], и hierauff: «Aber Tristrant schetzet sich nit minder an der sterck dann Morholt was, und bate hierauff mit allem fleiß ym sein fürnemen nit abschlahen ...» (8, 13-15) [3]. В последнем случае наречие hierauff передает причинно-следственную связь когнитивных процессов и речевого поведения и является маркером обоснования.

В прозаическом романе в иницирующих репликах основным также является директив (просьба, совет, приказ). Директивные глаголы *bitten*, *begeren*, *raten/widerraten*, *embieten*, *vermanen* однозначным структурным маркером могут считаться только в прямой речи в сочетании с местоимениями 1-го лица *ich* и *wir*: «*ich bit mit undertenigkeit/fleislich*», «*ich bit dich freüntlichen du lassest von deinem fürgenommen willen*» (12, 11-12) [3]. Являясь ярким маркером директивных реплик, императивные формы используются только в 2 из 19 эпизодов: «*Eu, sprach der künig, laß daz selb als auff mich geen, und erwind des fechtens*» (13, 30-31) [3] и «*Schoener jungling bedenck dich mit mir zû faren...*» (13, 30-31) [3]. Побуждение выражается также формой 2-го лица глагола с личным местоимением *du*, например, запрет: «*Nun solt du mir nymmer vechten, es sey dir recht lieb oder leid*» (13, 30-31) [3], однако такая форма в силу своей многозначности и широкой дистрибуции не может служить однозначным маркером директива. Так же, как и в романе XII века, в прозаической версии директив повторяется после обоснования, повтор знаменует собой конец реплики и переход хода: «*"...Darumb verman ich dich, ob du mir anders eren und gtüz günnest, so wer mir disen kampf nit zû fechten." Antwortet Curneval, das kein man ...*» (8, 21-23) [3] или «*"...darumb wil ich sterben oder den sig haben." Als nun der künig sahe... und sprach in grossem zorn ...*» (12, 16-19) [3]. Следует отметить принципиальную маркированность обоснований в прозаическом тексте. В 19 эпизодах, наряду с *wann*, *darumb*, *hierauff* и *umb deß willen*, обоснования вводятся глаголом *meinen* (или *auf meynung daz*): «*und mein auch das eüch und mir solichs zetûn sey und bit hierauff fleislich. ...*» (4, 14-16) [3]. О сохраняющейся традиции обоснования произносимых слов говорят примеры, в которых директив или вопрос передаётся в форме косвенной речи, а обоснование - прямой: «*Hierauff antwort herr Tristrant: sy soelten irem herren sagen, er wer von art als frey als er "wann Blanceflor ist gwesen mein mütter ...*» (11, 19-21) [3].

В прозаическом романе маркером «С» выступает глагольное время перфект на фоне претеритума авторской речи. Меняется содержание «С»: обоснования проспективны, «К» обосновывается перечислением возможных преимуществ или рисков, а не сетованием на уже случившееся. В прозаическом романе эксплицируется третий блок - «норма»: «*...wann er (got) ye dem rechten beistendig ist und die feigen mit irer eigen boßheit feiget*» (10, 21-22) [3].

Список литературы

1. Сулова Е.Г. Речевое действие «обоснование» в средневековом романе о Тристане (на материале произведений Эйльхарта фон Оберга и Готфрида Страсбургского): Дис. канд. филол. наук. - СПб, 2011. - С. 116-117.
2. Eilhart von Oberg. *Tristrant und Isalde*. - Greifswald, 1993. - 282 p.
3. *Tristrant und Isalde*. *Prosaroman des fünfzehnten Jahrhunderts*. - Tübingen, 1881. - 202 p.
4. Linke, A., Michel, P. *Text als Netzwerk // Alte Texte lesen*. - Bern, 1988. - P. 73.

10.02.19 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА*10.02.19***Р.К. Ахметгареева канд. педагог. наук**

Казанский государственный архитектурно-строительный университет,
кафедра иностранных языков,
Казань, rozateacher@mail.ru

**ВНЕДРЕНИЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС
ПРОФЕССИОНАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ УЧЕБНО-РЕЧЕВЫХ СИТУАЦИЙ
ПРИ ПОДГОТОВКЕ ЛИНЕЙНЫХ ИНЖЕНЕРОВ**

В данной статье представлены результаты внедрения в учебную деятельность профессионально значимых учебно-речевых ситуаций. Раскрывается, что одним из факторов, обеспечивающих успешность и эффективность профессиональной деятельности будущего линейного инженера, является его способность уверенно общаться и действовать в иноязычной среде, получать, обрабатывать и передавать информацию на иностранном языке.

Ключевые слова: иноязычная среда, профессионально значимые учебно-речевые ситуации, образовательный процесс.

Продолжают усиливаться антироссийские санкции - ограничительные меры со стороны ЕС, США и стран-сателлитов Запада на сотрудничество во многих технических вопросах, что особенно актуализируют необходимость создания целостной системы подготовки линейных инженеров в технических вузах.

Новое содержание образования отражает социальный заказ на современного, конкурентоспособного инженера, способного к многоуровневому социально-управленческому моделированию, владеющего необходимыми навыками в смежной области, широкопрофильной подготовки специалистов, способных успешно трудиться на предприятиях разных типов и разных форм собственности.

Увеличение информационных потоков, распространение новых технологий международного информационного обмена, расширение межкультурных профессиональных контактов обуславливают необходимость формирования на постоянной основе у будущих линейных инженеров готовности к общению в иноязычной среде. Готовность к общению становится сегодня одним из важнейших показателей социально-профессионального статуса специалиста.

В обучении иностранному языку проблема формирования готовности будущего специалиста к общению связана с формированием языковых и речевых фонетических, грамматических и лексических навыков и творческих умений в различных видах речевой деятельности - чтении, говорении, аудировании и письме. Это предусматривает и использование таких терминов как «каналы коммуникации», «обучение коммуникативному общению» (на основе английского «communication» - общение, средство общения) как способности обмениваться различной информацией на иностранном языке. В социальной психологии термин «коммуникация» рассматривается как «обмен информацией», а для того, чтобы обмениваться иноязычной информацией, необходимо овладеть лингвистическим кодом для кодирования определенного содержания по фонетическим, грамматическим, лексическим и стилистическим нормам данного языка. При этом обучая общению на иностранном языке, невозможно ограничиться лишь владением лингвистическим кодом, определенной суммой навыков и умений и тренировкой их в определенных ситуациях. Необходимо включать речевое общение в другие виды деятельности, где оно служит

средством их осуществления и возможностью не только обменяться с собеседником определенной информацией, но и понять его как личность, что ведет к успеху в совместном сотрудничестве.

Современному преподавателю в процессе обучения приходится создавать определенную модель реального общения, организовать тренировку в речевом взаимодействии. Обучение линейных инженеров общению на иностранном языке предполагает личностную ориентацию, понимание внутренних эмоций собеседника, сопереживание, проникновение в суть предложенной ситуации. В процессе моделирования общения приходится вникать в саму ее суть - понять, благодаря чему оно возникает, от чего зависит его содержание, формы, тональность, какие механизмы им управляют, какими средствами оно пользуется, как совокупность этих факторов влияет на получаемый речевой продукт.

Как показывает образовательная практика, эффективным средством обучения иностранному языку на коммуникативной основе являются учебно-речевые ситуации. Под речевой (коммуникативной) ситуацией понимается ситуация общения, определяемая как совокупность обстоятельств, вызывающая необходимость обращения к речи в целях воздействия одного человека на других людей в процессе деятельности. Ситуативный подход рассматривается в современной методике как средство реализации коммуникативного принципа в обучении. В качестве способа моделирования актов общения в образовательном процессе рассматривается воспроизведение в трансформированном виде факторов, влияющих на речевое поведение в условиях будущей профессиональной деятельности. Когда будущие специалисты разговаривают, то, что они говорят, определяется совокупностью целого ряда условий, таких как мотив, лежащий в основе разговора, его цель, особенности собеседника, обстановка речи, той деятельности, в которую включены участники разговора. Воспроизводя эти условия в образовательном процессе, в различных видах производственной практики с помощью учебно-речевых ситуаций можно получить от студентов высказывание с заданными параметрами. Такой способ получения высказывания гораздо совершеннее, чем широко распространенные пересказ, ответы на вопросы, изменение заданного готового текста и т. п., потому что он дает возможность будущему специалисту самостоятельно определять содержание своего высказывания, то есть действовать так, как действуют люди в реальном общении. В процессе использования на занятиях учебно-речевых ситуаций формируется языковая культура студентов, расширяется их лингвистический кругозор.

Точно так же и при слушании речи или при чтении на фоне предложенной студентом учебно-речевой ситуации происходит формирование установки, облегчающей понимание, тогда отбор и переработка смыслового содержания осуществляется более целенаправленно. Языковой материал, употребляемый в связи с определенной ситуацией, запоминается в совокупности с ней, и последующее предъявление аналогичной ситуации в реальном общении позволяет вызвать из памяти нужные языковые единицы. Последовательная реализация ситуативного подхода в обучении требует пересмотра, реорганизации всего процесса формирования речевых действий, его целенаправленного подчинения представлению о желаемом результате обучения с первых же шагов знакомства с новым материалом. Что должны знать и уметь преподаватели иностранного языка для того, чтобы учебно-речевые ситуации в их руках стали действенным средством эффективного управления процессом формирования профессионально значимыми речевыми умениями. Прежде всего, они должны хорошо знать особенности той деятельности, которой они хотят научить, представлять себе ее структуру, движущие механизмы, единицы, из которых она складывается, факторы, от которых зависит успешность ее протекания, трудности, которые могут встретиться на пути овладения этой деятельностью. Преподавателям необходимо овладеть закономерностями и приемами моделирования этой деятельности - способами естественного вовлечения студентов в деятельность общения, воспроизведения на учебных занятиях фрагментов этой деятельности с учетом своих планов, интересов и желаний обучающихся, их индивидуальных особенностей.

Преподавателям необходимо знать, какие ситуации вызывают к жизни речевое действие, а какие - предметное, какие ситуации лежат в основе развернутого речевого действия и какие можно реализовать с помощью отдельной реплики, какие речевые ситуации нужно принимать во внимание, когда планируешь образовательный процесс, и какие могут послужить эффективным стимулом для активизации речемыслительной деятельности на занятии. Учебно-речевые ситуации (УРС) могут выполнять многогранные функции. Они выступают, прежде всего, как компонент изучаемого содержания образования, как форма организации обучения, как средство формирования профессионально значимых речевых умений и др.

Учебно-речевая ситуация, моделируя отрезок действительности, типичный для определенной сферы общения, определяет тем самым предметно-деятельностный аспект учебного общения. Поэтому в методической литературе довольно часто учебно-речевые ситуации рассматриваются в качестве основного ядра, вокруг которого организуется учебный и другой необходимый материал. Это предложение обосновывается следующим образом в работах Е. И. Пассова и его учеников: «Ситуация резко сужает выбор речевых единиц именно потому, что она - система отношений, которую человек в процессе решения оперативных задач структурирует соответственно цели, что и направляет его деятельность. Это упорядочивает отбор речевого материала для каждой ситуации...» [4]. К числу существенных функций УРС можно отнести также функцию контроля, которая, естественно, вытекает из использования УРС в качестве единицы планирования. Контроль осуществляется в учебном процессе путем создания соответствующих учебных и естественных ситуаций, в которых проверяется коммуникативная адекватность владения иностранным языком.

Общепедагогическая функция учебно-речевой ситуации состоит в том, что она раскрывает возможность формирования речевых умений путем решения речемыслительных задач. Задачи необходимы в том звене обучения, где происходит формирование общих методов, образцов, которым можно следовать, выполняя множество действий и операций. Использование задач в обучении обеспечивает сознательный а, значит, надежный и гибкий путь формирования профессионально значимых речевых умений. Учебно-речевые ситуации воссоздают на учебных занятиях близкое к реальным условиям речевое взаимодействие в различных видах профессиональной деятельности.

Список литературы

1. *Ахметгареев Р.А., Хауринова О.Ю., Ахметгареева Р.К.* Факторы и барьеры развития творческого мышления будущих инженеров в условиях современного вуза. // Сборник научных статей. Вестник №17. – Казань, КГТУ, 2011 – 230-234.
2. *Вайсбурд М.Л.* Использование учебно-речевых ситуаций при обучении устной речи на иностранном языке. -М.: Титул, 2001.-128с.
3. *Леонтьев А.А.* Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1977. – 237с.
4. *Пассов Е.И.* Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению.- М., 1989.
5. *Ратнер Ф.Л.* Развитие межкультурной коммуникации в курсе обучения иностранным языкам в высшей школе // Лингвистические основы межкультурной коммуникации: Материалы международной научной конференции 14-15 ноября 2003 г. Н.Новгород: НГЛУ им. НА Добролюбова, 2003. С.42-44.

10.02.19

Д.Д. Батарило, Я.В. Попова канд. филол. наук

Сибирский федеральный университет,
институт филологии и языковой коммуникации,
кафедра теории германских языков и межкультурной коммуникации,
Красноярск, danielabatarilo@yandex.ru, yanapopov@yandex.ru

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ОБРАБОТКА ТАБУИРОВАННОЙ ИНФОРМАЦИИ В ОФИЦИАЛЬНЫХ ТЕКСТАХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ВЕДОМСТВ

В работе рассматриваются подходы к пониманию феномена табу, описываются классификации переводческих трансформаций. Анализируются способы и приемы передачи табуированной информации, встречающейся в официальных текстах государственных ведомств при переводе с русского на английский язык. Материалом исследования служат тексты брифингов представителей МИД РФ, посвященные проблематике введения и усиления санкций, расположенные на официальном сайте ведомства.

Ключевые слова: табу, переводческая обработка, переводческие трансформации.

В своей профессиональной деятельности переводчик выступает посредником в процессах конструирования и реконструирования смыслов, преодолевая ряд трудностей в практике достижения адекватности перевода с одного языка на другой. Адекватный перевод требует глубоко понимания исходного текста, немалых «интерпретативных усилий, так как существует необозримое множество скрытых смыслов, передаваемых имплицитным образом с помощью речевых единиц самых разных уровней» [7].

Поэтому переводческий выбор всегда детерминирован факторами как лингвистического, так и экстралингвистического характера. Различие языковых систем, функционально-стилистические особенности текста оригинала, особенности языковой и речевой норм, характерные для исходного языка и не встречающиеся в языке перевода, индивидуальный авторский стиль – не полный перечень причин, обуславливающих необходимость переводческих преобразований [8].

Одной из причин, требующих от переводчика особых компетенций, выступает табу. Феномен табу неоднократно попадал в фокус научных исследований. Отечественными и зарубежными авторами изучались вопросы происхождения, социальной и религиозной природы табу (Ж. Ж. Варбот, А. М. Кацев, И.С. Кон, Д. Фрезер, S. Freud, Н. Schröder), особенности выделения тем-табу в разных культурах (Л. И. Гришаева, В. Б. Кашкин, О. А. Рутер, И. А. Садыкова, Е. М. Смоленцева, Л. В. Цурикова, С. Balle, К. Bölling, R. Dahrendorf, I. Leisi, K. Wingen, U. Sander), разграничения табу и запрета (Н.Б. Мечковская, R. Browne, Н. Eggert, R. Keller, A. Musolff), эвфемизации табу (Э. Бенвенист, Л. Блумфилд, Н.С. Болотнова, Ж. Вандриес, С. Видлак, И.Р. Гальперин, В.И. Заботкина, А.М. Кацев, М.Л. Ковшова, Л.П. Крысин, Г.Г. Кужим, Б. Купер, Б.А. Ларин, Э.А. Меликова, В.П. Москвин, Г. Пауль, Е.П. Сеничкина, R. Rada и др.), что диктует необходимость дальнейшего изучения способов актуализации табуированных феноменов в разных контекстах коммуникации.

Мы понимаем табу не только как запрет на определенные коммуникативные действия и употребление отдельных лексем, но и необходимость избегать в конкретной дискурсивной ситуации определённых высказываний и тем, языковых номинаций и невербальных знаков, что обусловлено прагматической мотивированностью коммуниканта с учётом общепринятых в его лингвокультурном сообществе языковых и конвенциональных запретов, норм, традиций, ценностей и предписаний [12].

Передача табу при переводе требует от специалиста как глубинного понимания различных видов информации, содержащейся в тексте оригинала, так и умения учитывать риски, выработать адекватные переводческие стратегии и применять подходящие трансформации, позволяющие достичь коммуникативных целей и задач.

Существует ряд классификаций переводческих трансформаций, применяемых при переводе различных типов текста. Так, согласно Л.С. Бархударову, переводческие трансформации подразделяются на четыре группы: перестановки, замены, опущения и добавления [2]. Я.И. Рецкер выделяет лексические (дифференциация значений, конкретизация, генерализация, смысловое развитие (модуляция), антонимический перевод, целостное преобразование, компенсация потерь в процессе перевода) и грамматические (полные и частичные) переводческие трансформации [13]. Л.К. Латышев описывает лексические преобразования, стилистические преобразования, морфологические преобразования, синтаксические преобразования и семантические трансформации. Помимо приведенных преобразований, ученый выделяет трансформации смешанного вида – конверсные трансформации и антонимический перевод [10]. Согласно классификации И.С. Алексеевой существуют перестановки; замены, включающие замены форм слова, частей речи, членов предложения и лексические замены; добавления и опущения [1]. Т.Р. Левицкая и А.М. Фитерман выделяют три типа переводческих трансформаций, к которым относятся грамматические, включающие в себя такие приемы как: перестановки, опущения и добавления, перестройки и замены предложений; стилистические (синонимические замены и описательный перевод, компенсация) и лексические (замены, добавления, конкретизация и генерализация; опущение) трансформации [11].

При всём многообразии классификаций переводческих трансформаций можно констатировать отсутствие описания приёмов, применимых для актуализации табуированной информации в процессе межкультурного взаимодействия, что является целью и свидетельствует об актуальности настоящей работы.

Материалом исследования послужили переводы с русского языка на английский официальных комментариев членов МИД РФ, посвящённых применению санкций в отношении Российской Федерации, с 2018 по 2019 год.

Необходимо отметить, что официальные тексты брифингов МИД РФ, относятся к общественно-политическим текстам, которые доступны посредством СМИ широкой аудитории. Перевод подобных текстов должен быть одновременно максимально точным и политкорректным. Поэтому специалист сталкивается со сложной задачей переводческой обработки информации, зачастую наполненной игрой слов и смыслов.

Итак, в результате анализа переводов пятидесяти семи текстов брифингов представителей МИД РФ, мы выявили преобладание лексико-семантических трансформаций, реализуемых преимущественно с помощью приемов генерализации и расширения для редуцирования негативной смысловой нагрузки. Также широко применяются грамматические трансформации посредством членения предложений и перестановки их членов. Продемонстрируем наши заключения на некоторых примерах:

1. «Очевидно, что проводится общая «игра», роли в которой распределены между Лондоном и Вашингтоном. Вначале мы видели это, когда высылались российские дипломаты. Основной удар пришелся именно на дипломатов в Лондоне и Вашингтоне, хотя, при чем здесь, казалось бы, Вашингтон? Это имеет второе глобальное подтверждение, когда сейчас разрабатывается пакет санкций» (*«Obviously, this is part of one big game, where the roles are divided between London and Washington. We first saw it when Russian diplomats were expelled. Our diplomats in London and Washington were hit hardest, but what did Washington have to do with this? Another example is the sanctions package being developed»*) [3].

В приведенном фрагменте переводчик сохраняет метафору *игра*, при этом расширяет её с помощью числительного *one* и прилагательного *big*, заменяя русскоязычную лексику *общая* для передачи эмоциональной нагрузки высказывания в целом и, подчёркивая масштаб подразумеваемого заговора против России. Подобный подтекст реализуется и за счёт

введения в переводе притяжательного местоимения *our* как средства бинарной оппозиции «свой-чужой». В сочетании с существительным *diplomats* оно противопоставляется топониму *Washington* в риторическом вопросе, который сохраняется при переводе. Грамматическая трансформация, эллиптическая конструкция в последнем предложении эвфемистично редуцируют негативную смысловую нагрузку высказывания: *второе глобальное подтверждение* переводится с помощью генерализующего нейтрального словосочетания *another example*.

2. «Характерной чертой нового этапа стала открытая демонстрация Западом наплевательского отношения к международному праву, к тем самым нормам, которые они выработывали – гуманитарная составляющая, права человека» («*A major feature of this new era is an open demonstration of the West's disregard for international law and the very norms that were developed in the West, such as the humanitarian aspects and human rights*») [4].

При переводе негативно – коннотированное словосочетание с разговорным прилагательным *наплевательское отношение* передаётся с помощью нейтрально-окрашенного литературного термина *disregard*. Личное местоимение множественного числа *они* заменяется лексемой *the West*.

Лексико-семантические трансформации часто реализуются путем калькирования, конкретизации, модуляции.

3. «Мы видим, что санкционная политика — это *конёк* целой отрасли политических лоббистов в Вашингтоне. Дело про «Новичок» и т.н. «дело Скрипалей» подверстывается в эту санкционную машину» («*We can see that the sanctions policy is the focal point of an entire group of political lobbyists in Washington. Novichok and the "Skripal case" are simply fed into that sanctions machine*») [3].

В примере метафора *конёк* расширяется до словосочетания *focal point*. Личное местоимение *мы* – *we* противопоставлено топониму *Washington*, метонимично олицетворяющему представителей политической элиты США. Сложная негативно – коннотированная метафора *санкционная машина* передается посредством калькирования. Глагол в переносном значении *подверстываться* переводится пассивной залоговой конструкцией с эквивалентным глаголом *feed* (*подкармливать*).

4. «Эта тема была хорошо разогрета, по понятным причинам. Безусловно, эти *внутриполитические игры* касаются нашей страны» («*Properly speaking, the "Russian theme" is the pivot of the entire domestic political stand-off in the US. These domestic political games certainly relate to our country*») [5].

Первое предложение приведённого фрагмента существенно расширено. Выражение *по понятным причинам*, имеющее криптолалический характер в русском варианте, заменено конструкцией в формальном стиле *properly speaking*, не несущим заложенной в исходном языке смысловой нагрузки, метафора *разогреть* опущена при переводе. Данные опущения компенсируются приёмом конкретизации, *эта тема* заменяется на *the Russian theme*, и приёмом модуляции, описательной конструкцией *the pivot of the entire domestic political stand-off in the US*, для развития смысла высказывания.

Таким образом, переводы текстов брифингов Министерства иностранных дел РФ нацелены на адекватную передачу информации, в том числе табуированной. Часто применяются прямые номинации при передаче табуированных смыслов, осуществляется дословный перевод, точный подбор эквивалентов. При этом можно отметить тенденцию к редуцированию определённой степени экспрессивности. Для этого используется ряд переводческих приёмов, таких как генерализация, модуляция, замены, опущения, которые переводчики стараются восполнить различными компенсаторными приёмами.

Список литературы

1. *Алексеева И.С.* Введение в переводоведение: учеб. пособие для вузов / И.С. Алексеева. – Санкт-Петербург: филологический факультет СПбГУ; Москва: Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.
2. *Бархударов Л.С.* Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода: уч. пособие / Л.С. Бархударов. – Москва, Международные отношения, 1975. – 240 с.
3. Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой, Москва, 9 августа 2018 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3316569
4. Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой, Москва, 15 марта 2019 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3573250
5. Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой, Москва, 7 марта 2019 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3562173
6. *Гришаева Л.И.* Культурные табу и их влияние на результат коммуникации: сб. науч. трудов. / Л.И. Гришаева, Л.В. Цурикова. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2005. – 304 с.
7. *Дементьев В.В.* Непрямая коммуникация: монография / В.В. Дементьев. – Москва: Гнозис, 2006. – 376 с.
8. *Дзенс Н.И.* Теория и практика перевода: учеб. пособие/ Н.И. Дзенс, В.А Перевышина, В.А. Кошкарров. – Санкт-Петербург: Антология, 2007. – 560 с.
9. *Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты): Учебник / В.Н. Комиссаров – Москва: Высшая школа, 1990. - 253 с.
10. *Латышев Л.К.* Технология перевода: уч. пособие / Л.К. Латышев. – Москва: 2001. – 314 с.
11. *Левицкая Т.Р.* Проблемы перевода: учебное пособие / Т.Р. Левицкая, А.М. Фитерман. – Москва: Международные отношения, 1976. – 208 с.
12. *Попова Я.В.* Коммуникативная обработка табуированных речесмыслов в институциональном дискурсе: дисс. канд. филол. наук 10.02.19 / Попова Яна Викторовна. – Красноярск, 2014. – 240 с.
13. *Рецкер Я.И.* Пособие по переводу с английского языка на русский язык: уч. пособие / Я.И. Рецкер. Москва: Эксмо – 2003. – 168 с.

10.02.19

¹К.Н. Бурнакова д-р филол. наук, ²Т.Н. Боргоякова канд. филол. наук

¹Московский городской педагогический университет,
Институт иностранных языков,
кафедра раннего изучения иностранных языков,

² Федеральный институт развития образования РАНХиГС при Президенте РФ,
Центр национальных проблем образования,
Москва, klara_burnakova@mail.ru, borgatyana@rambler.ru

ЗНАЧЕНИЕ НЕОЧЕВИДНОСТИ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ В ЯЗЫКАХ ЮЖНОЙ СИБИРИ

В статье рассматривается специфическая форма глагольного времени на -тыр/-п-тыр, которая является общей для тюркских языков народов Южной Сибири. По сравнению с другими формами прошедшего времени, ее особенность заключается в лаконичности и в четком представлении отстраненности говорящего от главных персонажей сказки, а также от пространственно-временных рамок описываемых событий. Типологический анализ показал, что эта форма принципиально отличается по своим функционально-семантическим критериям и имеет специфические особенности в употреблении, существенным образом меняя ход событий и обозначая новый поворот в главной сюжетной линии сказки в родственных языках.

Ключевые слова: *временная форма глагола, текст сказки, значение неочевидность.*

Традиционно сказки начинаются с формы прошедшего времени на -тыр/-п-тыр. Эта форма может использоваться в простых и сложных предложениях в составе конечного глагольного сказуемого в хакасском языке [1]. В зачине проанализированных сказок (80%) используется именно эта форма, которую принято называть формой прошедшего «заглазного» на -тыр [3, с.218]. Она считается одной из специфических показателей прошедшего времени не только в хакасском языке, но и в других тюркских языках Южной Сибири. [5, с. 173-174; 3, с. 374]. Для наименования данной временной формы тувинского глагола А.А. Пальмбах и Ф.Г. Исхаков употребляют термин «прошедшее повествовательное время на -п-тыр». Они полагали, что термин «заглазное время» для него не подходит, аргументируя это тем, что говорящий сообщает о каком-либо событии «не только со слов других, но в равной мере – как очевидец или действующее лицо». Далее обосновывая это утверждение, авторы грамматики отмечают, что для её характерен «момент неожиданности действия и напряженности речи», который в русском толковании реализуется с помощью смысловой схемы: «и вот (и вдруг) происходит то-то, то-то», «оказывается, случилось то-то и то-то». [3, с. 374]. Отмеченный для тувинского языка «момент неожиданности действия и напряженности речи» не является главным компонентом её семантической структуры для хакасской аналогичной формы. В хакасском языке основным для данной формы является значение «неочевидности», благодаря которой говорящий позиционирует себя в качестве посредника, осуществляющего передачу информации о действиях и событиях прошлого, свидетелем которых он лично не был. В процессе повествования эта форма глагольного времени позволяет говорящему решить несколько задач: избавляет от необходимости снова и снова повторять, что он лично не был свидетелем тех событий, о которых говорится в сказке; представляет собой удобный способ выражения отсутствия достоверного источника информации о передаваемом действии; выражает неуверенность в том, что действие происходило или было иллюзорным, а также является средством выражения корректности в обращении с имеющейся информацией.

Рассмотрим её функции на примере народных сказок, записанных от сказителей разных территорий Хакасии [4]. В самом начале сказки независимо от диалектной принадлежности подавляющее большинство сказителей отдают предпочтение использованию формы прошедшего времени на *-тыр/ -нтыр* в качестве наиболее удобного и выразительного средства для погружения слушателя в пространственно-временные рамки повествования сказки. Преимуществом использования в зачине формы на *-тыр/-нтыр* по сравнению с другими формами прошедшего времени заключается в лаконичности и в четком представлении отстраненности говорящего от главных персонажей сказки, а также от пространственно-временных рамок описываемых событий, например: *Хаан-да Хара Еес хазында Харай теен кизи чуртап=тыр.* (4, с. 51) ‘Когда-то у побережья Хара Уус жил=оказывается человек по имени Харай’. Это первое предложение зачина сказки, которое может сопровождаться одним или несколькими другими предложениями. Все конечные сказуемые при этом как в простых, так и сложных предложениях, относящиеся к зачину, чаще всего оформляются формой глагольного времени на *-тыр/-нтыр* или возможно чередование с другими временными формами. Однако сказуемое последнего предложения будет оформлено формой *-тыр/-нтыр*. Изменение временной формы конечного сказуемого будет означать начало основной сюжетной линии сказки.

В дальнейшем эта временная форма может быть использована только в развязке или в тех фрагментах текста, которые ведут к заключительному финалу, например: *Пу хахан-хахан иргиде полиан, чоохха кирген ниме полтыр.* (4, с. 47) ‘Это произошедшее когда-когда в старину, ставшее легендой дело было=оказывается’. Указанное предложение обычно является предпоследним утверждением в завершении сказки.

Иногда форма на *-тыр* может использоваться также для введения новых действующих лиц, событий, явлений и пр., которые существенным образом меняют ход событий и обозначают новый поворот в главной сюжетной линии сказки, например: *Мондай ханныу ниме кјрхеу кизи полтыр* (4, с. 17) ‘Был=оказывается у царя Мондая человек, который следил за имуществом’. Этот человек представляет собой новое действующее лицо, который активно вовлекается во все последующие события, связанные с главным героем. При этом интересно заметить, что форма на *-тыр/-нтыр* повторно уже не используется в таком фрагменте текста.

Особый случай употребления анализируемой формы связан с её ролью в прямой речи, где говорящий в процессе общения, наблюдения за событиями, фактами или людьми, приходит к определенным выводам, умозаключениям и выявлению истинного положения состояния, ситуации и др., например: – *Че, адай, син тулбар атты таныпча полтырзыу.* (4, с. 19) ‘– Ах, собака, ты распознаешь=оказывается лучшего / богатырского скакуна.’

Из этого примера следует, что говорящий приходит к определенному умозаключению, наблюдая за тем, кому было приказано найти скакуна, но собеседник не желал раскрывать свои способности.

По утверждению авторов грамматики тувинского языка форма *-тыр/-нтыр* тоже широко используется в сказках – в зачине, во всем ходе изложения и в концовке, но, как правило, в качестве глагольной формы прошедшего повествовательного времени для передачи событий и происшествий, которые часто сменяют друг друга [3, с. 374]. В хакасском же языке аналогичная форма, несмотря на некоторые совпадения в сфере функционирования, имеет свои особенности и весьма ограниченное употребление, её функции не связаны с повествованием всей истории целиком и полностью. В каждой сказке частотность употребления формы на *-тыр/-нтыр* составляет примерно 2-5 %, поскольку она может быть использована: в зачине от одного до примерно семи раз; в процессе раскрытия основного содержания сказки от одного до приблизительно трех раз; в заключительной части чаще всего один раз.

Таким образом, хакасские сказители используют формы прошедшего времени на *-тыр/ -нтыр* в качестве наиболее удобного и выразительного средства для погружения слушателя в пространственно-временные рамки повествования сказки. Преобладание данной формы по

использованию в тексте сказки кроется в её функционально-семантическом употреблении и заключается в лаконичности, а также в четком представлении отстраненности говорящего от главных персонажей сказки. Как правило, все конечные сказуемые, относящиеся к зачину, чаще всего оформляются этими формами глагольного времени, однако сказуемое последнего предложения будет оформлено формой на *-тыр/-птыр*. В дальнейшем данная временная форма может быть использована только в развязке или в тех фрагментах текста, которые ведут к заключительному финалу. Следующей особенностью форм на *-тыр/-птыр* является то, что она используется для введения новых действующих лиц, событий, явлений и пр., которые существенным образом меняют ход событий и обозначают новый поворот в главной сюжетной линии сказки, а также эти формы употребляются в прямой речи действующего лица в процессе общения, для наблюдения за событиями, фактами или людьми, которые приводят к определенным выводам, умозаключениям и выявлению истинного положения состояния, ситуации и др.

Работа выполнена в рамках проекта 18.16 «Разработка концептуальных основ двуязычной общеобразовательной деятельности на языках из числа языков народов России», осуществляемого в рамках государственного задания РАНХиГС.

Список литературы

1. *Боргоякова Т.Н.* Способы выражения временных отношений между двумя событиями. – М.: Изд-во РУДН, 2002. 174 с.
2. Грамматика хакасского языка. – М.: Наука, 1975. – 418 с.
3. *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. – М.: Изд-во вост. лит., 1961. – 472 с.
4. *Хара Паар.* – Абакан: Красноярское книжное издательство Хакасское отделение, 1979. – 127 с.
5. *Чистяков Э.Ф.* Учебник шорского языка. – Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1992. – 319 с.

10.02.19

И.В. Варуха канд. филол. наук, Ю.Х. Шамсутдинова

Башкирский государственный университет,
Факультет романо-германской филологии,
кафедра английского языка и межкультурной коммуникации,
irinavarukha@yandex.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭМОТИВОВ СТРАХА ВО ФРАНЦУЗКОМ ЯЗЫКЕ

Статья рассматривает лексические единицы, которые входят в семантическое поле эмотивов страха во французском языке. Делается попытка дать определение данного эмоционального состояния, а также выявить смежные концептуальные сферы. Дается описание семантического поля «страх», объясняются особенности лексических единиц, составляющих данное поле во французском языке. Проводится анализ дефиниций эмотивной лексики, с целью выделить интегральные и дифференциальные семы, представляющие собой атрибутивные признаки исследуемой категории.

Ключевые слова: *эмотив, семантическое поле, сема, категория.*

Лингвистическое исследование лексических единиц представляет собой непростую задачу для исследователя в силу аморфного характера лексики любого языка, в том числе слов обозначающих эмоции. Таким образом, прежде чем приступить к исследованию лексических единиц языка, обозначающих страх, представляется необходимым определить соответствующую категорию для идентификации ее объектов.

Страх представляет собой одну из самых сильных человеческих эмоций, которая связана с инстинктом сохранения и чувством безопасности. Следовательно, эта эмоция возникает в ситуациях угрозы биологическому или социальному существованию индивида и направлена на источник действительной или воображаемой опасности. В зависимости от характера угрозы интенсивность и специфика переживания страха варьирует в достаточно широком диапазоне оттенков: опасение, боязнь, испуг, ужас [3]. Существуют прочие виды эмоций, такие как тревога, волнение, смятение, растерянность и т.д., которые, подобно страху, возникают при предвосхищении опасности. Поэтому психологическое состояние страха зачастую сопровождается подобными эмоциями (ср., например: *оторопь* «состояние крайней растерянности, замешательства, испуга (разг.)» [6]; *anxiété* «*inquiétude pénible, tension nerveuse, cause par l'incertitude, l'attente, angoisse*» [7]). Испытывая страх, субъект переживает сильное эмоциональное возбуждение, однако если источник опасности не определен или не осознан, возникающее состояние называется тревогой. Страх по сравнению с другими человеческими эмоциями способен оказывать наиболее сильное воздействие на человеческое поведение, так как будучи предупреждением о предстоящей опасности, позволяет сосредоточить внимание на ее источнике, побуждает искать пути ее избегания.

В данной статье рассматривается семантическое поле «страх» во французском языке. На предварительном этапе исследования методом фронтального анализа из толковых словарей были выделены лексические единицы, обозначающие данную эмоцию, которые помимо интегральной семы «страх», определяются категориальными (частеречными) семами, а именно, процессуальные единицы, например, *apprehender, avoir le trouillomètre à zéro, avoir les chocottes, avoir les foies, blanchir de peur, claquer des dents, craindre, être blanc de peur, être mort de peur, trembler dans sa culotte* (всего 52 единицы); субстантивные единицы, например, *crainte, effarouchement, effroi, épouvante, frayeur, froussard, horreur, intimidation, peur, tremblement, trouille, venette* (всего 21 единица); адективные единицы, например, *affreux, apeuré, craignos, craintif, effaré, effrayé, effroyable, épeurant, horrible, intimidateur, peureux, tremblant, trouillard* (всего 26 единиц). Следует отметить, что исследуемое семантическое

поле является сложным по своему составу и представляет собой межчастеречную группу слов, связанную между собой общим семантическим стержнем [1]. В дальнейшем анализе подвергаются словарные дефиниции (значения) выделенных лексических единиц.

Категории и объекты категорий отличаются наборами атрибутивных признаков, которые отражены в дифференциальных семах и образуют семемы соответствующих наименований. Дифференциальные семы семантического поля образуют оппозиции, основными из которых являются *тождество*, *включение*, *пересечение* и *дизъюнкция*; эти оппозиции образуют различные типы семантических структур. Такие семы можно логически классифицировать, однако их выделение представляет определенную трудность. Эта трудность обусловлена тем, что асистемный характер лексики приводит к смешению языковой и внеязыковой информации, то есть «ближайших» и «дальнейших» значений (в понимании А.А. Потебни) в толкованиях значений лексических единиц.

Выделение дифференциальных семантических элементов можно осуществлять в два этапа. На первом этапе производится процедура разбиения категории или общего множества (например «СТРАХ») на подмножества для выделения дифференциальных элементов, по характеру которых выделяются подмножества в общем множестве [5]. На втором этапе происходит семантико-логическое разбиение множества на соответствующие подмножества. Разбиением, как указывает Т.П. Ломтев, называется «такое разделение общего множества на собственные подмножества, которое удовлетворяет следующим трем условиям: а) подмножества общего множества не должны пересекаться; б) сумма подмножеств должна равняться общему множеству; в) подмножествами общего множества не должны быть само множество и пустое множество [4].

В результате исследования эмотивов страха во французском языке данное семантическое поле можно разбить на следующие дифференциальные семы:

1. (М) Множество СТРАХ → 1) Состояние (чувство) страха; 2) Приведение в состояние (чувство) страха.
2. (М) Множество СТРАХ → 1) Состояние (чувство) страха или приведение в состояние (чувство) страха; 2) Субъект, испытывающий состояние (чувство) страха.
3. (М) Множество СТРАХ → 1) Сильная эмоция; 2) Слабая эмоция.
4. (М 1.1.) Состояние (чувство) страха → 1) Физиологическая реакция; 2) Поведенческая реакция.
5. (М 1.1.) Состояние (чувство) страха → 1) Внезапное состояние; 2) Постоянное состояние.
6. (М 1.1.) Состояние (чувство) страха → 1) Склонность к состоянию; 2) [Другой тип].

Примечание: знак квадратных скобок показывает отсутствие разбиения помещенного в скобках подмножества.

Данный метод, основанный на последовательной логической процедуре разбиения общего множества «страх» и соответствующих подмножеств («состояние страха», «каузирование субъекта к состоянию страха», «реакция, вызываемая страхом», «поведенческая реакция» и т.д.), позволяет выделить *атрибутивные признаки выделяемых категорий*. С точки зрения функции атрибутивные признаки можно разделить на 2 вида: 1) **необходимые и достаточные дифференциальные признаки**, включающие в себя дифференциальные признаки, общие для всех объектов каждой категории (признаки первого порядка), и дифференциальные признаки, различающие между собой объекты категории (признаки второго порядка); 2) **типические признаки**, соответствующие прототипическим свойствам объекта категории. В терминах компонентной семантики дифференциальные признаки первого порядка представляют собой интегральные семы семантического поля, а дифференциальные признаки второго порядка представляют собой дифференциальные полевые семы [2]. Такой окончательный список образует универсальный инвентарь атрибутивных признаков категории, позволяющий проводить разнообразные лингвистические анализы соответствующей лексики, которая представляет определенную концептуальную сферу в любом языке.

Список литературы

1. *Варуха И.В.* Анализ языковой значимости (на примере семантического поля «страх» в английском, русском и французском языках) // *Казанская наука.* №2 2017г. – Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом, 2017. – С.41-43
2. *Варуха И.В., Шамсутдинова Ю.Х.* Компонентный анализ субстантивных эмотивов страха в английском, русском и французском языках// *Языковые единицы в свете современных научных парадигм: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (г.Уфа, 20 декабря 2018 г.)/* отв. ред. Р.А. Газизов. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. – С.17-23
3. *Варуха И.В.* Сопоставительный анализ словообразовательных моделей структурно мотивированных моноксем// *Сопоставительно-типологический ракурс в исследовании разноструктурных языков: материалы международной научно-практической конференции 23-24 апреля 2018 г., Уфа/* отв. ред. Е.А. Морозкина - Уфа, 2018. – С.53-56
4. *Ломтев Т.П.* Принципы выделения дифференциальных семантических элементов // *Общее языкознание: Хрестоматия.* - Минск, 1976. – С. 398-414.
5. *Шафиков С.Г.* Лексическая типология языков: Монография. – Уфа, 2004. – 198 с.
6. Современный толковый словарь русского языка под редакцией С.А. Кузнецова. – М., 2004. – 959 с.
7. Nouveau Grand Robert: Dictionnaire de la langue français. – Paris: Le Robert, 2010.

10.02.19

М.К. Васильева, Л.А. Спектор канд. филол. наук

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
институт зарубежной филологии и регионоведения,
кафедра французской филологии,
Якутск, libondarenko@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА ВО ФРАНКОЯЗЫЧНЫХ РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНАХ

Статья посвящена исследованию языковой игры во франкоязычных рекламных слоганах. Предпринята попытка проанализировать и объяснить те или иные приемы, на которых основана языковая игра. Наиболее часто встречающимися приемами являются омонимия, с помощью которой достигается эффект игры слов, прием паронимии и, реже, использование прецедентных текстов.

Ключевые слова: *языковая игра; рекламный слоган; омонимия; омофония; паронимия; пословица; названия известных произведений.*

На сегодняшний день реклама является неотъемлемой частью современного мира. Она сопровождает нас практически везде: если мы выйдем на улицу, то непременно столкнемся с афишами, баннерами, объявлениями, всякого рода листовками. Её можно слышать по радио, видеть при просмотре передач по телевидению, и даже во время прослушивания музыки. Очень часто она бывает назойливой и навязчивой, но обойтись без нее невозможно, поскольку реклама играет важнейшую роль в продвижении того или иного продукта.

Слово реклама происходит от латинского «*reclamo*» и означает “громко выкрикивать, звать, призывать”. Уже в названии кроется основное ее предназначение: информирование, распространение каких-либо сведений без согласия слушателей.

Чем ярче, чем оригинальнее реклама – тем успешнее и быстрее будет продаваться продукт. И здесь не последнее место принадлежит рекламному слогану. Наиболее креативные маркетологи, чтобы разнообразить рекламный слоган, часто используют прием языковой игры. Слоган, созданный при помощи этого приема, будет отличаться от остальных и привлекать внимание большего количества людей своей оригинальностью и индивидуальностью.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что при всем многообразии подходов к изучению рекламного текста, приемы передачи языковой игры во французских рекламных слоганах остаются недостаточно описанными и требуют отдельного изучения.

Целью данной статьи является выявление и анализ способов передачи языковой игры во франкоязычных рекламных слоганах.

Рекламный слоган представляет собой короткую фразу, в сжатом виде излагающую основное рекламное предложение и входящую во все сообщения в рамках рекламной кампании [3, 97]. Успешный рекламный слоган создается при помощи оригинальных слов, словосочетаний или даже предложений, а они, в свою очередь, с помощью игры слов. Ю. К. Пирогова определяет языковую игру как “осознанное нарушение языковых норм, правил речевого общения, а также искажение устоявшихся речевых выражений с целью придания сообщению больше экспрессивной силы” [4, 167]. Таким образом мы видим, что любое намеренное нарушение (орфографическое, стилистическое, этическое и т.д.) создает экспрессию в рекламном тексте. В языковой игре нет места однообразию и клише, поэтому слоганы, созданные таким способом, запоминаются быстро. Наряду с этим, языковая игра дает простор для творчества и новаторства, что также повышает интерес к рекламному тексту и ведет к запоминаемости товара.

Определить, в чем состоит языковая игра в иноязычных рекламных слоганах, зачастую бывает трудно не только для тех, кто изучает язык, но и для тех, кто свободно на нем разговаривает. И чтобы понять, где “игра”, нужно, во-первых, внимательно изучить каждое слово, во-вторых, проговорить слоган несколько раз вслух, чтобы уловить игру слов, если таковая имеется.

Наиболее распространенным видом языковой игры во франкоязычных слоганах является прием омонимии. Выделяют следующие типы омонимов: омофоны (фонетические омонимы), омографы (графические, буквенные омонимы), омоформы (совпадающие грамматические формы разных слов или одного слова) [6, 45].

Рассмотрим следующие примеры.

1. Реклама всемирно известной марки американской машины Форд. Игра слов слогана “*C’est fort, c’est Ford*” основана на приеме омофонии, так как невозможно на слух отличить друг от друга слова “fort” и «Ford», которые во французском языке произносятся совершенно одинаково [fo:r]. В переводе на русский язык слово “fort” означает “сильный, сила”, “Ford” – название марки машины. Приблизительный перевод слогана звучит следующим образом: Форд – это сила (сильно). Мы знаем, что для перевода прием языковой игры представляет большую сложность, поскольку передать на другой язык игру слов чаще всего бывает невозможно.

2. Рекламный слоган “*Il n’y a que Maille qui m’aille*” относится к этой же категории. “Maille” – так называется французская фирма, выпускающая маринованные огурцы. Омофония здесь наблюдается в созвучии имени фирмы “Maille” и глагола “m’aille” (глагол *aller* (*идти*) в сослагательном наклонении в 3 лице единственного числа), перед которым используется приглагольное местоимение *me*, что означает “мне подходит”. Дословный перевод слогана - мне подходит только Май. Любопытно, что на российском рынке данный рекламный слоган в русском варианте звучит несколько по-другому: “Только Маиль может заставить меня улыбнуться”. Сложно сказать, откуда взялся подобный перевод, к тому же здесь допущена еще и фонетическая ошибка: название фирмы Maille [maj] транскрибировано неправильно. Особенность языковой игры на основе приема омофонии заключается в том, что ее практически невозможно передать на другой язык, сохраняя при этом и созвучие, и смысл.

3. Существует еще один прием языковой игры (парономазия), который совмещает в себе рифму и частичную омофонию. Этот прием широко используется в рекламных текстах. Парономазия – стилистическая фигура, состоящая в комическом или образном сближении слов, которые вследствие сходства в звучании и частичного совпадения морфемного состава могут иногда ошибочно, но чаще каламбурно использоваться в речи [7]. На приеме парономазии основан слоган “*Si juvabien, c’est Juvamine*”. Известно, что языковая игра допускает намеренное изменение в структуре слова. Именно это мы видим в следующем примере. Во французском языке не существует слова “*juvabien*”, но любой человек, владеющий французским языком, поймет, что в этом слове слышится фраза “*je vais bien*”, что в переводе означает “у меня все в порядке”. Создатели рекламного слогана подошли очень креативно, создав новое слово “*juvabien*”, которое становится схожим по форме и звучанию со словом “*Juvamine*” – названием витаминов. Приблизительный перевод на русский язык данного слогана будет следующим: “Если у меня всё в порядке, то это благодаря витаминам Жювамин”.

4. Как вариант языковой игры французы часто используют рифмовку. Рифма облегчает восприятие рекламного слогана из-за созвучия двух или нескольких слов, что делает его достаточно легким для запоминания. К примеру, знаменитый слоган сети оптик, основателем которой является известный французский предприниматель Ален Афлелу: “*On est fou, d’Afflelou*”, что в дословном переводе означает “Мы без ума от Афлелу”. Как мы видим, фамилия Афлелу рифмуется со словом “fou” (безумный, сумашедший) и напоминает строчку из шуточной песенки. Слоган легко ложится на слух, является достаточно привлекательным, быстро запоминается. Благодаря такому удачному слогану, рекламная компания приобрела

невиданный размах, а сеть оптик быстро снискала огромную популярность.

5. Довольно часто встречается прием передачи языковой игры при помощи использования прецедентных текстов (пословицы, названия известных произведений).

“*L'appetit vient avec Vivagel*” - в этом слогане произошла замена фразы “en mangeant” на имя фирмы, производящей замороженные продукты питания “Vivagel”. В оригинальном варианте пословица звучит следующим образом: “*L'appetit vient en mangeant*” (“аппетит приходит во время еды”). В итоге у нас получается следующий перевод слогана: “Аппетит приходит с Виважель”.

6. “*Aide-toi, Contrex t'aidera*” – слоган, основанный на французской пословице “*Aide-toi et le ciel t'aidera*”, что означает “помоги себе и Бог тебе поможет”. Языковая игра в этом случае осуществляется путем замены слова “*le ciel*” (небо) на “*Contrex*” – имя фирмы, выпускающий минеральную воду.

7. “*A la recherche du teint perdu*”, – слоган косметической компании, которая выпускает тональные крема. Чтобы привлечь внимание потребителей, был создан слоган на основе названия романа Марселя Пруста “*A la recherche du temps perdu*” (“В поисках утраченного времени”). В названии романа было заменено слово “*temps*” (время) на “*teint*” (цвет лица). К тому же слова “*temps*” (время) на “*teint*” (цвет лица) – омофоны, произносятся одинаково. Дословный перевод слогана на русский язык будет выглядеть следующим образом: “В поисках утраченного цвета лица”.

Подводя итог, хочется еще раз подчеркнуть, что создание рекламного слогана, который действительно привлекает внимание потенциального потребителя и запоминается своей оригинальностью, является трудной задачей, требующей от маркетологов большой креативности и неординарного подхода. Использование языковой игры как средства усиления экспрессивности слогана указывает на то, что языковая игра является важным приемом повышения результативности воздействия современного текста, способом реализации индивидуального стиля.

Список литературы

1. Амири Л.П. Омонимия как один из полюсов на шкале неоднозначности языковой игры в рекламе // Вестник славянских культур. – Вып. №1(35). 2015. С. 110-121.
2. Жаркова Т.И. Языковые средства французской рекламы [Электронный ресурс]. URL: <http://festival.1september.ru/articles/310017/> (дата обращения: 15.05.2019).
3. Морозова И. Слагая слоганы - М.: РИП-холдинг, 2002. С.97.
4. Пирогова Ю.К., Паришин П.Б. Рекламный текст, семиотика и лингвистика. М.: Издательство Гребенникова, 2000. С. 167-168.
5. Для чего нужны рекламные слоганы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.writemedia.ru/articles/artic-slogan/dlya-chego-nuzhn/?q=951/> (дата обращения: 10.05.2019).
6. Современный русский литературный язык / Под ред. П. А. Леканта — М., 2009. С. 45.
7. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://slovar.cc/enc/bse/2027573.html>

10.02.19

**А.В. Кириллова канд. филол. наук, С.В. Маслечкина канд. филол. наук,
Д.Е. Меренкова канд. филол. наук, М.В. Шурупова канд. филол. наук**

Государственный гуманитарно-технологический университет,
кафедра английской филологии и переводоведения,
Орехово-Зуево МО, mar4878@yandex.ru

КОНЦЕПТ “PRIVACY” В КОНТЕКСТЕ АНАЛИЗА АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

В статье рассматривается английская языковая картина мира, ее характерные черты и концепт “privacy” как наиболее специфичное отражение исследуемого понятия. Авторы отмечают богатое языковое воплощение данного концепта в английском языке, что подтверждает его ключевой характер в формировании английской культуры.

Ключевые слова: *языковая картина мира, концепт “privacy”, фразеология, дистантность.*

Культурные особенности любого народа, безусловно, определяются не только различиями в архитектуре, одежде, музыке, кинематографе, литературе и др. Прежде всего, воплощением культурной специфики являются сложившиеся ценности, традиции, мировоззрения, этические принципы.

Чтобы понять внутреннюю структуру жизни отдельно взятой этнической общности и принять те или иные нормы ее поведения, нам необходимо определить, к какому типу культуры она принадлежит. Чаще всего культуры рассматриваются в рамках индивидуализма-коллективизма [4, с. 40]. Их отличительными признаками могут выступать системы взглядов, взаимоотношения членов общества, культурные нормы и ценности, восприятие своей личности и индивидуальности. При этом стоит помнить, что подразделение культур не ограничивается только этими двумя типами.

Англоязычные народы являются классическими представителями индивидуалистической культуры. Как можно догадаться из названия, ключевым компонентом данного типа считается сам индивид и его интересы. Ведущую роль в жизни общества играет равенство и дистантность. Свое проявление эти понятия находят в установленном использовании пространства, то есть речь идет о расстоянии между людьми в процессе коммуникации. Основоположник межкультурной коммуникации как научной дисциплины, кросс-культурный исследователь Э. Холл выделяет 4 типа дистанций:

1. интимная (intimate) – обозначает расстояние между близкими людьми, которые говорят шепотом (расстояние от 40 см до прикосновения);
2. личная (personal) – характеризует процесс рукопожатия, при котором близкие люди, находясь в общественном транспорте, говорят не очень громко (от 40 см до 130);
3. социальная (casual) – обозначает расстояние между сотрудниками, коллегами, покупателем и продавцом и так далее, которые разговаривают в полную силу своего голоса (от 120 до 370 см);
4. публичная (public) – обозначает расстояние между докладчиком и аудиторией, подразумевая громкую и ясную речь, при этом возможно использование специальных электроакустических приборов (от 3,5 м) [6, с. 24].

Личная дистанция играет достаточно важную роль в межличностной коммуникации. Э. Холл дал ей образное обозначение – “bubble” (пузырь). Как отмечал исследователь, размер данной дистанции зависит от конкретно взятой культуры. Наибольшее свое проявление и, конечно, размер личная дистанция выражала в дистантных типах культур. Для англоязычных народов личное пространство играет ключевую роль в процессе выстраивания коммуникации. Ценность и неприкосновенность личной дистанции породили специальное понятие – “privacy” [3, с. 155].

Безусловно, потребность в неприкосновенности частной жизни можно считать общечеловеческим свойством, присущим в той или иной мере большинству людей. Сам концепт “privacy” многие исследователи связывают с понятием демократии, которая, как нам известно, во многих источниках описывается как олицетворением равенства, законности и свободы.

Обязательное сохранение дистанции в социальной жизни англоязычных народов, безусловно, отразилось и в языке, в частности, в устойчивых речевых оборотах и выражениях: *keep distance*, *stay clear of somebody* (держаться в стороне от кого-то), *give somebody a wide berth* (находиться на расстоянии от кого-либо), *get off somebody's back* (отстать от кого-либо) и др. Важно также отметить, что носители английского языка не только сами соблюдают дистанцию, но и контролируют или даже в некоторых случаях требуют ее соблюдения от других членов общества: *keep somebody at a distance*, *hold somebody at a distance*, *hold somebody at arm's length* (находиться от кого-либо на расстоянии вытянутой руки).

Отметим, что ни в русском, ни в других европейских языках нет точного эквивалента для слова “privacy”, который смог бы в полной мере раскрыть смысл и содержание данного понятия. Дж. Паксман отмечает специфичность данного слова в своих работах. По его мнению, ценность понятия “privacy” для англичан невероятно велика. Для исследователя странным остается факт того, что до сих пор оно не регулируется на законодательном уровне. Также журналист отмечает, что данное понятие пустило корни буквально во все сферы жизни англичан, начиная с верховной власти и заканчивая повседневной жизнью простых граждан [1, p. 20].

А. Вежбицкая выделяет в своих работах личное пространство англичан как один из важнейших компонентов существования английского общества. Лингвист также отмечает, что под понятием “privacy” подразумевается прежде всего идеологический характер, а не описательный, как можно было предположить [2, p. 411]. И это действительно так, поскольку данное явление содержит в себе систему взглядов, специфику человеческих отношений, а также устанавливает нормы поведения, необходимые для осуществления полноценного коммуникативного взаимодействия.

Становится очевидным, что неординарность понятия “privacy” представляет собой сложную систему, состоящую из ряда моральных установок, целью которых является не допустить необоснованного сближения людей в прямом смысле этого слова. Этих установок англичане придерживаются практически в любых обстоятельствах. Английские фразеологизмы и пословицы являются отражением той самой недопустимости вторжения в личную жизнь человека: *mind one's own business* (не вмешиваться в чужие дела), *keep one's nose out of something* (не совать нос в чужие дела), *keep your breath to cool your porridge* (не вступать в чужие дела). Многие англичане вообще не склонны к близким отношениям и относятся к ним не так добродушно, как другие национальности. В этой связи можно выделить английскую пословицу “*familiarity breeds contempt*” (чем ближе знаешь, тем меньше считаешь). Слово “privacy” также в большой степени представлено и в разговорном английском языке, поэтому достаточно часто можно услышать различного рода выражения. Например, “*My privacy is very important to me*”; “*Let me have some privacy*”; “*I did not say a word, I did not want to intrude on her privacy*”; “*He drinks a great deal in private*”, “*Privacy is very important to most teenagers*”, “*I waited until I was in the privacy of my own room*”, “*The new law is designed to protect people's privacy*” и др. Также можно встретить ряд сочетаний со словом *private*. Вот некоторые из них:

- *private property* – частная собственность;
- *private life* – личная жизнь;
- *private conversation* – конфиденциальный разговор;
- *private joke* – шутка между близко знакомыми людьми, смысл которой известен только им;
- *private information* – секретная информация.

Анализируя реализацию данного концепта в разных областях жизни человека, нельзя не отметить область литературы. Одним из самых ярких примеров мечты о “privacy” считается роман-антиутопия Джорджа Оруэлла «1984». В романе автор описывает воображаемую страну, действия в которой разворачиваются в будущем. Власти страны беспрерывно следят за людьми. Все дома сооружены из стекла, везде камеры и жучки, так называемая «полиция мыслей» контролирует буквально любой сделанный шаг. В обществе происходит пропаганда ценностей текущего строя, а точнее уничтожение событий прошлого и их перепись под новые уклады. События реальной жизни перекраиваются в угоду политическим интересам правящей элиты. В новой системе нет места индивидуальности. Из-за сложившейся ситуации главные герои не могут даже испытать на себе чувство любви, так как практически ежесекундно находятся в поле зрения «Большого Брата» (Big Brother). Его никто никогда не видит, но плакаты с надписью “Big Brother is watching you” развешены на каждом углу. Стоит отметить, что данное выражение прочно закрепилось в английском языке и теперь повсеместно употребляется для описания, например, начальства, которое не дает никакого личного пространства и постоянно за всем следит [5, с. 25–55].

На основании приведенных выше фактов можно утверждать, что понятие “privacy” является одним из ключевых аспектов англоязычной культуры и языковой картины мира. Данный концепт имеет свое отражение в языке и определяет специфику коммуникации. Именно с помощью этого понятия мы имеем возможность объяснить определенные особенности коммуникативного поведения англоязычного народа, а также узнать о нормах и правилах, установленных внутри данного общества.

Список литературы

1. *Paxman J.* The English: A Portrait of a People. – London: Penguin, 2007. – 238 p.
2. *Wierzbicka A.* Russian Culture Scripts: The Theory of Cultural Scripts and its Applications // *ProQuest Psychology Journals.* – №4. – 2002. – P. 401–432.
3. *Виссон Л.* Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур // *Пер. с англ.* – Изд. 3-е, стереотип. – М.: Р.Валент, 2005. – 192 с.
4. *Ларина Т.В.* Англичане и русские: язык, культура, коммуникация. – М.: Языки славянских культур, 2013. – 360 с.
5. *Оруэл Дж.* 1984; Скотный двор // *Пер. с англ.* В.П. Голышева, С.Э. Таска. – М.: АСТ, 2017. – 380 с.
6. *Садохин А.П.* Введение в теорию межкультурной коммуникации. – М.: Высшая школа, 2005. – 310 с.

10.02.19

Е.И. Кривошеева канд. филол. наук

Тихоокеанский государственный университет,
Факультет востоковедения и истории,
кафедра восточных языков,
Хабаровск, enl77@mail.ru

ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ПЕРЕВОДОВ ТРЕХСТИШЕЙ СИ ЧЖО С КОРЕЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В работе представлен сопоставительный анализ переводов стихотворений Си Чжо на русский язык, выделяются достоинства и определяются недостатки. Предлагается авторский подход к передаче символики образов указанного жанра на язык перевода.

Ключевые слова: *Си Чжо, перевод, фоносемантика, корейский язык.*

Художественный перевод для каждого поэтического жанра имеет определенные, годами выработанные закономерности и стратегии, которые на современном этапе представляет собой уже сложившуюся традицию. Однако помимо универсальных способов перевода – смыслового, знакового или их комбинаций, необходимо подключение и такого понятия, как национальный культурный контекст, который является немаловажным для качественной передачи содержания стихотворений с одного языка на другой.

Особую актуальность это приобретает в отношении классических литературных произведений стран Востока, где содержание пронизано символикой и скрытым смыслом, где бытие связано с природой, демонстрирующей изменчивость, а философская идея быстротечности жизни представляется в форме естественных природных процессов в их логической взаимосвязи и обусловленности [5, с.37].

Жанр корейских лирических стихотворений Си Чжо исторически представляет большую ценность для корейского народа и считается наиболее из совершенных стихотворных форм среди других стихотворных образований стран Дальнего Востока. Произведения являются уникальными в силу богатства стилистических фигур, воплощенных во многом благодаря особой фонетической структуре и композиционным особенностям.

В целом, переводы Си Чжо на русский язык характеризуются следованием следующим композиционным принципам: трехчленное распределение материала, сохранение ритма и мелодики, особая передача и грамматическое оформление последней строки. Переводчики стараются сохранить эмбриональную рифму и звуковое оформление корейского оригинального произведения, используя для этого такие приемы, как конкретизация, генерализация, а также метонимический перевод. С целью соблюдения тенденции корейского оригинала кратко и емко передавать основную мысль произведения, в русскоязычных текстах используются в основном односоставные неполные предложения [4].

В классической русской переводческой традиции Си Чжо представлены работами Ахматовой А.А. и Жовтисом А.Л. Несмотря на экспрессию в подаче образов первого автора и удачные рифмы второго, переводы имеют ряд недостатков. Возможно, причина кроется в отсутствии знаний корейского языка у обоих авторов, работавших по подстрочникам.

Так, рассмотрим перевод Ахматовой А.А. стихотворения «Пять моих друзей»:

Оригинал

나의 벗이 몇인가 헤아려 보니 수석과 송죽이라.
동산에 달이 밝게 떠오르니 그것은 더욱 반가운 일이다
나머지는 그냥 두어라. 이 다섯 외에 더 있으면 무엇하겠는가?

Перевод

*Мне друзья: бамбук зелёный,
Речка, камень и сосна.
А когда луна восходит,
Счастлив я тогда вдвойне.
И, поверьте, мне не надо
Больше никаких друзей [1].*

Налицо несоответствие объема оригинала объему перевода (трехстишие в оригинале и шестистишие при переводе). Но данная трансформация вполне оправдана, ибо каждый стих Си Чжо изначально подразделяется по смыслу на два тематически-смысловых блока, что дает основание переводчику разделить текст оригинала на два стиха. Несмотря на отсутствие рифмы автору удалось сохранить мелодику стихотворения.

С точки зрения семантики первое и второе двустишия являются тематически связанными: в первой части вводят читателя в тему произведения, во второй – дают развитие этой теме. Третье - является «грандиозной концовкой» Си Чжо и выражает основную мысль произведения через обращение, что соответствует тексту оригинала.

В целом Ахматова А.А. использует независимый метод поэтического перевода, иногда пренебрегая структурной композицией произведения. Возможно, это способствует более тонкой передаче эстетического содержания стихотворения, хотя стоит подчеркнуть, что ценность жанра Си Чжо заключается в своеобразии его структуры и ритма.

Обратимся к переводу Жовтиса А.Л. произведения «Когда болеет дерево»:

Оригинал

나무도 병이 드니 정자라도 설이 없다.
호화이 섰을 제는 올이 갈이 다 쉬더니
앞지고 가지 꺾은 후는 새도 아니 앓는다.

Перевод

*Когда болеет дерево,
Никто под ним не отдыхает у дороги,
А под здоровым деревом всегда
Прохожий ищет тени и приюта.
Но вот оно и без веток, без листвы,
И на него теперь не сядет птица [2].*

Подобно Ахматовой А.А., Жовтис А.Л. также трансформирует трехстишие в шестистишие, но внутренняя структура, в целом, соблюдена.

В переводе нет широкого применения стилистических фигур, как это подразумевается в оригинале. Финальный стих, предполагающий «грандиозный конец» недостаточно экспрессивен. В данной ситуации, оригинал также не имеет яркой стилистической окраски, но, необходимо учитывать, что Си Чжо исполнялись в сопровождении музыкальных инструментов, что, несомненно, добавляло экспрессии произведению.

В рассмотренных переводах проигнорирован фоносемантический аспект, важность которого объясняется традиционной особенностью корейского языка иметь глубокую семантическую наполненность фонетических единиц.

Предпримем авторскую попытку перевода Си Чжо с учетом комплекса особенностей рассматриваемого поэтического жанра. В качестве материала выбрано произведение средневекового корейского поэта Кан Ика:

물아 어디 가는 나갈 멀었어라
누누리 다 채워 지내노라 여홀여홀
창해(滄海)에 못 미친 전에야 그칠 줄이 있으라

В результате перевода с трансформацией трехстишия в шестистишие получился следующий вариант:

*Ответь же мне, быстротечная река,
В какие дали стремишься ты, куда?
Течешь, бежишь, не ведая преград,
Поток воды, бурлящий свой, неся.
И не дано тебе передохнуть,*

Покуда к морю бескрайнему не окончен путь.

Для придания образности нами была использована рифма. Для передачи на русский язык фонетического значения звуковой оболочки звукоподражания [여흠여흠] (в корейском языке «бурлить, быстро течь») обратимся к фоносемантическому анализу. Присутствующий в слове звук «г» имеет в корейском языке значение «гладкий, текучий, жидкий», а повторное его использование усиливает качественные характеристики образа. Эмотивный ореол, однако, не совпадает с семантикой звука [p] в русском языке, который имеет значения «тяжелый, грубый» [3], поэтому при переводе были подобраны лексические эквиваленты, сочетающие использование звуков «о» и «е», обладающие смягчающими свойствами и несущие значение «легкий, нежный», а звучание бурлящей реки передается через сочетание звуков [p] и [л]. Несмотря на несоблюдение структуры оригинала, все важные составляющие жанра Си Чжо, такие как образность, мелодика и символика звуков нашли свое отражение в переводе.

Далее, переведем это же стихотворение, но с сохранением оригинальной формы трехстишия:

О полноводный бескрайний поток! Мчишься далеко ль, ответь мне.

Водовороты кипят и бурлят, брызгая пеной седою.

Увы, не дано тебе отдохнуть до самого синего моря.

Данный вариант перевода наиболее удачен с точки зрения адекватности и эквивалентности, соответствующих жанру Си Чжо. Помимо сохранения оригинальной формы, отмечается широкое использование стилистических фигур, ярко отображающих существующие образы. Слова «бескрайний», «бурлят», «кипят», «брызгая» позволяют тонко передать настроение автора, вызывая гамму соответствующих слуховых ощущений. Был применен тот же фоносемантический анализ, что и в предыдущем варианте перевода. Безусловно, присутствует громоздкость и развернутость русского языка, которая не позволяет сохранить размер Си Чжо, даже при соблюдении формы трехстишия.

Таким образом, при переводе стихотворений жанра Си Чжо на русский язык, важно обращать внимание на сохранение и точную передачу их оригинальной формы, структуры и мелодики. Существенными элементами остаются: экспрессия произведения и передача эстетической информации, посредством применения множества стилистических фигур, особая система развития художественных образов в стихотворении. Неотъемлемой частью перевода должен стать и фоносемантический анализ, помогающий декодировать символику звуков, несущих в себе скрытые образы восточной литературы.

Список литературы

1. *Ахматова А.А.* Корейская классическая поэзия / Пер. А.А. Ахматовой / Отв. ред. А.А. Холодович. М.: Художественная литература, 1956. – 256 с.
2. *Жовтис А.Л.* Эхо. Стихотворные переводы: из поэзии Востока / пер. А. Л. Жовтис. – М.: Наука. – Восточная литература, 1987. – 273 с.
3. *Кривошеева Е.И., Шилинцева Е. В.* Выявление уровня иконичности звукоподражаний японского и корейского языков посредством психолингвистического эксперимента. Ученые заметки ТОГУ, Том 8 №4, ТОГУ, Хабаровск г, 2017. – с. 473 – 479.
4. *Концевич Л.Р.* Оригинал — подстрочник — художественный перевод и границы их адекватности // Восточная классика в русских переводах. Обзоры, анализ, критика. М.: Восточная литература РАН, 2008. С. 346—367.
5. *Разумовская В.А., Николаева А.С.* Эстетическая информация Сиджо как проблема перевода (на материале поэмы «Времена года рыбака») // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. №2. – с. 36-47.

10.02.19

Д.А. Розеватов канд. филол. наукПоволжский институт управления имени П.А. Столыпина,
Саратов, den18w@mail.ru**СКРИПТ «WAR» И ТЕНДЕНЦИИ ЕГО ЭВФЕМИЗАЦИИ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ США**

В статье исследуется скрипт «War» используемый в дискурсе политических деятелей и СМИ Соединённых Штатов Америки и тенденции его эвфемизации. Проводится сопоставительное исследование эвфемизмов в текстах американских СМИ.

Ключевые слова: *скрипт «War», эвфемизм, политический дискурс, концепт.*

Скрипт (сценарий) представляет собой разворачивающуюся во времени и пространстве последовательность эпизодов, этапов, элементов определенного события [3, 74]. Иными словами, сценарий – это фрейм в динамике его развития в соответствии с конкретной ситуацией, построенный на ролевом разделении и поведении его участников и содержащий определенный сюжет: завязку, кульминацию и развязку [1, 55]. Он также моделируется с опорой на словарные дефиниции, но предполагает выход на анализ текстового материала. В данной статье материал исследования представлен преимущественно дискурсом электронных СМИ – Интернет-версий газет и журналистских аналитических материалов, интервью политических лидеров США о военных действиях в Ираке 2000х годов. Данный материал показывает, что современные формы войны, наряду с традиционными (наступление, атака, бомбардировка и пр.) включают новые ее разновидности – психологические и информационные войны.

Современные формы войны имеют дискурсивное начало и развитие – ее признаки формируются и выражаются в дискурсах: политическом, в новостном дискурсе прессы и др. Дискурсивные основы любой современной войны представляют собой мощное средство достижения информационного, политического, идеологического и экономического господства. Местом ее проведения и одновременно целью является психика человека, что делает последствия таких дискурсивных войн гораздо более разрушительными.

Скрипт концепта war/война представляет собой последовательность нескольких этапов. Завязка традиционно предполагает вторжение / invasion, сопровождаемое ожесточенными военными действиями и боями (battle, attack), бомбардировками (bombing raids) и использованием оружия массового поражения (weapons of mass destruction). На фоне боев и сражений появляются фигуры их участников, которым грозит смертельная опасность, которые не могут предугадать дальнейший ход событий и потому испытывают сильнейшее напряжение. Выдержать его может не каждый, что может подтолкнуть человека к предательству и измене (traitor), дезертирству (deserter), чтобы не стать жертвой (victim). Кульминацией сюжета является либо завоевание (conquest) с последующей развязкой – оккупацией и аннексией (occupation, annexation), – либо отступление (retreat), развязка которого – поражение (defeat).

Скрипт как модель концепта «война» позволяет выделить шесть ключевых элементов, вырисовывающихся на общем фоне картины: invasion, attack, conquest, occupation, retreat, defeat. Войну можно рассматривать как базу (фон) по отношению к выделенным ключевым элементам (фигурам). При этом война осознается как цельный образ-гиперконцепт, что позволяет устанавливать аналогии между разными концептами, составляющими его или ассоциативно связанными с ним. Тогда выделенные шесть элементов можно рассматривать как ключевые концепты гиперконцепта «война», и добавить к ним еще один – people at war. В отличие от первых шести, данный концепт не представляет этап развития военных действий, но является их движущей силой.

Скрипт позволяет также выделить субконцепты выделяемых нами ключевых концептов, представляющих в англоязычной лингвокультуре антигуманные явления действительности. Негативное восприятие данных общественных явлений сознанием нормального человека приводит к тому, что все денотаты выделяемых нами концептов и субконцептов получают в обоих языках косвенную репрезентацию в виде эвфемистических замен [4, 48].

Цель политической риторики – манипуляция общественным сознанием, снятие социального напряжения, и эвфемизмы являются неотъемлемым компонентом этой риторики, который обозначается в английском языке термином *Doublespeak* (новояз), заимствованным из романа-утопии Джорджа Оруэлла «1984», – официальным языком тоталитарного государства, специально созданным для манипулирования гражданами.

Война в современном мире не называется своим именем открыто. Военные действия характеризуются как демократические и респектабельные, а отношение страны к развязываемой ею войне как правило отрицается. Это характерно как для России, так и для Европы, США и других стран, разрабатывающих политические эвфемизмы как часть технологии манипулирования сознанием путем изменения смысла слов и понятий. Из дискурса прессы исключается лексика с отрицательной коннотацией (война, наступление, оружие массового уничтожения), а вместо нее вводится нейтральная (конфликт, операция, устройство, умиротворение, наведение порядка и т. п.). Таким образом, создана виртуальная дискурсивная реальность, в контексте которой описываемые события (война) должны восприниматься аудиторией позитивно, что выгодно правящим элитам [2, 55].

Рассмотрим способы косвенной репрезентации ключевых концептов, составляющих гиперконцепт «война», в современном политическом дискурсе США.

1. Ключевой концепт *invasion* актуализируется следующими эвфемизмами: *peace-keeping action, fraternal assistance, pre-emptive self-defence (=unprovoked and without warning)* и т. п. Пример: *America is engaged in a mix of lower-combat, lower-risk peace enforcement* [<http://www.wsws.org/articles/2003/jun2003/blai-j07.shtml>]. Вторжение на территорию другого государства – проявление политики агрессии – в интерпретации политических лидеров США предстает как братская взаимопомощь, действия, мотивированные стремлением сохранить мир, упреждающие меры в целях самообороны. Выдвижение позитивных сем в политическом дискурсе служит прагматической цели – оказанию желаемого эффекта на аудиторию.

2. Проанализированный материал позволил выделить в ключевом концепте *attack*, обобщенно представляющем бой, два субконцепта: *armament* и *bombing raid*. Прямое наименование данного этапа войны также часто заменяется эвфемизмами, снимающими негативную оценку: *show, stunt (=battle), alternative defence, to return fire, air support*. Напр.: «He was watching the show over their right. Some of the new divisions ... had advanced through a gap» [<http://www.richards.the.freelibrary.com/Old-soldiers-never-/1-8#show>]. Факты использования оружия массового поражения маскируются следующими эвфемизмами, объективирующими субконцепты: 1) *armament: delivery vehicle (=a missile carrying a bomb), fish (a torpedo), anti-personnel weapon*; 2) *bombing raid: surgical strike, friendly fire (being bombed by your own side), denying the enemy (=bombing military targets in the hearts of cities)* и др. Например: «Fratricide is the act of killing our own. When a soldier drops a bomb or opens fire on his own fellow-soldiers – it's so called "friendly fire", so don't worry – be happy: "friendly fire" kills friendly» [<http://www.lib.umich.edu/spec-coll/index.html>]. Проведение атак квалифицируется как самозащита, адекватные действия на чужую агрессию, массированные бомбардировки уподобляются хирургическому вмешательству с хорошими намерениями.

3. Следующий концепт *retreat* актуализируется следующими эвфемизмами: *strategic withdrawal (=flight), strategic movement to the rear, tactical regrouping, to straighten the line (=to retreat under pressure)* и др. Синонимы, обеспечивающие сдвиг фокуса представления концепта и затушевывание нежелательного ядерного семантического компонента, позволяют подчеркнуть идею того, что и при неблагоприятном развитии ситуации она остается под контролем, что следование стратегическому плану позволит улучшить временно

затруднительное положение. Отступление, в результате, предстает не как паническое бегство, а как стратегический маневр.

4. В концепте *defeat* категоричность частично снижается эвфемистическими переименованиями: *defensive victory* (=the postponement of defeat), *coming of peace*, *political change* (= a humiliating defeat), *to fail to win* и т.п. Сдвиг фокуса в представлении позорной ситуации позволяет акцентировать идею наступающего мира, который стал возможен благодаря одержанной в бою оборонительной победе.

5. Ключевые концепты *conquest* и *occupation* репрезентируются эвфемизмами, что объясняется стремлением политиков обеспечить социальную приемлемость сопровождающих событий. Концепт *conquest* представлен следующими эвфемизмами: *absorption*, *to restore order* (=to invade and conquer), *to regularize*, *to pacify*, *to liberate* и т.д. Происходит редуцирование сем «завоевание», «покорение», акцент ставится на сопровождающие данные явления действия (установление порядка, стабилизация обстановки, восстановление мира и др.). Концепт *occupation* актуализируется следующими эвфемизмами: *rectification of frontiers* (=the annexation of territory by force), *to protect one's interests* (=to annex the territory aggressively), *to settle* (to conquer and appropriate). Так насильственное присоединение чужой территории принимает вид законных действий по корректированию границ. Например: «I should emphasize this conflict is not yet over. Iraq is a better place without Saddam. This was indeed liberation and the Iraqi people, given a chance, are as much in favour of freedom as people anywhere in the world. The citizens of Iraq are coming to know what kind of people we have sent to liberate them» [<http://www.whitehouse.gov/news/releases/2003/04es.html>].

6. Концепт *people at war* представлен двумя категориями людей: теми, которые совершают социально неприемлемые действия (субконцепты *traitor*, *deserter*, *victim*) и теми, кто находят в себе силы противостоять жестокой действительности (субконцепты *hero*, *defender*). В данном параграфе мы рассмотрим только первую категорию, что объясняется желанием сосредоточиться только на способах эвфемизации, т.е. косвенного представления соответствующих субконцептов в политическом дискурсе США.

1) *Traitors: collaborator, filth column*; 2) *to desert: to turn your coat, to hit the bricks, to go over the hill (the side), French leave* (=unauthorized absence); *victims: civilian impacting* (=the inadvertent killing or wounding of non-combatants), *collateral damage* (=killing or wounding civilians by mistake), *fratricide* (=inflicting casualties by mistake on your own troops), *expendable soldiers* (= soldiers whose lives may be sacrificed), *NYR* (not yet returned). Например: «This war is taking another toll on our soldiers – “collateral damage” usually means unavoidable civilian deaths, but in Iraq it has come to mean an alarmingly high rate of military suicides. Twenty-four Americans are known to have taken their own lives in Iraq in the past years» [<http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/articles/2004Apr.19.html>].

В современных дискурсивных формах войны прямые номинации военных событий и их участников используются с целью подорвать имидж идеологического противника, а эвфемизмы – с целью создать положительный имидж собственной армии и правительства. Таким образом, манипулятивная (дискурсивная) цель разделения оценок концепта «война» – разделить понятия «Мы» и «Они».

Итак, в дискурсе СМИ ограничители выполняют следующие функции: 1) ограничение ответственности говорящего за сказанное; 2) защита от ложных интерпретаций и критики. Выбор лексики лежит в основе дискурсивного создания и внедрения в сознание читателей стереотипов и предрассудков. Так, любое упоминание в прессе США о терроризме вызовет следующую ассоциацию: террорист – значат обязательно араб.

Таким образом, в дискурсе американских политиков за счет эвфемистического представления реализуется благоприятный для общественного сознания образ и сценарий войны в Ираке.

Список литературы

1. *Бабушкин А.П.* концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001.
2. *Жуков И.В.* Война в дискурсе современной прессы // Лингвистические исследования 2001 года: Сб. науч. тр. / Ред. А.П. Сытова. СПб.: Изд. ИЛИ РАН, 2001. - С.53-65.
3. *Попова З.Д., Стернин, И.А.* Очерки по когнитивной лингвистике. / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж : Истоки, Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. – 191 с.
4. *Харитонова В.Ю.* Концепт *war* и его косвенная объективация в англоязычной речевой культуре / В. Ю. Харитонова. – Германская филология: Межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: ООО Изд-во «Научная книга», 2006. – Вып. 1. – С. 42-54.

10.02.19

**Ф.А. Тугушева канд. филол. наук, Л.Х. Хараева д-р филол. наук,
А.Г. Хамурзова канд. педагог. наук**

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М.Бербекова,
кафедра немецкой и романской филологии,
fatima-tugusheva@rambler.ru

ОБРАЗОВАНИЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ НАРЕЧИЙ В СТАРОФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья освещает вопросы количественной оценки во французском языке в историческом аспекте. Каждый язык обладает языковым многообразием обозначения количества в языке. Особую группу лексических единиц, обозначающих неопределенное количество, составляют количественные наречия, которые находятся в различных отношениях между собой.

Ключевые слова: *категория количества, количественная оценка, сравнение количества.*

Язык обладает различными способами определения количества и количественной оценки реальных объектов действительности, а также других феноменов, относящихся к ментальной стороне жизни. Количественная оценка может найти языковое выражение как в виде конкретной цифры или единицы измерения, так и без ее уточнения. Оценка количества или части целого может быть выражена также при помощи сравнения с существующей в наивном сознании носителя языка условно принятой шкалой неопределенного количества (много-мало-достаточно). Количественные слова, образующие категорию количества, всегда привлекают внимание ученых-лингвистов. Особое значение имеют работы, касающиеся возникновения исследуемой категории и ее функции в языке, а также ее главенствующей роли в развитии науки. Актуальность изучения количественной характеристики окружающей действительности заключается в ее масштабе как универсальной когнитивной категории. В силу своей универсальности обсуждаемая категория носит общее название квантификации, которая получает отражение в языке и вариативное выражение в содержании языковых единиц различного уровня, в том числе и на уровне лексических единиц, выражающих число, множество, неопределенное количество [1]. Квантитативная категория вместе с категориями пространства и времени относятся к основным параметрическим и логико-семантическим категориям объективной действительности, языковая реализация которой является основным сегментом общей языковой картины мира, а также специальной научной, отражающиеся в языке на уровне лексики, грамматики и прагматики. Обычно рассматривают три оппозиции категории количества: 1) предметоколичество, представляющее собой счет предметов или его частей; 2) процессоколичество, обозначающее счет процессов; 3) признакоколичество, выражающее меру интенсивности предметоколичества или процессоколичества. Исходя из перечня оппозиций, лексические и грамматические ресурсы языков выражают количественные отношения, способные обозначать конкретное, конкретизированное и абстрактное количество. Конкретное количество выражается при помощи числительных, которые, являясь одним из инструментов количественной характеристики действительности, фиксируют выделимость, единичность, множественность исчисляемых объектов. Как пишет В.З.Панфилов: «Язык по своей самой природе возникает как средство осуществления абстрактного, обобщенного мышления, а чувственно-наглядные образы сами по себе не нуждаются в языковых средствах их становления и фиксации. Этап непосредственно-чувственного восприятия каких-либо конкретных множеств предметов и установления количественных различий между ними есть лишь предпосылка формирования категории количества как категории абстрактного, обобщенного мышления. Но при отсутствии на этом этапе понятий об определенных

количества («один», «два», «три» и т.п.) и соответствующих числовых обозначений лексического характера не могли возникнуть грамматические формы, которые бы фиксировали эти понятия в пределах грамматической категории числа» [2, с.340]. Окружающий вещественный мир поддается исчислению и количественной оценке при помощи числительных и других языковых единиц, отражающих неопределенное количество, выполняющих функцию сравнения различных объектов и их характеристик. Обращаясь к истории образования понятий числа и количества, следует упомянуть Э. Касирера, который связывал изначальное образование числа в языке с созерцанием объективных пространства и времени и различением понятий «я» и «ты», «я - другой», «я - ты, третий» и т.д. [3, с.168].

Числа являются основным средством для выражения количества, с помощью которого производится счет предметов и явлений. Категория количества является одним из основополагающих понятий философии и представляет собой функционально-семантическое поле, которое совмещает компоненты определенного и неопределенного множества и находит свое отражение в языке в лексических единицах и в устойчивых словосочетаниях. Помимо числительных, отражающих точное количество или число предметов, существуют другие средства, относящиеся к общей квантитативной категории, которые могут отражать градацию фрагментируемых качеств по соотношению части и целого, размеру, длительности, интенсивности. К ним и относятся исследуемые количественные наречия. Приведенные соотношения основываются на диалектической антиномии континуальности и дискретности, а также на логической операции сравнения.

Для старофранцузского языка характерно разнообразие лексических способов для обозначения неопределенного количества, образующих функционально-семантическое поле неопределенного количества, которое состоит из нескольких лексико-семантических групп. Данные группы объединяют слова в зависимости от принадлежности к той или иной части речи. Одну из самых многочисленных групп для описания количества составляют количественные наречия. Изучению количественных наречий как особой лексико-семантической группы слов в историческом плане посвящена работа Г.В. Федоровой [1979]. Как пишет Г.В. Федорова, количественные наречия во французском языке образуются тремя основными способами, а именно: 1) они восходят к исконным латинским количественным наречиям; 2) появляются вследствие перехода качественных наречий в количественные; 3) образуются в процессе транспозиции существительных в количественные наречия [4, с.7-11]. Как и следует ожидать, большинство французских количественных наречий является наследием латинского языка. К ним относятся количественные наречия, такие как: *bien*<*bene*; *molt*<*multum*; *poi*<*paucum*; *quant*<*quantum*; *assez*<*ad salis* и другие. Для старофранцузского периода характерен процесс адвербиализации прилагательных: *grant* «громодно, много», *petit* «мало», *pro* «выгодно», *tout plein* «полно» и т.д. Из приведенных примеров следует, что в старофранцузский период существовали параллельные бинарные оппозиции, выражающие соотношение «много-мало» – *molt-poi* и *grant-petit*. Все члены этих бинарных оппозиций, сохраняя свое квантитативное значение, используются и как наречия и как прилагательные с разной степенью употребительности. Отметим, что указанные лексические единицы употребляются самостоятельно, в отличие, например, от наречия и прилагательного *plein*, которое в функции наречия дополняется наречием *tout*, образуя лексический оборот *tout plein*, в котором *tout* играет роль семантического интенсификатора, дублирующего основное значение – «полным-полно». Качественные наречия *bien*, *espessement*, *largement*, *durement*, выражая интенсивность действия, расширяют свою семантическую структуру и получают уже количественное значение. Оборот *il y a > i ad*, сопровождаемый дополнением, приобретает также квантитативное значение. Примеры репрезентируют процесс перехода качественных наречий в количественные при условии наличия в их семантике субстантивной валентности, то есть потенциальной возможности количественной оценки предмета. Транспозиция существительных в наречия неопределенного количества основывается на метафорическом переносе, так называемой «квантитативной метафоре», возникающей на базе количественного признака

собираемости, множественности, дополненного второстепенным образным значением, учитывающим иные разнообразные признаки характеризуемого предмета, основными из которых являются статика, динамика, плотность или невозможность вычленения отдельных единиц. Например: *plente* - «изобилие» > обильное количество; *foison* - «течение» > множество движущихся лиц; *fais* - «охапка хвороста» > большое количество или множество.

Этимология слов, обозначающих неопределенное количество, практически полностью восходящих к латинским источникам, говорит о том, что в их семантике сохраняется и эволюционирует потенциальное количественное значение, заложенное в этимоне [5]. Среди лексических единиц со значением неопределенного количества в старофранцузский период развития языка можно выделить три группы, а именно, обозначающие: неопределенное большое - *assez, bien, à fais, à plenté* и др., неопределенное малое – *auques, poi, un poi, petit* и др., равное – *autant* и др. и достаточное количество – *assez* и др.

Итак, понятие числа и связанное с ним понятие количества находятся в фокусе внимания филологии, накопившей знания о происхождении, семантике, структуре и функции лексических единиц, обозначающих число и количество в языке. Все языковые единицы старофранцузского языка, обозначающие неопределенное количество, можно объединить в лексическое гнездо, в котором все эти единицы находятся в разнообразных семантических и словообразовательных отношениях. Система количественных наречий во французском языке представляет весьма разнообразную систему лексических наименований, относящихся к количественной категории, прошедших долгий путь развития и имеющих разные источники возникновения, но все они являются исконными унаследованными словами. Перспектива научного исследования, на наш взгляд, заключается в том, что современный французский язык, несомненно, приобрел новые номинации для обозначения неопределенного количества и количественной оценки, что связано как с развитием самого французского языка, так и с процессом массивного заимствования из других языков, связанного с процессом глобализации.

Список литературы

1. *Гайломазова Е.С.* Квантификация объектов и фактов: когнитивно-семантические и дискурсивно-прагматические характеристики. Автореф. диссерт. на соиск. уч. степени. канд. филол. наук. Волгоград, 2012.
2. *Панфилов В.З.* Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М: Наука, 1982.
3. *Свасьян К.А.* Философия символических форм Э.Касирера. Ереван: Из-во АН АрмССР, 1989.
4. *Федорова Г.В.* Лексико-семантическая группа количественных наречий во французском языке XI-XVI вв. Автореф. диссерт. на соиск. уч. степени. канд. филол. наук. Ленинград, 1979.
5. *Хараева Л.Х.* Когнитивное моделирование этимологических гнезд в разносистемных языках (на материале французского и кабардино-черкесского языков). Нальчик: Изд. Центр «Эль-Фа», 2007. -238 с.

10.02.19

С.А. Шатохина

Сибирский федеральный университет,
Институт филологии и языковой коммуникации,
кафедра русского языка как иностранного,
Красноярск, halafu@list.ru

ФАКТОРЫ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ ЖЕСТОВЫХ ЯЗЫКОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

В статье рассмотрены факторы, влияющие на становление жестовых языков, освещаются тенденции развития жестовых языков в культурном, политическом, историческом и социальном контекстах. Основное внимание акцентируется на региональных особенностях и ключевой роли системы образования в формировании жестового языка как естественной знаковой системы.

Ключевые слова: *жестовые языки, лексикостатистический анализ, языковые контакты.*

Согласно ресурсу ethnologue.com всего в мире насчитывается 144 живых жестовых языка, однако там же отмечается, что данную цифру нельзя назвать точной. Несмотря на то, что жестовые языки использовались и развивались на протяжении столетий, их лингвистическое изучение начинается лишь в 1960 г., когда вышла в свет работа Уильяма С. Стоке «Структура жестового языка: обзор систем визуальной коммуникации американских глухих». До этого момента в научных кругах превалировало мнение о том, что жестовые языки не являются полноценными развивающимися знаковыми системами, которые не уступают в сложности языкам звучащим [8, с.922]. В последние десятилетия интерес к изучению жестовых языков все больше возрастает, однако наблюдается значительный дисбаланс в пользу жестовых языков Западной Европы и Северной Америки, в то время как недостаточно много известно о жестовых языках Африки, Восточной Европы, Южной и Центральной Америки и Азии [17, с. 181]. Поскольку существует довольно большое количество работ, представляющих собой описания отдельных жестовых языков, в последнее время появляются кросс-лингвистические исследования, посвященные лексикостатистическому анализу жестовых языков и истории их становления [15, 1, 6]. По аналогии со звучащими языками установление родства жестовых языков опирается на исторические данные наряду с сопоставлением базовой лексики модифицированного списка Сводеша. Целью настоящей работы является выявление факторов, влияющих на становление и распространение жестовых языков. Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи: анализ трудов, посвященных лексикостатистическому анализу жестовых языков и истории их распространения выявление закономерностей становления жестовых языков. Актуальность работы обусловлена возрастанием интереса к лингвистике жестовых языков с одной стороны, и тем фактом, что в отечественной лингвистике на данный момент отсутствуют работы по системному сопоставлению данных актуальных зарубежных исследований в области исторического развития жестовых языков, с другой стороны, что также предопределяет научную новизну.

Большинство глухих детей рождаются в семьях, где родители являются слышащими [5, с.601] и это приводит к тому, что подобные дети оказываются изолированными от других глухих, и лишь при поступлении в специализированное образовательное учреждение происходит процесс освоения жестового языка. Было установлено, что одним из главных факторов, повлиявших на историю развития жестовых языков стало создание специализированных школ для глухих, что способствовало их стабилизации и распространению [13, с. 150]. Подтверждением тезиса о том, что ключевую роль в

формировании и становлении многих жестовых языков сыграли специализированные школы, где изолированные ранее друг от друга глухие получили возможность контактировать, тем самым предоставив фундамент для развития жестовых языков подтверждает ситуация, возникшая в Никарагуа. Никарагуанский жестовый язык начал свое существование лишь в 70-е годы, когда была открыта первая школа для глухих детей. Обучение включало в себя тренировку навыков чтения по губам и говорения по-испански, однако детям было позволено общаться с помощью жестов в автобусах и на школьных площадках. Как следствие никарагуанский жестовый язык быстро развился и не демонстрирует никаких корреляций ни с испанским языком, на котором говорят в регионе, ни с американским жестовым языком, который используется в большинстве стран Северной Америки [12, с. 324]. Основателем одной из первых школ для обучения глухих детей стал аббат Шарль-Мишель де л'Эпе в Париже в начале 1760-х годов [9, с. 45]. Л'Эпе во время благотворительной работы с бедными встретил двух молодых глухих сестер, которые общались используя жестовый язык (вероятно, старофранцузский жестовый язык, распространенный в тот период во Франции) и разработал методику обучения [8, с. 915]. Основателем первой школы для глухих в Соединенных Штатах Америки является Эдвард Майнер Галлоде, который посетил школу л'Эпе и нанял одного из лучших выпускников - Лорана Клерка для преподавания в школе для глухих в Хартфорде, штат Коннектикут [8, с. 917]. Многие европейские жестовые языки, а также американский жестовый язык и некоторые южноамериканские жестовые языки появились благодаря диаспоре учителей и выпускников школы Rue St. Jacques в Париже [4, с. 446]. Несмотря на то, что в 1880 году состоялся Второй Миланский Конгресс, посвященный вопросам методике преподавания глухим детям, на котором было решено интегрировать устный метод обучения, который предполагал полный запрет использования жестов [7, с. 61], дети в специализированных школах продолжали тайно общаться с помощью жестов, что способствовало естественному развитию жестовых языков.

Помимо специализированных учебных учреждений и иммиграции как учителей, так и выпускников школ для глухих значительное влияние на историю развития ряда жестовых языков оказали также политические факторы. Например, развитие и становление жестовых языков Тайваня и Кореи непосредственно связаны с японской оккупацией. Первая школа для глухих в Тайване была основана японцами в 1915 году в Тайнани, а вторая два года спустя в Тайпее. Учителя первой школы прибыли из Осаки, для тайпейской школы - из Токио. Данный факт объясняет наличие двух диалектов жестового языка Тайваня, дублирующих соответствующие диалекты японского жестового языка. [14, с. 771-772]. Аналогичным образом новозеландский жестовый язык связан с британским из-за истории колонизации британцами данных территорий [10, с. 2].

Схожая на первый взгляд ситуация наблюдается и в истории развития африканских жестовых языков, которая непосредственно зависит от истории колонизации континента. Однако на территории Африки были распространены также местные деревенские жестовые языки, и открытие специализированных школ привело к креолизации местных жестовых языков. Наличие в каждой стране нескольких миссионерских миссий, которые открывали школы для глухих, послужило причиной того, что и по сей день зачастую в рамках одной страны представлен целый ряд жестовых языков, например, в Ботсване распространены американский, датский и немецкий жестовые языки, в Эфиопии - шведский, финский, и американский жестовые языки, в Гамбии - датский и британский, в Танзании - американский, шведский и финский [3, с. 11]. Остается нерешенным вопрос о том, следует ли рассматривать жестовые языки стран Африки как диалекты европейских и американского жестовых языков либо их нужно идентифицировать как африканские языки, которые подверглись влиянию других языков и в результате несколько трансформировались, кроме того, подобное обобщение может быть некорректным, поскольку история языковых контактов значительно варьируется в зависимости от страны.

Культурные и социальные особенности некоторых сообществ также оказывают влияние на развитие и существование жестового языка. В то время как жестовые языки Европы, Соединенных Штатов и Азии позволяют проследить историю становления посредством отслеживания генетического родства языков, арабские жестовые языки требуют несколько иного подхода. На протяжении веков на Ближнем востоке заключались браки в демографически изолированных деревнях, и следствием подобной эндогамии стала частотность возникновения генетической глухоты. В то время как в экзогамных обществах примерно один младенец из тысячи рождается с нарушением слуха, в регионах, где распространено кровное родство процент детей с наследственным нарушением слуха составляет 1,7 [11, с. 284]. В отличие от экзогамных обществ, где выживаемость жестового языка напрямую зависит от возможности глухих контактировать друг с другом, в эндогенных сообществах благодаря большому количеству глухих жестовый язык распространен не только среди глухих и меньше подвержен риску исчезновения, поскольку передается из поколения в поколение. Описан жестовый язык аль-сайидских бедуинов в Негеве, где распространены кровные браки и наблюдается потеря слуха у 3% населения из-за генетически рецессивных признаков глубокой предъязычной нейросенсорной глухоты, и в этой деревне жестовый язык используется слышащими наряду с глухими [1, с. 48]. Кроме того, известен жестовый язык Ката Колок, который появился в результате внезапного увеличения случаев наследственной глухоты пять поколений назад и используется глухими и слышащими жителями фермерской деревни на севере Бали в районе Булеленг [2, с. 206]. Помимо деревенских жестовых языков существуют и более распространенные языки, которые не были подвержены какому-либо влиянию. Так, индо-пакистанский жестовый язык, распространенный на индийском субконтиненте, не относится к какой-либо языковой семье и на данный момент нет достоверной информации об истории его развития [16, с. 304].

Положительным фактором для развития жестового языка является придание ему юридического статуса. Следствием официального признания является формализация жестового языка, утверждение единой программы обучения, профессиональная подготовка сурдопереводчиков, что в свою очередь приводит к стандартизации и появлению литературной нормы. Согласно данным Всемирной федерации глухих лишь в 41 стране жестовые языки имеют официальный статус. В некоторых странах (например, в Новой Зеландии и Испании) жестовый язык имеет статус государственного, в других (Греция, Франция) - официально признан языком общения глухих.

Таким образом, одним из ключевых условий становления жестового языка является возможность глухих коммуницировать, в то время как изолированность жестового языка может привести к его исчезновению. Кроме того, существенными факторами являются политическая ситуация, культурные и социальные нормы, а также степень поддержки государства.

Список литературы

1. *Al-Fityani K.* Deaf People, Modernity, and a Contentious Effort to Unify Arab Sign Languages: a dissertation submitted in partial satisfaction of the requirements for the degree Doctor of Philosophy. San Diego: University of California, 2010. 227 p.
2. *De Vos C.* Sampling shared sign languages // *Sign Language Studies* Vol 16 No 2, 2016 P. 204-226
3. *Fenlon J., Wilkinson E.* Sign languages in the world // *Sociolinguistics and Deaf Communities*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. Vol. 1. Schembri, Lucas. P. 5-28.
4. *Fisher S.* Sign languages in their Historical Context [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/264741714_Sign_languages_in_their_Historical_Context (дата обращения: 10.07.2019).
5. *Goldin-Meadow S.* Hometown sign: gesture to language // *Sign Language, an international handbook*. KG: Göttingen, 2012. P. 601-626.
6. *Guerra Currie A-M., Meier R., Walters K.* A crosslinguistic examination of the lexicons of four signed languages // *Modality and structure in signed and spoken languages*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 224- 235.
7. *Lane H., Hoffmeister L., Bahan B.* A Journey into the DEAF-WORLD. San Diego, CA: DawnSignPress, 1996. 513 p.
8. *McBurney S.* History of sign languages and sign language linguistics // *Sign Language, an international handbook*. KG: Göttingen, 2012. P. 909-949.
9. *Napier, L. Leeson L.* Sign Language in Action. Palgrave Macmillan, 2016. 339 p.
10. *Powell D.* Deaf Education in New Zealand: Where We have been and Where We Are Going [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/256846189_Deaf_Education_In_New_Zealand_Where_We've_Been_and_Where_We're_Going (дата обращения 12.06.2019).
11. *Shahin H., Walsh T., Sobe T., Lynch E., King M., et al.* Genetics of congenital deafness in the Palestinian population: Multiple connexin 26 alleles with shared origins in the Middle East. // *Human Genetics*, – 2002. – P. 284-289.
12. *Senghas A., Coppola M.* Children Creating Language: How Nicaraguan Sign Language Acquired a Spatial Grammar // *Psychological Science*. 2001. Vol 12. № 4. P. 323-328.
13. *Su S-F., Tai J. H-Y.* Lexical Comparison of Signs from Taiwan, Chinese, Japanese, and American Sign Languages: Taking Iconicity into Account // *Taiwan Sign Language and Beyond*. Taiwan: The Taiwan Institute for the Humanities, National Chung Cheng University, 2009. P. 149-176.
14. *Tai J. H-Y., Tsay J.* Taiwan Sign Language // *Sign Languages of The World*. Germany, De Gruyter Mouton, 2015. P. 771-809.
15. *Woodward, J.* Modern standard Thai Sign Language, influence from ASL, and its relationship to original Thai sign varieties // *Sign Language Studies*. Gallaudet University Press, 1996. P. 227–252.
16. *Zeshan U.* Regional variation in Indo-Pakistani Sign Language – evidence from content questions and negatives // *Interrogative and negative constructions in sign languages*, 2006. P. 303–323.
17. *Zeshan U., Palfreyman N.* Typology of sign languages // *The Cambridge Handbook of Linguistic Typology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. 178-216.

АННОТАЦИИ
ABSTRACTS

С.Ф. Меркушов

СЮРРЕАЛИСТИЧЕСКАЯ ОПТИКА АБСУРДА В РОМАНЕ
ВАДИМА КЛИМОВА «СКОРЛУПА»Ключевые слова: В. Климов, «Скорлупа», А. Арто,
«Опустошитель».

В статье исследуется двойная художественная оптика романа В. Климова «Скорлупа», заключающаяся в двух аспектах интерпретации: во-первых, анализа с точки зрения родственности творческих стратегий В. Климова и А. Арто и, во-вторых, рассмотрения с точки зрения тождества субъекта и объекта в указанном тексте. В итоге на уровне метатекста обнаруживается, что в романе весьма заметен сюрреалистический мотивный комплекс, характерный для абсурдистики и выраженный в специфических нарративных приемах (неопределенность границ между сном и явью, телесные и психические деформации, сомнамбулическое поведение героев и т.д.).

С.Ф. Меркушов

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ КАТЕГОРИИ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО АБСУРДА

Ключевые слова: абсурд, смысл, текст, дискурс.

Статья посвящена анализу абсурда как межкультурного и литературного феномена. Абсурд категориально понимается междискурсивно, без отрыва от феномена смысла, по отношению к смежным терминам выступает как метапонятие; текстуальная классификация категории базируется на троичности: тексты об абсурде, абсурдистские тексты, тексты смешанного типа.

Е.А. Обухова

ТЕМА ПРОЗАИЗАЦИИ СТИХА В ПОЛЕМИЧЕСКОМ
ДИАЛОГЕ В.В. НАБОКОВА С КРИТИКАМИ 1920–1930-х гг.Ключевые слова: В.В. Набоков, Г.П. Струве, Г.В. Адамович,
«Гроздь», «Горный путь», прозаизация.

Основная часть исследования посвящена анализу полемикального диалога В.В. Набокова с критиками, негативно оценившими прозаизацию стиха в его книгах «Гроздь» и «Горный путь» (1923). В данной работе, во-первых, выясняется генезис и эволюция темы вторичности поэзии в творчестве Набокова в литературно-критической набоквиане 1920–1930-х гг., во-вторых, раскрывается полемикальный подтекст в романе Набокова «Дар». Исследование показало, что тема вторичности поэзии в творчестве Набокова была открыта в критике Струве; развита и доведена до своего логического предела в набокведческих статьях Г.В. Адамовича и Г.Д. Хохлова. Как следует из анализа полемикального подтекста романа «Дар», позиция Набокова является прямо противоположной в отношении позиции его критиков по вопросу о прозаизации стиха. Акцентирование писателем необходимости прозаизации стиха в современной стиховой культуре означает его сознательное несогласие с выводами критиков об апоэтичности его лирики.

К.В. Смирнов

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РАССКАЗА
С.Д. ХВОЩИНСКОЙ «НАСЛЕДСТВО ТЕТУШКИ»Ключевые слова: системность, пансион, мир «здесь» и мир
«там», одиночество, заблуждение, преданность, наследство.

В данной статье впервые в литературоведении анализируется рассказ «Наследство тетушки» С.Д. Хвощинской, одной из самых неизученных писательниц «золотого века» русской литературы. Исследуется проблематика рассказа и система действующих лиц. Определено, что художественная реальность разделена на два мира: «мир здесь» и «мир там» с целью воспроизведения основополагающей идеи: губительном воздействии все подавляющей системности на человека. Данная

S.F. Merkushev

THE SURREAL OPTICS OF THE ABSURD IN THE NOVEL
VADIM KLIMOV "SHELL"

Keywords: V. Klimov, "Shell", A. Arto, "Devastator».

The article investigates the dual artistic optics of the novel "Shell" by V. Klimov, which consists in two aspects of interpretation: first, analysis from the point of view of the kinship of creative strategies of V. Klimov and A. Arto and, secondly, consideration from the point of view of the identity of the subject and object in the said text. As a result, at the level of metatext it is found that the novel is very noticeable surreal motif complex, characteristic of absurdism and expressed in specific narrative techniques (uncertainty of the boundaries between sleep and reality, physical and mental deformation, somnambulistic behavior of the characters, etc.).

S.F. Merkushev

THEORETICAL RECEPTION OF ARTISTIC CATEGORY OF
THE ABSURD

Keywords: absurdity, sense, text, discourse.

The article is devoted to the analysis of absurdity as an intercultural and literary phenomenon. Absurd categorical mesdiscussions understood, without departing from the phenomenon of meaning, related terms serves as metaborate; textual classification category is based on the Trinity: the texts about absurd, absurdist texts, texts of mixed type.

E.A. Obuhova

THE THEME OF THE PROSAIC POEM IN THE POLEMICAL
DIALOGUE OF V.V. NABOKOV WITH CRITICS OF THE
1920s – 1930sKeywords: V.V. Nabokov, G.P. Struve, G.V. Adamovich, "The
Cluster", "The Emyrean Path", prosaicism.

The main part of the research is devoted to the analysis of the V.V. Nabokov's polemical dialogue with critics who negatively evaluated the prosaization of the verse in his books "The Cluster" and "The Emyrean Path" (1923). In this paper, firstly, the genesis and evolution of the theme of the secondary poetry in the works of Nabokov in the literary-critical Nabokovian of 1920–1930s is clarified, and secondly, the polemical subtext is revealed in the Nabokov's novel "The Gift". The study showed that the theme of the secondary poetry in the works of Nabokov was opened in criticism of Struve; developed and brought to its logical limit in multi-article articles by G.V. Adamovich and G.D. Khokhlov. As follows from the analysis of the polemical overtones of the novel "The Gift", the position of Nabokov is just the opposite with respect to the position of his critics on the question of the prosaization of the verse. Emphasizing the writer's need for the prosaization of the verse in modern poetic culture means his conscious disagreement with the critics' conclusions about the apoeticity of his lyricism.

K.V. Smirnov

ARTISTIC ORIGINALITY OF THE STORY
S.D. KHVOSHCHINSKY "INHERITANCE OF THE AUNT"Keywords: system, board, world «here» and the world «out
there», loneliness, confusion, loyalty, inheritance.

In this article for the first time in literary criticism the story "Inheritance of the aunt" of S. D. Khvoshchinsky, one of the most unexplored writers of the "Golden age" of Russian literature is analyzed. The author investigates the problems of the story and the system of actors. It is determined that the artistic reality is divided into two worlds: "the world here" and "the world there" in order to reproduce the fundamental idea: the disastrous impact of all the overwhelming consistency on the person. This

статья может быть интересна всем, кто интересуется творчеством С.Д. Хвошинской и женской прозой середины XIX века.

В.В. Частных

«МИХАИЛ БУЛГАКОВ» А.Н. ВАРЛАМОВА: СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПЕРСОНАЖА

Ключевые слова: А.Н. Варламов, «Михаил Булгаков», вера, «код судьбы».

Концептуальность текстопорождения у А.Н. Варламова в книге «Михаил Булгаков» выражается в полемическом подходе к критической литературе, установлении причинно-следственных связей религиозных воззрений героев и их жизни и судьбы, сопоставлению данного конкретного героя и остальных персонажей. Так, идея «кода судьбы», в соответствии с которой возникает единый мотивный комплекс рока, довлеющего над героем, и связанного с ним его отхода от веры и Церкви, имеет основополагающее и сюжетообразующее значение для произведения.

Р.Ю. Анисимов

ГАЗЕТНЫЙ ЗАГОЛОВОК КАЧЕСТВЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЫ КАК СРЕДСТВО ПРИВЛЕЧЕНИЯ ВНИМАНИЯ

Ключевые слова: Заголовок, пресса, фразеологизмы, устойчивые словосочетания, идиомы.

Статья посвящена вопросам анализа газетных заголовков английских и американских газет с точки зрения наличия в них различных средств привлечения внимания. К таким относятся, во-первых, устойчивые словосочетания (фразеологизмы и прецедентные феномены), во-вторых – приемы риторического воздействия, позволяющие прогнозировать содержание текста и принять решение о его прочтении. Заголовок как первый знак текста задает начальные координаты его восприятия и во многом предопределяет впечатление от текста.

В.И. Антонова, Аль-Хатал Бассам Абдуллах Абдулджаббар
СОВРЕМЕННЫЙ РЕПОРТАЖ – СИНТЕЗИРОВАННАЯ
ФОРМА МЕДИАТЕКСТА

Ключевые слова: репортаж, жанрообразование, синкретичность, гибридность, «эффект авторской сопричастности», историческая обусловленность, процесс.

Авторы, исследуя процессы современного жанрообразования в СМИ, на примере медийных текстов журнала «Русский репортер», детерминируют структурно-содержательные трансформации в репортаже, обусловленные явлениями синтеза и гибридности. Отмечается, что тенденция к «слиянию» элементов различных жанровых вариаций в одной форме напрямую исторически обусловлен динамикой социальных преобразований в современном обществе.

А.У. Киньябулатов, С.Г. Аксенов, Р.Н. Зигитбаев,
А.Д. Лифанова, Нгуен Тхань Нга, Конг Тхи Хоа,
Ф.Х. Усманова, С.А. Батанин, А.Ф. Мухлисов

ВКЛАД ЧЛЕНА СОЮЗА ЖУРНАЛИСТОВ РОССИИ И
РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН, ПРОФЕССОРА
С.Г. АКСЕНОВА В РАЗВИТИЕ ВОЕННОЙ И
МЕДИЦИНСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ (К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ)

Ключевые слова: медицинская журналистика, военная журналистика, пожарная безопасность, Союз журналистов.

Член Союза журналистов России и Республики Башкортостан, профессор С.Г. Аксенов в марте 2019 года отметил 60-летний юбилей. Участник ликвидации последствий землетрясения в Спитаке, Улу-Телякской железнодорожной катастрофы, специалист пожарной безопасности С.Г. Аксенов с 2005 года — член Союза журналистов России и Республики Башкортостан. Опубликовал свыше 100 статей в области военно-медицинской журналистики.

article may be of interest to all who are interested in the work of S.D. Khvoshchinsky and women's prose of the mid XIX century.

V.V. Tchastnykh

"MIKHAIL BULGAKOV" A. N. VARLAMOV: THE SPECIFICITY OF THE REPRESENTATION OF THE CHARACTER

Keywords: A.N. Varlamov, "Mikhail Bulgakov", the faith, "the code of destiny"

The concept of text generation is emphasized in A. N. Varlamov in the book "Mikhail Bulgakov" is expressed in a polemical approach to the critical literature, establishing the causality of the religious views of the characters and their lives and fortunes, the mapping of this specific character and the other characters. Thus, the idea of the "code of fate", according to which there is a single motif complex of rock, dominating the hero, and associated with it his departure from the faith and the Church, is fundamental and plot-forming value for the work.

R.Y. Anisimov

THE NEWSPAPER HEADLINE OF QUALITY ENGLISH AND AMERICAN PRESS AS MEANS OF ATTRACTING ATTENTION

Keywords. Headline, press, idioms, stable phrases, idioms.

The article is devoted to the analysis of newspaper headlines in British and American newspapers in terms of the presence in them of various means of attracting attention. These include, firstly, stable phrases (idioms and case phenomena), and secondly - rhetorical effects, allowing to predict the content of the text and decide to read it. The title as the first character of the text sets the initial coordinates of its perception and in many respects predetermines the impression of the text.

V.I. Antonova, Al - Khatal Bassam Abdullah Abduljabbar
CONTEMPORARY REPORT – SYNTHESIZED FORM OF
MEDIA TEXT

Keywords: reportage, gorobynova, the syncretism, hybridity, "the effect of copyright ownership", of historical causality, the process.

The authors, investigating the processes of modern genre formation in the media, on the example of the media texts of the magazine "Russian reporter", determine the structural and substantive transformation in the report, due to the phenomena of synthesis and hybridity. It is noted that the tendency to "merge" elements of different genre variations in one form is directly historically determined by the dynamics of social transformations in modern society.

A.U. Kinyabulatov, S.G. Aksenov, R.N. Zigitbaev,
A.D. Lifanova, Nguen Thanh Nga, Kong Thi Hoa,
F.H. Usmanova, C.A. Batanin, A.F. Muhlisov

CONTRIBUTION OF THE MEMBER OF THE UNION OF
JOURNALISTS OF RUSSIA AND THE REPUBLIC OF
BASHKORTOSTAN, PROFESSOR S.G. AKSENOV IN
DEVELOPMENT OF MILITARY AND MEDICAL
JOURNALISM (ON 60TH ANNIVERSARY OF BIRTHDAY)

Keywords: medical journalism, military journalism, fire safety, the Union of Journalists.

Member of the Union of Journalists of Russia and the Republic of Bashkortostan, Professor S.G. Aksenov in March 2019 celebrated the 60th anniversary. Participant in the aftermath of the earthquake in Spitak, Ulu-Telyaksoy railway tragedy, fire safety specialist S.G. Aksenov since 2005 - member of the Union of Journalists of Russia and the Republic of Bashkortostan. Published over 100 articles in the field of military medical journalism.

З.З. Рамеев, Л.Ш. Гарипова, Г.Н. Зайнеева, Г.А. Хуснутдинова
ЛИТЕРАТУРНОЕ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
Г.ГАФУРОВА-ЧЫГТАЯ

Ключевые слова: публицистика, история татарской литературы, Чыгтай, Г. Тукай.

В статье рассматриваются особенности жизни и творчества Г.Гафурова-Чыгтая, особое внимание уделяется публицистическим статьям писателя. Опираясь на новые источники из личного архива писателя, воссоздается более полная картина его художественного и публицистического наследия.

Z.Z. Rameev, L.Sh. Garipova, G.N. Zayneeva,
G.A. Husnutdinova

LITERARY AND JOURNALISTIC HERITAGE OF G.
GAFUROV-CHIGTAY

Keywords: journalism, history tatar literature, Chagtai, G. Tukai.

The article discusses the features of the life and work of G. Gafurov-Chigтай, special attention is paid to journalistic articles of the writer. Based on new sources from the personal archive of the writer recreates a more complete picture of his artistic and journalistic heritage.

О.А. Астафьева, Т.А. Колоскова, А.В. Блохин
СЕМАНТИКА ГЛАГОЛА В РЕМАРОЧНОМ

ПОВЕСТВОВАНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЬЕСЫ А.П.ЧЕХОВА
«ВИШНЕВЫЙ САД»)

Ключевые слова: ремарка, повествование, глагол; семантика; функции, А. П. Чехов, пьеса «Вишневый сад».

Данная статья посвящена структурно-семантическому анализу ремарочных повествовательных текстов в пьесе А. П. Чехова «Вишневый сад». В работе рассматриваются особенности семантики глаголов, функционирующих в ремарочных повествованиях пьесы. Авторами делается вывод о том, что в ремарках пьесы преобладают глаголы со значением конкретного действия и движения, затем следуют глаголы со значением чувства и восприятия, речи и мысли и совсем не используются глаголы постоянного состояния.

O.A. Astafeva, T.A. Koloskova, A.V. Blokhin
THE SEMANTICS OF THE VERB IN THE REMARKS OF
THE NARRATIVE (ON THE PLAY OF A. P. CHEKHOV
"THE CHERRY ORCHARD")

Keywords: remark, narration, verb; semantics; functions, A. P. Chekhov, play «Cherry orchard».

This article is devoted to the structural and semantic analysis of narrative texts in A. P. Chekhov's play "Cherry orchard". The paper deals with the features of the semantics of verbs functioning in the narrative of the play. The authors conclude that the remarks of the play are dominated by verbs with the meaning of a particular action and movement, followed by verbs with the meaning of feeling and perception, speech and thought, and do not use verbs of a constant state.

Г.М. Лисина

АРГОТИЗМЫ ЗАИМСТВОВАННОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В
СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: арготизмы, заимствования в русском языке, лексико-семантическая группа, общеуголовные арготизмы.

Статья посвящена изучению и описанию иноязычных арготизмов в русском языке смысловой парадигмы «наркотические и психотропные вещества». На материале текстов песен музыкального жанра трэп-рэп, разнообразных современных художественных и публицистических текстов, толковых, этимологических, иностранных словарей, многолетних эмпирических данных осуществлено выявление и описание причин появления и особенностей номинации слов иноязычного происхождения данной лексико-тематической группы на современном этапе.

G.M. Lisina

PERVASION OF BORROWED ARGOTISM IN THE
MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Keywords: argot, borrowings in Russian, semantic group, general crime argotisms

The paper is devoted to the study and description of foreign jargons in the Russian language of the semantic paradigm "narcotic, psychotropic substances and alcohol". The material of the songs of the musical genre of rap, various modern artistic and journalistic texts, explanatory, etymological, foreign dictionaries, long-term empirical data revealed and described the mechanisms and features of the nomination of words of a foreign language origin of this lexico-thematic group at the present stage.

А.Ф. Сагитова, Г.Г. Фефелова, А.К. Сулейманова,
Р.Х. Хайруллина

О МЕХАНИЗМАХ КОДИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО
СМЫСЛА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ
ЮМОРИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ)

Ключевые слова: язык, культура, код, кодирование, культурные смыслы, метафора, юмористический текст.

В статье авторами рассматриваются механизмы кодирования культурного смысла на материале юмористических текстов. Главное внимание уделено метафоре как одному из способов кодирования в языке. Авторы считают, что метафора играет важную роль в создании целостного образа мира и хранении и передаче культурной информации.

A.F. Sagitova, G.G. Fefelova, A.K. Suleymanova,
R.H. Khayrullina

ABOUT MECHANISMS OF CODING OF CULTURAL
MEANING IN THE RUSSIAN LANGUAGE (ON THE
MATERIAL OF HUMORISTICS)

Keywords: language, culture, code, coding, cultural meanings, metaphor, humorous text.

In the article the authors consider the mechanisms of coding cultural sense on the material of humorous texts. The main attention is paid to the metaphor as one of the coding methods in the language. The authors believe that metaphor plays an important role in creating a holistic image of the world and storing and transmitting cultural information.

Р.Р. Шамсутдинова

СТРУКТУРООБРАЗУЮЩИЕ ВОЗМОЖНОСТИ
ВОЗВРАТНОГО МЕСТОИМЕНИЯ СЕБЯ

Ключевые слова: местоимения, эгоцентризм, явления переходности, структурообразующие возможности языковых единиц, фразеология.

В статье рассматривается специфика функционирования возвратного местоимения себя с точки зрения его употребления в качестве свободной единицы (лексемы), зависимого слова в словосочетании и компонента фразеологических оборотов. Отмечаются случаи вовлечения указанного местоимения в транспозиционные процессы. Активное употребление данной единицы связывается с её эгоцентрической природой.

R.R. Shamsutdinova

STRUCTURE FORMING CAPABILITIES
OF REFLEXIVE PRONOUN СЕБЯ

Keywords: pronouns, egocentrism, the phenomena of transposition, structure forming capabilities of language units, phraseology.

The article deals with the specifics of the functioning of the reflexive pronoun себя in terms of its use as a free unit (lexeme), the dependent word in the phrase and the component of phraseological phrases. There are cases of involving units in transposition processes. The active use of this unit is associated with its egocentric nature.

Д.Д. Юсупова

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА ХОЛОД В РОМАНЕ А. БЕЛОГО «ПЕТЕРБУРГ»

Ключевые слова: научная парадигма, концепт, языковая картина мира, когнитивная доминанта, средства актуализации.

Целью данной статьи является выявление списка и взаимоотношений языковых единиц, репрезентирующих концепт холод в романе А. Белого «Петербург». Единицы различных уровней речевой структуры текста: фонетические, морфологические, синтаксические, лексические – участвуют в актуализации семантики в качестве текстовых доминант. Лексико-грамматические свойства текстовой доминанты определяют ее разновидности, среди которых важнейшими являются грамматические и лексические доминанты. Исследование текстов одного автора проясняет, насколько когнитивная доминанта является составляющей его идиостиля, его модели мира.

Н.П. Ячина, Г.И. Яруллина, С.Г. Добротворская, В.С. Минкин
РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЧЕЛОВЕКО-ЦЕНТРИРОВАННОМ ОБЩЕСТВЕ

Ключевые слова: русский язык, русский мир, глобализация, человеко-центрированное общество, развитие.

Актуальность данного исследования заключается в том, что язык формирует личность человека, язык – зеркало культуры, в нем отражается реальный мир, окружающий человека, реальные условия его жизни, общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, систему ценностей, мироощущение, видение мира. Целью данного исследования является выяснение роли русского языка и особенностей его развития в условиях глобализации, в человеко-центрированном обществе.

К.Н. Антонова

КОГНИТИВНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ИНТЕРМЕДИАЛЬНОГО ДИСКУРСА АНГЛИЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Ключевые слова: интермедиаальный дискурс, концепт, образный компонент концепта, цветообозначения.

В работе представлены результаты лингвоконцептологического анализа концепта *faith*, являющегося когнитивной детерминантой интермедиаального дискурса, актуализирующейся в тексте поэмы Дж.Чосера, Кентерберийского собора и английской художественной миниатюры.

Н.Е. Бажайкин

КОНСТРУИРОВАНИЕ ГЕНДЕРА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ГЕРМАНИИ

Ключевые слова: язык, гендер, конструирование гендера, позиционирование, метагендер, политический дискурс.

В работе представлены результаты изучения механизмов конструирования гендера в современном политическом дискурсе Германии. Данное исследование осуществляется с позиций гендерной лингвистики, позволяющей осветить новые сегменты политического дискурса. Особое внимание уделяется такому способу конструирования гендера, как позиционирование.

А.Ю. Воробьева

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ И ЯЗЫКОВЫЕ ФОРМЫ ЕЁ ЭКСПЛИКАЦИИ

Ключевые слова: аксиология, оценочное действие, языковая экспликация оценки.

В статье, рассматриваются базовые философские понятия оценочного действия, систематизируются языковые способы экспликации оценочных смыслов в английском языке и подтверждается оценочный потенциал словообразовательных морфем.

D.D. Yusupova

COGNITIVE ASPECTS OF THE LEXICAL AND SYNTACTIC REPRESENTATION OF THE CONCEPT OF COLD IN THE NOVEL BY A. BELY "PETERSBURG"

Keywords: scientific paradigm, concept, linguistic worldview, cognitive dominant, mainstream tools.

The purpose of this article is to identify the list and the relationship of language units, spheres that represent a concept in the novel cold and white ". Units of different levels of speech text structure: phonetic, morphological, syntactic, lexical-participate in mainstream semantics as text dominant. Lexico-grammatical text properties define the dominant variety, among which the most important are the grammatical and lexical dominants. A study of the texts one author clarified how cognitive dominant is part of its idiosylja, its world model.

N.P. Yachina, G.I. Yarullina, S.G. Dobrotvorskaya, V.S. Minkin
THE ROLE OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN A HUMAN CENTRATED SOCIETY

Keywords: Russian language, Russian world, globalization, human-centered society, development.

The relevance of this study lies in the fact that language forms the personality of a person, language is a mirror of culture, it reflects the real world surrounding a person, the real conditions of his life, the public self-consciousness of the people, his mentality, national character, lifestyle, traditions, customs, morality, system of values, attitude, vision of the world. The purpose of this study is to clarify the role of the Russian language and its development in the context of globalization, in a human-centered society.

K.N. Antonova

COGNITIVE DETERMINANTS OF INTERMEDIA DISCOURSE OF THE ENGLISH MIDDLE AGES

Keywords: intermedia discourse, concept, figurative component of concept, color nominations.

The paper presents the results linguistic cultural analysis of the concept of *faith*, which is a cognitive determinant of intermedia discourse, activated in the text by G. Chaucer, the Canterbury Cathedral and the English art of miniature.

N.E. Bazhaykin

CONSTRUCTION OF GENDER IN POLITICAL DISCOURSE OF GERMANY

Keywords: language, gender, gender design, positioning, metagender, political discourse.

The paper presents the results of studying ways of constructing gender in modern political discourse in Germany. This study is carried out from the perspective of gender linguistics, which allows to highlight new segments in the discourse. Particular attention is paid to the method of constructing gender as positioning.

A.Yu. Vorobyeva

THE PHILOSOPHICAL BASIS OF AXIOLOGICAL ESTIMATE AND FORMS OF ITS LINGUISTIC EXPLICATION

Keywords: estimation; axiology; linguistics; morphology.

The article reveals the connection between philosophical and linguistic understanding of the concept of estimation. The philosophical tenets of the concept of estimation are shown through the morphological level of the English language by the means of suffix -y.

Н.В. Гревцева, О.А. Донскова, Э.Б. Иванюшина
ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
БРИТАНСКОГО ЖЕНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Ключевые слова и фразы: лингвопрагматика, гендерный политический дискурс, речевой акт, информатив, декларатив, апеллатив, предупреждение(warning), интеррогатив, сензитив. В статье представлены результаты сопоставительного анализа речевых актов, актуализированных в публичных выступлениях британских женщин-политиков, с целью выявления специфики гендерно-маркированного политического дискурса.

N.V. Grevtseva, O.A. Donskova, E.B. Ivanushina
LINGUO-PRAGMATIC PECULIARITIES OF THE BRITISH
FEMALE POLITICAL DISCOURSE

Keywords and phrases: linguo-pragmatics, gender political discourse, speech act, informative, declarative, appeal, warning, interrogative, sensitive.

The article presents the results of a comparative analysis of speech acts actualized in formal addresses of British women politicians for the purpose of gender-marked discourse specifics identification.

Т.С. Рыжкова
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО FREUNDLICH В
СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: семантика, значение слова, семантический объем слова.

В статье исследуется семантический объем прилагательного freundlich в современном немецком языке. Выявлены не зафиксированные лексикографическими источниками значения исследуемого прилагательного. Полученные результаты свидетельствуют о расширении семантического объема и тенденции к активному употреблению прилагательного freundlich в различных сферах жизнедеятельности немецкого общества.

T.S. Ryzhkova
THE MAIN TRENDS OF THE SEMANTIC DEVELOPMENT
OF ADJECTIVE "FREUNDLICH" IN THE MODERN
GERMAN LANGUAGE

Keywords: semantics, meaning of the word, semantic volume of the word.

The article discusses the semantic volume of the adjective freundlich in the modern German language. It was found that some new meanings of the adjective are not noted by modern lexicographic sources. The results of the present paper show the extension of the semantic volume and the tendency to the active use of the adjective freundlich in various fields of German society.

Е.Г. Сулова
ФОРМАЛЬНО-ЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРЯМОЙ РЕЧИ В
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ XII И XV ВВ. (НА
МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРНОГО И ПРОЗАИЧЕСКОГО
РОМАНОВ О ТРИСТАНЕ)

Ключевые слова: историческая прагматика, аргументация. Статья посвящена логическим и формальным критериям членения текста, применяемым для интерпретации прямой речи в литературных произведениях XII в. Логические критерии используются для членения прямой речи на логико-смысловые блоки. Формальный критерий устанавливает их материальный образ на поверхности текста. Полученные результаты сопоставляются с прозаическим текстом XV в.

E.G. Suslova
FORMAL LOGICAL STRUCTURE OF DIRECT SPEECH IN
THE LITERARY TEXTS OF THE 12TH AND 15TH
CENTURIES (BASED ON THE POETIC AND PROSAIC
NOVELS ABOUT TRISTAN)

Keywords: historical pragmatics, logical argumentation. The paper considers logical and formal criteria used by reading and interpreting the direct speech in literary texts in the 12th century. Logical criteria are used to divide the direct speech into conceptual units. The formal criterion is used to define their form in the external text structure. Educts are compared to the prosaic text written in the 15th century.

Р.К. Ахметгареева
ВНЕДРЕНИЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС
ПРОФЕССИОНАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ УЧЕБНО-РЕЧЕВЫХ
СИТУАЦИЙ ПРИ ПОДГОТОВКЕ ЛИНЕЙНЫХ ИНЖЕНЕРОВ

Ключевые слова: иноязычная среда, профессионально значимые учебно-речевые ситуации, образовательный процесс.

В данной статье представлены результаты внедрения в учебную деятельность профессионально значимых учебно-речевых ситуаций. Раскрывается, что одним из факторов, обеспечивающих успешность и эффективность профессиональной деятельности будущего линейного инженера, является его способность уверенно общаться и действовать в иноязычной среде, получать, обрабатывать и передавать информацию на иностранном языке.

R.K. Akhmetgareyeva
INTRODUCTION IN THE EDUCATIONAL PROCESS
PROFESSIONALLY SIGNIFICANT EDUCATIONAL AND
SPEECH SITUATIONS IN THE PREPARATION OF LINEAR
ENGINEERS

Keywords: foreign language environment, professionally significant educational and speech situations, educational process.

The results of introduction in the educational process professionally significant educational and speech situations are presented in this paper. It is revealed that one of the factors that ensure the success and efficiency of the linear engineer's professional activity is his ability to communicate confidently and act in a foreign language environment, to receive, process and transmit information in a foreign language.

Д.Д. Батарило, Я.В. Попова
ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ОБРАБОТКА ТАБУИРОВАННОЙ
ИНФОРМАЦИИ В ОФИЦИАЛЬНЫХ ТЕКСТАХ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ВЕДОМСТВ

Ключевые слова: табу, переводческая обработка, переводческие трансформации.

В работе рассматриваются подходы к пониманию феномена табу, описываются классификации переводческих трансформаций. Анализируются способы и приемы передачи табуированной информации, встречающейся в официальных текстах государственных ведомств при переводе с русского на английский язык. Материалом исследования служат тексты брифингов представителей МИД РФ, посвященные проблематике введения и усиления санкций, расположенные на официальном сайте ведомства.

D.D. Batarilo, Y.V. Popova
TRANSLATION OF THE TABOO INFORMATION IN THE
OFFICIAL TEXTS OF THE STATE AGENCIES

Keywords: Taboo, translation of taboos, translation transformations.

This paper discusses approaches to understanding the phenomenon of taboo, describes the classification of translation transformations. The methods and techniques of translating taboo information of the state agencies' official texts from Russian into English are analyzed. The materials of the study are the texts of briefings by representatives of the Russian foreign Ministry on the imposing and tightening of sanctions, taken from the official website of the Russian foreign Ministry.

К.Н. Бурнакова, Т.Н. Боргоякова
**ЗНАЧЕНИЕ НЕОЧЕВИДНОСТИ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ
 В ЯЗЫКАХ ЮЖНОЙ СИБИРИ**

Ключевые слова: временная форма глагола, текст сказки, значение неочевидность.

В статье рассматривается специфическая форма глагольного времени на -тыр/-п-тыр, которая является общей для тюркских языков народов Южной Сибири. По сравнению с другими формами прошедшего времени, ее особенность заключается в лаконичности и в четком представлении отстраненности говорящего от главных персонажей сказки, а также от пространственно-временных рамок описываемых событий. Типологический анализ показал, что эта форма принципиально отличается по своим функционально-семантическим критериям и имеет специфические особенности в употреблении, существенным образом меняя ход событий и обозначая новый поворот в главной сюжетной линии сказки в родственных языках.

И.В. Варуха, Ю.Х. Шамсутдинова
**СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭМОТИВОВ СТРАХА ВО
 ФРАНЦУЗКОМ ЯЗЫКЕ**

Ключевые слова: эмотив, семантическое поле, сема, категория. Статья рассматривает лексические единицы, которые входят в семантическое поле эмотивов страха во французском языке. Делается попытка дать определение данного эмоционального состояния, а также выявить смежные концептуальные сферы. Дается описание семантического поля «страх», объясняются особенности лексических единиц, составляющих данное поле во французском языке. Проводится анализ дефиниций эмотивной лексики, с целью выделить интегральные и дифференциальные семы, представляющие собой атрибутивные признаки исследуемой категории.

М.К. Васильева, Л.А. Спектор
**ЯЗЫКОВАЯ ИГРА ВО ФРАНКОЯЗЫЧНЫХ РЕКЛАМНЫХ
 СЛОГАНАХ**

Ключевые слова и фразы: языковая игра; рекламный слоган; омонимия; омофония; паронимия; пословица; названия известных произведений.

Статья посвящена исследованию языковой игры во франкоязычных рекламных слоганах. Предпринята попытка проанализировать и объяснить те или иные приемы, на которых основана языковая игра. Наиболее часто встречающимися приемами являются омонимия, с помощью которой достигается эффект игры слов, прием паронимии и, реже, использование прецедентных текстов.

А.В. Кириллова, С.В. Маслечкина, Д.Е. Меренкова,
 М.В. Шурупова

**КОНЦЕПТ “PRIVACY” В КОНТЕКСТЕ АНАЛИЗА
 АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА**

Ключевые слова: языковая картина мира, концепт “privacy”, фразеология, дистантность.

В статье рассматривается английская языковая картина мира, ее характерные черты и концепт “privacy” как наиболее специфичное отражение исследуемого понятия. Авторы отмечают богатое языковое воплощение данного концепта в английском языке, что подтверждает его ключевой характер в формировании английской культуры.

Е.И. Кривошеева

**ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ПЕРЕВОДОВ ТРЕХСТИШЕЙ СИ ЧЖО
 С КОРЕЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК**

Ключевые слова: Си Чжо, перевод, фоносемантика, корейский язык.

В работе представлен сопоставительный анализ переводов стихотворений Си Чжо на русский язык, выделяются достоинства и определяются недостатки. Предлагается авторский подход к передаче символики образов указанного жанра на язык перевода.

К.Н. Burnakova, T.N. Borgoyakova

**THE MEANING OF NON-OBVIOUSNESS OF THE VERBAL
 ACTION IN THE LANGUAGES OF SOUTHERN SIBERIA**

Keywords: the tense form of the verb, the text of the fairy tale, the meaning of non-obviousness.

The article deals with the specific tense form of the verb on -tyr/-p-tyr, which is common for the Turkic languages of the peoples of Southern Siberia. In comparison with other forms of the past tense, its peculiarity lies in conciseness and in a clear representation of the speaker's detachment from the main characters of the fairy tale, as well as from the space-time framework of the events described. Typological analysis showed that this form is fundamentally different in its functional and semantic criteria and has specific features in use, significantly changing the course of events and denoting a new turn in the main storyline of the tale in related languages.

I.V. Varukha, J.Kh. Shamsutdinova

**THE SEMANTIC ANALYSIS OF THE EMOTIVE
 EXPRESSIONS OF FEAR IN THE FRENCH LANGUAGE**

Keywords: emotive expression, semantic field, seme, category.

The article deals with the lexical units which comprise the semantic field of emotive expressions of fear in the French language. The attempt to define the given emotional state as well as to find out the adjacent conceptual spheres is made. The semantic field of fear is described and the features of its lexical units in the French language are investigated. The analysis of the definitions of emotive lexis is conducted in order to determine the integral and distinctive semes which serve as the attributive features of the category under study.

M.K. Vassilieva, L.A. Spektor
**LANGUAGE GAME IN FRENCH-SPEAKING
 ADVERTISING SLOGANS**

Keywords: language game; advertizing slogan; homonymy; omofoniya; paronomasia; proverb; names of the famous works. Article is devoted to a research of a language game in French-speaking advertizing slogans. An attempt to analyse and explain these or those receptions on which a language game is based is made. The most often found receptions are a homonymy by means of which the effect of word-play is obtained, a paronomasia, and, more rarely, use of precedent texts.

A.V. Kirillova, D.E. Merenkova, M.V. Shurupova
**“PRIVACY” CONCEPT IN THE ENGLISH LINGUISTIC
 WORLD-IMAGE ANALYSIS**

Keywords: linguistic world-image, “privacy” concept, phraseology, distance.

The article deals with the English linguistic world-image, its peculiarities and the “privacy” concept as the most specific reflection of the analyzed notion. The authors highlight rich language embodiment of this concept which proves its key importance in the English culture formation.

E.I. Krivosheeva

**ADEQUATE TRANSLATION OF KOREAN SIJO
 INTO RUSSIAN LANGUAGE**

Keywords: sijo, translation, phonosemantics, Korean language. The note is devoted to the comparative analysis of sijo translations into Russian language. Particular attention is paid to the prons and cons of the existing interpretations. New approach is presented based on phonosemantic studies.

Д.А. Розеватов

СКРИПТ «WAR» И ТЕНДЕНЦИИ ЕГО ЭВФЕМИЗАЦИИ В
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ США

Ключевые слова: скрипт «War», эвфемизм, политический
дискурс, концепт.

В статье исследуется скрипт «War» используемый в дискурсе политических деятелей и СМИ Соединённых Штатов Америки и тенденции его эвфемизации. Проводится сопоставительное исследование эвфемизмов в текстах американских СМИ.

Ф.А. Тугушева, Л.Х. Хараева, А.Г. Хамурзова
ОБРАЗОВАНИЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ НАРЕЧИЙ В
СТАРОФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: категория количества, количественная оценка,
сравнение количества.

Статья освещает вопросы количественной оценки во французском языке в историческом аспекте. Каждый язык обладает языковым многообразием обозначения количества в языке. Особую группу лексических единиц, обозначающих неопределённое количество, составляют количественные наречия, которые находятся в различных отношениях между собой.

С.А. Шатохина

ФАКТОРЫ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ ЖЕСТОВЫХ
ЯЗЫКОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Ключевые слова: жестовые языки, лексикостатистический
анализ, языковые контакты.

В статье рассмотрены факторы, влияющие на становление жестовых языков, освещаются тенденции развития жестовых языков в культурном, политическом, историческом и социальном контекстах. Основное внимание акцентируется на региональных особенностях и ключевой роли системы образования в формировании жестового языка как естественной знаковой системы.

D.A. Rozevatov,

SCRIPT «WAR» AND TRENDS OF ITS EUPHEMIZATION
IN US POLITICAL DISCOURSE

Keywords: script «War», euphemization, political discourse,
concept.

The article focuses on script «War» is used in discourse of the US politicians and the trends of its euphemization . The comparative study of euphemisms is performed in texts of American media

F.A. Tugusheva, L.Kh. Kharaeva, A.G. Khamurzova
FORMATION OF QUANTITATIVE ADVERBS IN THE OLD
FRENCH LANGUAGE

Keywords: the category of quantity, quantitative assessment,
comparison of quantity.

The article covers the issues of quantitative assessment in the French language in historical aspect. Each language has a linguistic variety of notation of quantity in a language. A special group of lexical units, denoting an indefinite number, are quantitative adverbs. These units are in different relations with each other.

S.A. Shatokhina

TRENDS OF DEVELOPMENT OF SIGN LANGUAGES

Keywords: sign languages, lexicostatistical analysis, language
contacts.

The article discusses the factors influencing the formation and development of sign languages, highlights trends in sign language development in cultural, political, historical and social contexts. The focus is on regional characteristics and the key role of the education system in the formation of sign language as a natural sign system.

Публичный лицензионный договор-оферта

Редакция журнала «Казанская наука» предлагает Вам присылать свои статьи для публикации на страницах журнала, а также на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ). Предоставление Автором своего произведения является полным и безоговорочным акцептом, т.е. данный договор считается заключенным с соблюдением письменной формы. Присылая для публикации произведение, Автор также предоставляет Редакции журнала права на использование произведения и гарантирует, что он обладает достаточным объемом прав на передаваемое произведение. Также Автор предоставляет редакции журнала право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему Договору права третьим лицам без выплаты Автору вознаграждения. Все авторские права регулируются в соответствии с действующим законодательством России.

Договор публичной оферты по обработке персональных данных

В процессе осуществления выпуска журнала «Казанская наука» ООО «Рашин Сайнс» осуществляется обработка персональных данных, предоставленных авторами статей в рамках сообщения своих регистрационных данных для осуществления публикации в журнале (имя, фамилия, отчество, адрес автора, контактный телефон и e-mail приводятся в регистрационной форме, заполняемой авторами при отправке статьи в журнал). Обработка осуществляется редакцией журнала для целей надлежащей отправки журнала автору и возможности связи с автором лиц, заинтересованных в результатах труда автора статьи. Под обработкой персональных данных в контексте настоящего согласия понимаются действия редакции по сбору, систематизации, накоплению, хранению, использованию, распространению, уничтожению персональных данных, а также действия по их дальнейшей обработке с помощью автоматизированных систем управления базами данных, и иных программных средств, используемых редакцией журнала. Настоящее согласие автора на обработку персональных данных является бессрочным и может быть отозвано в любой момент путем отказа автора от получения журнала и дальнейшей обработки его персональных данных.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№7 2019

www.kazanscience.ru

Реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 - 75730

Подписано в печать 15.08.2019 Формат А4. Печать цифровая.

Дата выхода в свет 15.08.2019

10,1 усл.печ.л. 12,4 уч.изд.л. Тираж 500 экз. Заказ 2870.

Учредитель: ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22, помещение 23.

Адрес редакции, издательства, типографии – ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22, помещение 23.

Цена - договорная

© Рашин Сайнс

тел.(843) 216-30-35

Отпечатано с готового оригинал-макета

ООО «Рашин Сайнс»